

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 6. ДАР ОРЛА

Пролог

Часть первая. Второе «я»

1. Фиксация второго внимания
2. Совместное видение
3. Квазивоспоминания другого «я»
4. Пересечение границ привязанности
5. Орда разгневанных магов

Часть вторая. Искусство сновидения

6. Потеря человеческой формы
7. Совместное сновидение
8. Правая и левая сторона осознания

Часть третья. Дар орла

9. Правило нагваля
10. Партия воинов нагваля
11. Женщина-нагваль
12. Неделание Сильвио Мануэля
13. Тонкости искусства сновидения
14. Флоринда
15. Оперенный змей

ПРОЛОГ

Хотя я и антрополог, эта работа является не антропологической. Однако, она уходит своими корнями в антропологию культуры, потому что много лет назад она была начата как полевые исследования именно в этой области. В то время я интересовался применением лекарственных растений индейцами Юго-западной и Северной Мексики.

Со временем мои исследования постепенно перешли в нечто иное, как следствие их собственной инерции и моего собственного роста. На исследование лекарственных растений наложилось исследование системы верований, которая пронизывала границы по крайней мере двух различных культур.

Лицом, ответственным за такое смещение моих интересов в работе, был индеец из племени яки (Северная Мексика) дон Хуан Матус, который позднее представил меня дону Хенаро Флорес, индейцу племени масатек (Центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время обычно известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии; фактически же оно является традицией исключительно владеющих собой практиков и состоит из чрезвычайно сложных методов.

Эти два человека стали скорее моими учителями, чем просто информаторами, хотя я и продолжал необоснованно рассматривать свою задачу как антропологическую. Я затратил годы, стараясь выделить культурную матрицу из этой системы, совершенствуя таксономию, схему классификации, гипотезу происхождения и распространения системы. Все это было пустой затратой сил, ввиду того, что внутренние силы самой этой системы перевели мой интерес в другое русло и превратили меня в участника.

Под влиянием этих двух могучих людей моя работа преобразовалась в автобиографию в том смысле, что я был вынужден с того момента, как сам стал участником, записывать все, что со мной происходило. Это странная биография, поскольку я не пишу о том, что случается со мной в повседневной жизни обычного человека, как не пишу о своих субъективных состояниях, вызываемых этой жизнью.

Я пишу скорее о событиях, которые происходят в моей жизни как прямой результат принятия чужого набора идей и процедур. Иными словами, система верований, которую я собирался изучать, поглотила меня, и для того, чтобы продолжать свой критический обзор, я должен платить ежедневно необычайной ценой — своей жизнью как человека в этом мире.

Благодаря этим обстоятельствам я столкнулся теперь с особой проблемой, необходимостью объяснить, что же такое то, что я делал. Я очень далеко отошел от того, чем я был раньше — средним западным человеком и антропологом, — и я должен прежде всего напомнить, что данная работа не плод фантазии. То, что я описываю, чуждо нам и поэтому кажется нереальным.

По мере того как я вхожу глубже в путаницу магии, то, что раньше казалось примитивной системой верований и ритуалов, оказывается теперь огромным запутанным миром. Для того, чтобы познакомиться с этим миром и написать о нем, я должен пользоваться самим собой все более сложно и все более утонченно. То, что со мной происходит, не является более чем-то таким, что известно антропологам о системе верований мексиканских индейцев. Соответственно, я оказываюсь в трудном положении.

Все, что мне остается делать при подобных обстоятельствах, так это представить все так, как оно происходило. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни и что в своем повседневном существовании я следую принципам системы дон Хуана.

После того, как дон Хуан Матус и дон Хенаро Флорес, два мага из мексиканских индейцев, которые меня обучали, объяснили мне свое учение так, что сами остались удовлетворены, они попрощались и покинули меня. Я понял, что с этих пор моей задачей становится закрепить самому то, чему они меня научили.

В ходе этой задачи я вернулся в Мексику и обнаружил, что дон Хуан и дон Хенаро имели еще девять учеников магии: пятерых женщин и четырех мужчин. Старшую звали Соледад, затем была Мария Елена по прозвищу «ла Горда» (толстая). Остальные три женщины — Лидия, Роза и Жозефина — были моложе и их называли «сестренками»; четыре мужчины по старшинству были: Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито, — последних трех звали «Хенарос», поскольку они были учениками дон Хенаро.

Я уже знал раньше, что Нестор, Паблито и Элихио, которого там больше не было, были учениками, но я считал, что четыре девушки были сестрами Паблито и что Соледад была их матерью. В течение нескольких лет я был знаком с Соледад и называл ее донья Соледад в знак уважения, потому что по возрасту она была ближе к дону Хуану. С Лидией и Розой я был также знаком, но наши встречи были слишком короткими и случайными, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Жозефину и Горду я знал только по имени. Я встречался с Бениньо, но не имел ни малейшего представления о том, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что ждут, чтобы я занял место дона Хуана как их лидер, их нагваль. Они рассказали мне, что дон Хуан и дон Хенаро исчезли с лица земли так же, как и Элихио. Эти женщины и мужчины считали, что эти трое не умерли, а вошли в другой мир, отличный от мира нашей повседневной жизни, однако такой же реальный.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной с самой первой нашей встречи. Тем не менее, они были тем инструментом, который меня активизировал.

Контакт с ними вызвал мистическое брожение в моей жизни. С того самого момента, как я с ними встретился, в моем мышлении и понимании произошли разительные перемены. Все это произошло, однако, не на сознательном уровне. Если я что-нибудь и нашел после своего первого визита к ним, то это еще большую, чем когда бы то ни было, путаницу в голове. Однако, в самой глубине этого хаоса я встретился с удивительно твердой опорой. В своей стычке с ними я обнаружил в себе такие ресурсы, об обладании которыми я и не подозревал.

Горда и три сестрички были совершенными сновидящими. Они добровольно дали мне всякие указания и показали мне свои собственные достижения. Дон Хуан описывал искусство сновидения, как способность использовать свои обычные сны, превращая их в контролируемое сознание при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли «вторым вниманием».

Я ожидал, что трое Хенарос будут обучать меня своим достижениям в другом аспекте учения дона Хуана и дон Хенаро, искусству «красться», или искусству «сталкера». Искусство сталкера было представлено мне, как ряд приемов и установок, которые позволяют наилучшим образом выходить из любой вообразимой ситуации. Но все, что трое Хенарос рассказали мне об искусстве stalking, не имело ни смысла, ни силы по сравнению с тем, чего я ожидал. Я сделал вывод, что эти трое мужчин в действительности не практиковали этого искусства или же они просто не хотят мне его показывать.

Я прекратил свои расспросы для того, чтобы дать каждому возможность почувствовать себя со мной легко и расслабленно, но все эти мужчины и женщины отстранились, считая, что раз я не задаю больше вопросов, значит, я, наконец, стал вести себя как нагваль.

Каждый из них стал требовать от меня совета и руководства. Для того, чтобы все это выполнить, я должен был сделать полный обзор всего того, чему дон Хуан и дон Хенаро обучили меня. Я был вынужден войти еще глубже в искусство магии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРОЕ «Я»

1. ФИКСАЦИЯ ВТОРОГО ВНИМАНИЯ

Был полдень, когда я прибыл туда, где жили Горда и сестренки. Горда была одна, сидя снаружи у двери и глядя на далекие горы. Она объяснила мне, что ушла в воспоминания и как раз в данный момент была на грани того, чтобы вспомнить что-то очень смутное, связанное как-то со мной.

Тем же вечером, после ужина, Горда, три сестренки, трое Хенарос и я сидели на полу комнаты Горды.

Женщины сидели рядом.

По какой-то причине, хотя я и был с каждым из них одинаковое время, я выделял Горду в качестве доверенной всех моих забот. Другие как бы не существовали для меня. Я считал, что причиной было, вероятно, то, что Горда напоминала мне дону Хуана в отличие от остальных. В ней была какая-то легкость и простота, хотя это не проявлялось никак в ее поступках и существовало только в моем восприятии ее.

Все они хотели знать, что я делал и чем занимался.

Я рассказал им, что ездил в город Толлан <столица толтеков> (провинция Идальго), где посетил несколько археологических развалин. Больше всего на меня произвел впечатление ансамбль из четырех фигур, колоссальных, колоннообразных, называемых «атланты», которые стояли на плоской крыше пирамиды.

Каждая из почти цилиндрических фигур высотой 4.5 метра и в поперечнике 0.9 метра. Изготовлены они из четырех отдельных глыб базальта и вырезаны в виде того, что, по мнению археологов, должно выражать толтекских воинов, облаченных в воинские доспехи. В шести метрах позади каждой из этих фигур на вершине пирамиды находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн той же высоты и ширины, как и первые, и также изготовленных из отдельных каменных глыб.

Благоговейный страх, вызываемый этими фигурами, усилился после рассказа о них друга, который водил меня по этим местам. Он рассказал, что один завсегдатай этих развалин признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам так, что земля трясется под ними.

Я попросил Хенарос прокомментировать то, что я услышал.

Они уклонялись от ответа и посмеивались.

Я обратился к Горде, сидящей рядом со мной, и прямо спросил ее мнение.

— Я никогда не видела этих фигур, — сказала она, — я никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда приводит меня в ужас.

— Почему это пугает тебя, Горда? — спросил я.

— Что-то случилось со мной в развалинах Монте-альбан в Оасаке, — сказала она. — я обычно бродила по этим развалинам даже после того, как нагваль дон Хуан Матус запретил мне и ногой туда ступать. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оасаке, я отправлялась туда.

Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, обычно я шла туда с Паблито, который очень смел.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он заметил, что на земле что-то поблескивает. Мы немного покопались и вырыли странный камень, который как бы влился в мою ладонь. В камне было аккуратно просверлено отверстие. Я хотела просунуть туда палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладким и сильно согревал мою руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, как если бы это была какая-то живая зверюшка.

Все расхохотались. В том, что Горда рассказывала, казалось, была скрыта какая-то шутка.

— Куда ты его дела? — спросил я.

— Мы принесли его сюда, в этот дом, — ответила она, и это заявление вызвало у остальных неудержимый смех. Они кашляли и задыхались от хохота.

— Шутка обернулась против Горды, — сказал Нестор. — тебе надо понять, что она упряма, как никто другой.

Нагваль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые она может найти зарытыми в землю, но за его спиной она подбирала всякую чепуху.

Тогда в оасаке она настояла на том, чтобы нести эту богом проклятую вещь. Мы сели с ней в автобус и привезли камень прямо в этот город, а затем и в эту комнату.

— Нагваль и Хенаро отправились в какую-то поездку, — сказала Горда. — я осмелела, просунула палец в отверстие и поняла, что камень обтесан таким образом, чтобы его держать в руке. Сразу же я смогла ощущать чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был камень силы. Мое настроение изменилось. Я стала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то такое, что не имело ни формы, ни окраски. Я не могла находиться одна. Я просыпалась от собственного крика, и уже через пару дней я совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию днем и ночью.

— Когда вернулись нагваль и дон Хенаро, — сказал Нестор, — то нагваль отправил меня и Хенаро положить камень обратно, точно на то место, где он был закопан. Хенаро понадобилось три дня, чтобы определить точное место. И он его нашел.

— Что с тобой случилось потом, Горда? — спросил я.

— Нагваль похоронил меня, — сказала она. — девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал приступ всеобщего хохота.

— Нагваль сказал ей, что она не может выходить оттуда, — объяснил Нестор. — Бедной Горде пришлось писать и какать в свой гроб. Нагваль замуровал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать ей воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

— Почему он захоронил ее? — спросил я.

— Это был единственный способ поместить ее под защиту, — сказал Нестор, — она должна была находиться под землей, чтоб земля ее вылечила. Нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же нагваль должен был убрать ощущение этого камня, который был сфокусирован на Горде. Земля — это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагваль знал, что ей не станет хуже от того, что она девять дней проведет захороненной. Ей могло стать только лучше. Что и случилось.

— Горда, что это за чувство — быть захороненной? — спросил я.

— Я чуть с ума не сошла, — сказала она, — но это было просто мое потакание себе. Если бы нагваль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень большим мужчиной. Могу сказать, что его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов его кто-то убил. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то находит на меня, чтобы есть мое мясо. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был человеком силы, но кто-то еще более сильный одолел его.

Нагваль говорил, что если иметь предмет такого рода, то это принесет несчастье, потому что его сила входит в столкновение с другими предметами такого рода, и владелец становится или

преследователем, или жертвой. Нагваль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, так как та часть нашего внимания, которая фокусируется на них, чтобы придать им силу, является очень опасной и воинственной частью.

— Горда очень жадная, — сказал Паблито. — она рассчитывала, что если она найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то она станет победителем, так как в наше время уже никто не стремится бросать вызов.

Горда согласилась кивком головы.

— Я знала, что можно поднять что-либо еще, кроме той силы, которую имеют такие предметы, — сказала она. — когда я впервые засунула палец в отверстие и зажала в ладони камень, моя рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя большой и сильной. Я скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу в руке камень. После того, как я держала его в руке несколько дней, начался настоящий ужас. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и чувствовала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Это меня действительно пугало. Мне бы следовало тогда бросить камень, но то чувство, которое я ощутила, было настолько новым, что я держала камень зажатым в кулаке, как проклятая дура. Когда же я наконец бросила его, то было уже поздно. Что-то во мне попало на крючок. Я стала видеть людей, подступающих ко мне, людей, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они кусают меня, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

— Как эти видения объяснял дон Хуан? — спросил я.

— Он сказал, что она больше не имела защиты и поэтому могла воспринимать фиксацию того человека, его второе внимание, которое было влито в тот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагваль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в этот камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили ее, съев его тело. Нагваль сказал также, что те, кто его убивал, знали об этом, вот почему они ели его живым, чтобы заполучить ту силу, которая еще оставалась в нем. Должно быть, они закопали камень, чтобы избежать беды. Ну, а Горда и я, как два идиота, нашли его и выкопали.

Горда кивнула утвердительно два или три раза. У нее было очень серьезное выражение лица.

— Нагваль сказал мне, что второе внимание — это самое свирепое из всего существующего, — сказала она. — если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть хуже.

— Ужасно здесь то, что мы цепляемся, — сказал Нестор. — тот человек, что владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу — вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как съедают его мясо. Нагваль сказал, что если бы тот человек отказался от своего чувства обладания и отдал бы себя смерти, какая бы она ни была, то в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил у остальных, не имеют ли они какого-либо еще мнения. Сестрички с удивлением посмотрели на меня. Бениньо хихикнул и прикрыл лицо своей шляпой.

— Мы с Паблито были в пирамидах Тулы, — сказал он, наконец. — мы посетили все пирамиды, какие только есть в мексике. Они нам нравятся.

— Почему вы посещаете все пирамиды? — спросил я его.

— Я, пожалуй, не знаю, зачем мы к ним ездим, — сказал он. — наверное потому, что нагваль Хуан Матус запретил нам делать это.

— А ты, Паблито? — спросил я.

— Я ездил туда учиться, — ответил он вызывающе и засмеялся. — я жил когда-то в городе Тула и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагваль говорил, что он тоже жил там раньше. Он знал о пирамидах все. Он сам был из народа толтек.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало более, чем любопытство. Основной причиной, по которой я принял приглашение друга, было то, что во время моего первого визита к Горде и остальным, они открыли мне такое, о чем дон Хуан никогда мне не намекал: что он рассматривал себя потомком племени толтек. Тула была древним эпицентром империи толтеков.

— Что ты думаешь об атлантах, гуляющих по ночам? — спросил я у Паблито.

— Конечно по ночам они ходят, — сказал он. — эти штуки были там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды. Нагваль Хуан Матус говорил мне, что испанцы были не первые, кто обнаружил их. Нагваль сказал, что до них были другие. Бог знает, сколько их было.

— Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? — спросил я.

— Это не мужчины, а женщины, — сказал он. — пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют 4 ее угла, — это 4 ветра, 4 направления. Они фундамент и основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами, если хочешь.

Как ты знаешь сам, мы, мужчины, не ахти какие. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но и только. Нагваль Хуан Матус сказал, что загадка пирамиды — в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида — мужчина, поддерживаемый своими четырьмя женскими воинами, мужчина, который поднял своих поддерживательниц до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть у меня на лице отразилось изумление. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

— Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, — сказал я. — но это потому, что дон Хуан никогда не говорил мне ни о чем подобном. Пожалуйста, расскажи все, что знаешь.

— Атланты — это нагваль. Они сновидящие. Они представляют собой порядок второго внимания, выведенного вперед, поэтому они такие пугающие и загадочные, они — существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн, прямоугольных, представляет собой порядок первого внимания — тональ. Они сталкеры. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от первого ряда. Паблито остановился и взглянул на меня почти отчужденно, затем расплылся в улыбке.

Я думал, что он будет продолжать, объясняя то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я сказал ему, насколько был заинтригован, и попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности, взглянул на меня пристально и глубоко вздохнул. Едва он начал говорить, как голоса остальных заглушили его шумом протеста.

— Нагваль уже объяснил это всем нам, — сказала Горда нетерпеливо. — Зачем заставлять повторять это?

Я попытался объяснить им, что действительно не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал на том, чтобы он продолжал свои объяснения.

Опять возникла волна голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как смотрели на меня сестрички, они очень сердились, особенно Лидия.

— Мы не хотим говорить об этих женщинах, — сказала мне Горда сдержанным тоном. — одна только мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

— Что с вами со всеми? — спросил я. — почему вы так себя ведете?

— Мы не знаем, — ответила Горда. — это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно, пока минуту назад ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление Горды было как бы сигналом тревоги. Все стали и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос.

Мне потребовалось долгое время, чтобы их успокоить и усадить. Сестренки были очень взбешены, и их состояние, казалось, передалось Горде.

Трое мужчин лучше держали себя в руках. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины были так возбуждены. Очевидно я ненамеренно делал что-то такое, что раздражало их.

— Я действительно не знаю, в чем дело, — сказал он. — Уверен, что никто из присутствующих не понимает, что с нами творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и опечаленными.

— Потому, что мы разговариваем о пирамидах? — спросил я.

— Должно быть, так, — бесстрастно сказал он. — я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

— Да знал же ты, конечно, идиот, — бросила Лидия.

Нестор, казалось, был смущен ее выходкой, однако он расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

— Может я и знал, — сдался он. — мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто из нас ничего уже не знает наверняка. С тех пор, как ты вошел в наши жизни, мы больше не знаем самих себя.

Возникла очень напряженная атмосфера. Я настаивал на том, что единственным способом рассеять ее — будет говорить об этих загадочных колоннах пирамид.

Женщины горячо протестовали. Мужчины молчали. У меня был такое ощущение, что в принципе они сочувствуют женщинам, но втайне хотят обсудить этот вопрос, так же как и я.

— Говорил дон Хуан еще что-нибудь о пирамидах, Паблито? — спросил я. Моим намерением было отвести разговор от болезненной темы об атлантах, но в то же время оставить его рядом.

— Он сказал, что одна особая пирамида там, в Туле, была гидом, — охотно ответил Паблито.

По тону его голоса я заключил, что он действительно хочет разговаривать, а внимание остальных учеников убедило меня в том, что втайне все они хотели бы обменяться мнениями.

— Нагваль сказал, что это гид ко второму вниманию, — продолжал Паблито, — но эта пирамида была разграблена и все там уничтожено. Он сказал мне, что некоторые из пирамид были гигантским неделанием. Они были не жилищем, а местами, где воины практиковались в

сновидениях и втором внимании. Все, что они делали было запечатлено в рисунках и надписях, нанесенных на стенах.

Затем пришли, вероятно, воины другого рода. Такие, которые не одобрили все, что сделали маги пирамиды со своим вторым вниманием, и они разрушили пирамиду, и все, что было в ней. Нагваль считал, что новые воины были, должно быть, воинами третьего внимания, такими же как он сам; воины, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации второго внимания. Маги пирамиды были слишком заняты своей фиксацией, чтобы понять, что происходит. Когда же они поняли, то было уже слишком поздно.

Паблито захватил слушателей. Все в комнате, включая меня, были зачарованы тем, что он говорил. Я понимал идеи, которые он излагал, потому, что дон Хуан объяснял их мне.

Дон Хуан сказал, что все наше существо состоит из двух воспринимающих сегментов. Первый — это наше знаковое физическое тело, которое мы можем ощущать. Второй — светящееся тело, которое является коконом и может быть замечено только видящими. Это кокон, который придает нам вид гигантского светящегося яйца. Он сказал также, что одной из самых важных задач магии является достичь светящегося кокона. Цель, которая достигается путем сложной системы использования сновидений и путем жесткой систематической практики неделания.

Он определил «неделание» как незнакомое нам действие, которое вовлекает все наше существо, заставляя его осознавать свою светящуюся часть.

Для того, чтобы объяснить эти концепции, дон Хуан изобразил наше сознание, неравно разделенное на три части. Самую маленькую часть он назвал первым вниманием и сказал, что это то внимание, которое развито в каждом нормальном человеке для жизни в повседневном мире; оно охватывает сознание физического тела.

Другую, более крупную часть, он назвал вторым вниманием и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать наш светящийся кокон и действовать как светящиеся существа. Он сказал, что второе внимание остается на заднем плане в продолжение всей нашей жизни, если оно не выводится вперед благодаря специальной тренировке или случайной травме, и что оно охватывает сознание светящегося тела.

Последнюю, самую большую часть он назвал третьим вниманием; это неизмеримое сознание, которое включает в себя необозримые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам третье внимание. Он сказал, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдет в него полностью, я узнаю это сразу же, потому что все в нем тотчас же станет тем, чем оно в действительности и является — всплеском энергии. Он добавил, что поле битвы воинов — второе внимание, которое является чем-то вроде полигона подготовки к достижению третьего внимания. Это состояние очень трудно достижимо, но крайне плодотворно, если его достигнуть.

— Пирамиды вредны, — продолжал Паблито, — особенно для незащищенных воинов, подобных нам. Еще хуже они для бесформенных воинов, подобных Горде. Нагваль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация второго внимания. Когда воины выучиваются фокусироваться на слабой стороне второго внимания, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагваль назвал их ловушками второго внимания.

— Что в точности случается, как он говорил? — спросила Горда.

— Нагваль сказал, что мы можем выдержать, пожалуй, одну поездку на пирамиды. — объяснил Паблито. — при втором посещении мы будем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который сделает нас вялыми и усталыми. Такое утомление очень скоро превратится в невезение. Через короткое время мы станем носителями несчастья, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагваль фактически сказал, что наши неудачи вызваны своевольными посещениями этих развалин вопреки его рекомендациям.

Элихио, например, всегда слушался нагваля, его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал и этот наш нагваль. И им всегда везло, в то время как все остальные носили с собой свое невезение, особенно Горда и я. Разве нас не кусала всегда одна и та же собака? И разве одни и те же перекладки, поддерживающие кухонный навес, не загорались дважды и не падали на нас?

— Нагваль никогда мне этого не объяснял, — сказала Горда.

— Да объяснял, конечно же, — настаивал Паблито.

— Я и ногой не ступала бы в эти проклятые места, если бы знала насколько это плохо, — запротестовала Горда.

— Нагваль говорил каждому из нас одни и те же вещи, — сказал Нестор. — беда в том, что каждый из нас невнимательно слушал или каждый слушал его по-своему и слышал только то, что хотел услышать.

Нагваль сказал, что фиксация на втором внимании имеет две плоскости. Первая и самая легкая плоскость является злом. Так происходит, когда сновидящие используют свое искусство сновидения, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах мира, подобных деньгам и власти над людьми.

Вторая плоскость крайне трудно достижима, и она возникает, когда сновидящий фокусирует свое второе внимание на предметах, которых нет в этом мире, подобно путешествиям в неизвестное.

Воинам требуется бесконечная безупречность, чтобы достичь этой плоскости.

Я сказал им, что уверен в том, что дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие — другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда бы то ни было рассказывал мне о злой плоскости второго внимания.

Затем я рассказал им, что дон Хуан рассказывал мне о фиксации второго внимания вообще.

Он подчеркнул мне, что все археологические развалины в мексике, особенно пирамиды, были вредными для современного человека. Он описал пирамиды как чуждые выражения мысли и действия. Он сказал, что каждая деталь, каждый рисунок в них был рассчитанным усилием выразить такие аспекты внимания, которые для нас чужды. Для дон Хуана это были не просто развалины прошлых культур, но они несли в себе опасности. Все, что там было объектом всепоглощающего притяжения, имело вредный потенциал.

Однажды мы обсуждали это подробно. Вызвано это было его реакцией на мои замечания по поводу затруднения в том, где мне можно было бы безопасно хранить свои записи. Я смотрел на них с сильным чувством собственника и был обеспокоен их безопасностью.

Я спросил его, что мне делать.

— Хенаро уже раз предлагал тебе решение, — ответил он. — ты думал, как всегда, что он шутит. Он никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком своего пальца. Ты не понял его, потому что не мог вообразить, что это — «неделание» записей.

Я стал спорить о том, что его предложение должно было быть шуткой. Я воображал себя ученым, которому необходимо записывать все, что было сказано и сделано, для того, чтобы вынести достоверное заключение. Для дон Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, совсем не надо делать записей. Лично я решения не видел. Предложение дон Хенаро казалось мне забавным, но вовсе не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что записывание является способом вовлечения второго внимания в задачу запоминания и я записывал для того, чтобы помнить, что было сказано и сделано. Рекомендация дон Хенаро не была шуткой, потому что записывание на бумаге кончиком пальца как «неделание» записей вынудит мое второе внимание сфокусироваться на запоминании, и тогда я не накапливал бы листов бумаги. Дон Хуан думал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, это никогда не делалось, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время записывать так. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но также успокаивало меня. Это была моя наиболее полезная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и устойчивости.

— Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, объяснил мне дон Хуан, ты фокусируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону, эту фиксацию. Чем сильнее мы становимся, тем губительней становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых могла бы фокусироваться их сила, а фокусировать ее на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных вещах. В твоем случае твои записи — это твой щит. Они не позволяют тебе жить спокойно.

Я серьезно чувствовал, что на земле нет ничего, что могло бы разлучить меня с моими записями. Тогда дон Хуан изобрел для меня задачу взамен настоящего неделания.

Он сказал, что для тех, кто охвачен таким чувством собственности, как я, подходящим способом освободиться от своих записей было бы раскрыть их, сделать всеобщим достоянием, написать книгу. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать все пальцем.

— Твои побуждения обладать и держаться за вещи — не уникальны, — сказал он. — каждый, кто хочет следовать тропой воина по пути мага, должен освободиться от этой мании.

Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою одержимость.

Это рождало вопрос, чей предмет более сильный, и чей самый сильный из всех.

Остатки этих предметов еще остаются в мире — обломки этой борьбы за власть. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили эти предметы. Люди бесконечно более

сильные, чем ты, вливали в них все грани своего внимания. Ты еще просто начал вливать свои мелочные заботы и хилую тревогу в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней внимания. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще тащишь рюкзак с записями на спине. К тому времени записи станут живыми, особенно если ты научишься писать кончиком пальца и будешь вынужден все еще собирать листы бумаги. При таких условиях меня не удивило бы ни в коей мере, если бы кто-нибудь повстречал твои тюки, идущие сами по себе.

— Мне легко понять, почему нагваль Хуан Матус не хотел, чтобы мы чем-нибудь владели, — сказал Нестор после того, как я кончил свой рассказ. — мы все являемся сновидящими. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое тело сновидений на слабой стороне второго внимания. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставил меня освободиться от всего, что я имел.

Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Бениньо и Паблито от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. Я по сравнению с ними был богачом. В то время у меня и мысли не было, что он защищает мое тело сновидений.

Дон Хуан описывал мне искусство сновидений по-разному. Наиболее туманные из этих описаний, как мне теперь кажется, описывают его лучше всего. Он сказал, что искусство сновидения в сущности своей является неделанием сна. Как таковое, искусство сновидения дает тем, кто его практикует, использование той части их жизни, которую они проводят в хаосе.

Сновидящие как бы не спят больше. И тем не менее никаких болезненных последствий от этого не возникает.

Не так, чтобы у сновидящих отсутствовал сон, но эффект сновидения, казалось, увеличивает время бодрствования благодаря использованию так называемого вспомогательного тела — тела сновидений.

Дон Хуан объяснял мне, что тело сновидений — это нечто такое, что иногда называют «дубль», или «другой», потому что это точная копия тела сновидящего.

В сущности, это энергия светящегося тела. Дон Хуан объяснил, что тело сновидений не привидение, а реально настолько, насколько реально все, с чем мы имеем дело в этом мире вещей.

Он сказал, что второе внимание неизбежно вынуждено фокусироваться на общем нашем существе как поле энергии и трансформировать эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое, конечно, это изображение нашего физического тела, с которым мы уже близко знакомы из нашей повседневной жизни и использование своего первого внимания. То, что проводит энергию нашего общего существа с целью создать что бы то ни было в границах возможного, обычно называют волей.

Дон Хуан не мог сказать, где находятся эти границы, но только на уровне светящихся существ этот диапазон настолько велик, что бесполезно и пытаться установить пределы, поэтому воля может преобразовать энергию светящегося существа во что угодно.

— Нагваль сказал, что тело сновидений включается и цепляется за все, что придется, — сказал Бениньо. — это не имеет значения. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, потому что у мужчин тело сновидений больше стремится к обладанию.

Сестренки дружно согласились, закивав головами. Горда взглянула на меня и улыбнулась.

— Нагваль рассказывал мне, что ты — король собственников, — сказала она мне. — Хенаро сказал, что ты даже со своим дерьмом прощаешься прежде, чем спустить его.

Сестренки попадали от смеха. Хенарос делали явные усилия, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, погладил мое колено.

— Нагваль и Хенаро рассказывали о тебе целые истории, — сказал он. — они годами развлекали нас рассказами о том, с каким странным парнем они знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал волну раздражения. Выходило так, что дон Хуан и дон Хенаро предали меня, смеясь надо мной перед учениками. Мне стало жаль себя. Я стал жаловаться. Я сказал громко, что они уже были предрасположены к тому, чтобы быть против меня и считать меня дураком.

— Это неверно, — сказал Бениньо. — мы очень рады, что ты с нами.

— Разве? — бросила Лидия. Между ними всеми начался горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Горда не примкнула ни к одной группе.

Она осталась сидеть сбоку от меня, в то время как остальные встали и кричали.

— Мы переживаем трудное время, — сказала Горда тихим голосом. — мы уже очень много занимались сновидением и все же этого недостаточно для того, что нам надо.

— Что же вам надо, Горда? — спросил я.

— Мы не знаем, — ответила она. — мы надеемся, что ты скажешь нам это.

Сестренки и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит мне Горда.

— Нам нужен руководитель, — продолжала она. — ты нагваль, но ты не руководитель.

— Нужно время, чтобы стать безупречным нагвалем, — сказал Паблито. — нагваль Хуан Матус говорил, что он и сам был ни рыба ни мясо в молодости, пока что-то не вытряхнуло его из его самодовольства.

— Я этому не верю, — закричала Лидия. — мне он этого никогда не говорил.

— Он говорил, что был большим растяпой, — добавила Горда тихим голосом.

— Нагваль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, — сказал Паблито. — его бенефактор тоже говорил ему, чтобы он не ходил к пирамидам, но из-за этого он чуть ли не жил там, пока его не изгнала оттуда толпа призраков.

Очевидно никто из присутствующих не знал этого рассказа. Все встрепнулись.

— Я совсем об этом забыл, — объяснял Паблито. — я только что это вспомнил. Это получилось так же, как с Гордой. Однажды, когда нагваль сделался, наконец, бесформенным воином, злые фиксации тех воинов, которые совершали свои сновидения и свое неделание в этих пирамидах, последовали за ним. Они нашли его в тот момент, когда он работал в поле. Он рассказывал мне, что увидел руку, которая высывалась из осыпавшейся земли в свежей борозде. Эта рука схватила его за штанину. Он подумал, что, видимо кого-то из рабочих, бывших с ним, засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу, в котором был погребен человек. Нагваль сказал, что человек этот был очень худ, темен и не имел волос. Нагваль поспешно пытался починить гроб. Он не хотел, чтобы это увидели рабочие, бывшие с ним, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав его против его воли. Он так усердно работал, что не заметил даже, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени, говорил нагваль, земляной гроб развалился, и темный человек вывалился на землю совершенно голый. Нагваль попытался помочь ему подняться и попросил людей дать ему руку. Они смеялись над ним. Они считали, что у него началась белая горячка от пьянства, потому что в поле не было ни человека, ни земляного гроба, ни вообще чего-либо подобного.

Нагваль говорил, что он был потрясен, но не смел рассказать об этом своему бенефактору. Но это не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. Он пошел открыть дверь после того, как кто-то постучал, и в дом ворвалась куча голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он видел призраков и выдернул нагваля в безопасное место в глубокую яму, которую он всегда держал наготове за домом. Он закопал там нагваля, в то время как призраки сновали вокруг, поджидая удобного случая.

Нагваль рассказал мне, что был тогда очень напуган, что даже после того, как призраки скрылись окончательно, он еще долгое время добровольно отправлялся по ночам спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, готовились разойтись.

Они нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от сидения.

Тогда я рассказал им, что у меня вызвало раздражение утверждение моего приятеля, что атланты пирамиды Тулы ходят по ночам. Я не оценил той глубины, на которой я принял все, чему меня учили дон Хуан и дон Хенаро. Я понял, что полностью отбросил суждения, даже несмотря на то, что моему уму было совершенно ясно, что возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур не может даже входить в область хоть сколько-нибудь серьезного обсуждения.

Моя реакция была для меня сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что моя идея хождения атлантов по ночам была ясным примером фиксации второго внимания. К такому заключению я пришел на основании следующего:

Во-первых, мы не являемся тем, чем нас заставляет считать наш здравый смысл. В действительности мы светящиеся существа, способные осознать свою светимость.

Во-вторых, как светящиеся существа, осознавшие свою светимость, мы способны раскрыть различные плоскости нашего осознания или нашего внимания, как это называл дон Хуан.

В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто сознательными усилиями, которые делаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной травмы.

В-четвертых, было такое время, когда маги сознательно направляли различные стороны своего внимания на материальные объекты.

В-пятых, атланты, судя по их действию, внушающему благоговейный страх, были, должно быть, объектами фиксации магов прежнего времени.

Я сказал, что сторож, рассказавший мне и моему другу, раскрыл, несомненно, другую плоскость своего внимания. Он мог неосознанно, хотя бы на момент, стать восприимчивым проекций второго внимания древних магов. Тогда мне не казалось столь уж невероятным, что человек может зрительно воспринимать фиксацию тех магов.

Если эти маги были членами традиции дона Хуана и дона Хенаро, тогда они должны были быть безупречными практиками, и в этом случае не было бы никаких границ тому, что они могли выполнить при помощи фиксации своего второго внимания. Если они имели намерение, чтобы атланты ходили по ночам, тогда атланты станут ходить по ночам.

По мере того, как я говорил, три сестрички все более сердились на меня. Когда я кончил, Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и вышли, даже не попрощавшись.

Мужчины последовали за ними, но остановились в дверях и попрощались со мной за руку.

— Что-то неладно с этими женщинами, — сказал я.

— Нет, они просто устали от разговоров, — сказала Горда. — они ждут от тебя каких-нибудь действий.

— Как же тогда Хенарос не устали от разговоров? — спросил я ее.

— Они глупее женщин, — ответила она сухо.

— А что касается тебя, Горда? — спросил я. — ты тоже устала от разговоров?

— Я не знаю ничего про себя, — сказала она бесстрастно. — когда я с тобой, я не устаю, но когда я с сестренками, я устаю смертельно так же, как и они.

Я оставался с ними в течение еще нескольких дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестренки были враждебны ко мне. Хенарос просто терпели меня кое-как. Только Горде, казалось, было легко со мной. Я удивлялся, почему. Перед отъездом в лос-анжелес я спросил ее об этом.

— Не знаю, как это может быть, но я привыкла к тебе, — сказала она. Как будто мы с тобой вместе, а сестренки и Хенарос — это совсем другой мир.

2. СОВМЕСТНОЕ ВИДЕНИЕ

В течение нескольких недель после возвращения в Лос-анжелес я испытывал легкое недомогание, выражающееся в головокружении и внезапной потере дыхания при физическом напряжении. Однажды ночью это достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе, потеряв способность дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как гипервентиляцию, вызванную, скорее всего напряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал дышать в бумажный мешок, если приступ еще когда-нибудь повторится.

Я решил вернуться в мексикку, чтобы спросить совета у Горды. Когда я рассказал ей о диагнозе доктора, она спокойно заверила меня, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов сбросил свои щиты и то, что я испытываю, является потерей «человеческой формы» и входом в новое состояние отделенности от человеческих дел.

— Не борись с этим, — сказала она. — бороться против этого — наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем то, что должно произойти. Брось свой страх и теряй свою человеческую форму шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад ее человеческой формы начался у нее в матке с отчаянной боли и необычного давления, которое медленно смещалось — вниз к ногам и вверх к горлу. Она сказала также, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый нюанс моего входа в это новое состояние. Я приготовился писать детальный отчет обо всем, что станет происходить, но к моему великому разочарованию ничего больше не происходило. После нескольких дней бесплодного ожидания я отбросил объяснение Горды и решил, что доктор поставил правильный диагноз.

Мне это было совершенно понятно. Я нес ответственность, которая порождала невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое принадлежало мне, по мнению учеников, но я не имел никакого представления, как его вести.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом.

Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, значит, обязательно потеряю жизнь.

Дон Хуан настроил меня жить исключительно личной силой, что я понимал как состояние бытия, отношения порядка между субъектом и вселенной, отношение, которое не может быть разорвано, не приводя субъекта к смерти. Поскольку никаких мыслимых способов изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что моя жизнь подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и их напряжение.

Когда я вернулся, то обнаружил, что они стоят снаружи у дверей дома сестренки так, как если бы они меня ждали. Нестор подбежал к моей машине прежде, чем я выключил мотор, он прокричал, что Паблито сбежал. Он ушел, чтобы умереть, сказал Нестор, в городе Тула, на месте его предков.

Я был в ужасе. Я чувствовал себя виновным.

Горда не разделяла моего отношения к происходящему. Она сияла, светясь удовлетворением.

— Этому красавчику лучше умереть, — сказала она. — все мы теперь будем жить гармонично, как и должны были. Нагваль говорил, что ты внесешь перемену в наши жизни. Что

ж, ты ее принес — Паблито нам больше не досаждают. Ты от него избавился. Посмотри, как мы счастливы. Нам без него лучше живется.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан дал нам всем форму жизни воина. Я подчеркнул, что безупречность воина требует, чтобы я не позволил Паблито умереть вот так просто.

— И что же ты собираешься делать? — спросила Горда.

— Я собираюсь взять одного из вас, чтобы жить с ним, — сказал я. — до того дня, когда вы все, включая Паблито, сможете уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал самыми близкими к Паблито. Горда смеялась дольше всех остальных, явно вызывая меня.

Я обратился за моральной поддержкой к Нестору и Бениньо. Они смотрели в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию Горды. Я просил ее. Я использовал все доводы, какие только приходили на ум. Она смотрела на меня с глубоким презрением.

— Не будем вмешиваться, — сказала она остальным.

Она улыбнулась мне совершенно пустой улыбкой. Она передернула плечами и поджала губы, как бы чмокая.

— Мы рады видеть тебя с нами, — сказала она мне, — при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь разговаривать об этом маленьком своднике.

— Ты, Горда, бесформенный воин, — сказал я, — ты сама мне это говорила. Почему же ты тогда судишь Паблито?

Горда не ответила. Но она приняла удар. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

— Горда с нами! — закричала Жозефина высоким визгливым голосом.

Три сестренки окружили Горду и затолкали ее внутрь дома. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли.

— Что ты собираешься делать? Взять кого-нибудь из нас силой? — спросила Горда.

Я сказал им всем, что считаю своим долгом помочь Паблито и что я стал бы делать то же самое для любого из них.

— Ты действительно думаешь, что осуществишь это? — спросила Горда с глазами, горящими от злости.

Я хотел яростно закричать, как уже сделал однажды в их присутствии. Но теперь обстоятельства были иными. Я не мог это делать.

— Я собираюсь взять Жозефину, — сказал я. — я — нагваль.

Горда собрала маленьких сестренок и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки, но что-то во мне знало, что если они это сделают, их объединенная сила станет пугающей и мои усилия забрать Жозефину будут тогда напрасными. Моим единственным шансом было ударить их прежде, чем они успеют соединиться. Я толкнул Жозефину обеими ладонями так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде, чем они смогли вновь собраться в группу, я ударил ледию и розу. Они согнулись от боли. Горда бросилась на меня с такой яростью, какой я раньше никогда не видел в ней. Это было похоже на атаку дикого зверя.

Вся ее концентрация была в едином броске ее тела. Если бы она меня ударила, то убила бы. Она промахнулась на дюйм мимо моей груди. Я схватил ее сзади в охапку и мы покатались вместе на землю. Мы катались и катались, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани физического обморока.

Горда смущенно улыбнулась и прошептала мне на ухо, что рада, что я одолел ее.

Я увез Жозефину к Паблито. Я чувствовал, что она — единственная из всех учеников, кто искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, а Паблито меньше всех раздражал ее. Я чувствовал, что его чувство рыцаря заставит его придти ей на помощь, поскольку она будет в такой помощи нуждаться.

Месяц спустя я опять вернулся в Мексику. Паблито и Жозефина вернулись. Они жили вместе в доме Хенарос и делили его с Бениньо и розой. Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а Горда жила одна в доме сестричек.

— Тебя не удивляет наша новая аранжировка жилья? — спросила Горда.

Мое удивление было более, чем очевидным. Я хотел узнать все, что стояло за этой новой организацией.

Горда сухим тоном дала мне понять, что за всем этим, насколько ей известно, не было ничего.

Они изображали себе жизнь парами, но не как пары в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я могу думать, они были безупречные воины.

Новая форма была довольно приятной. Все, казалось, полностью успокоились. Не было больше ни подначек, ни всплеск конкуренции между ними. Они стали одеваться в том стиле, какой был принят у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, которые почти касались пола. Они одевали темные шали и заплетали волосы в косы. Исключением была Жозефина, которая всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у Горды о причине их нового одевания. Она сказала, что они готовились уехать. Раньше или позже с моей помощью или без нее, но они собирались покинуть эту долину. Они хотели бы отправиться в новый мир, в новую жизнь. Когда они это сделают, они признают перемену. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем более резким будет переход на одежду города.

Она сказала, что их обучали быть текучими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что я был обучен тому же.

Моей задачей было обращаться с ними с легкостью вне зависимости от того, как они вели себя по отношению ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и поселиться где-либо еще, чтобы убедиться могут ли они быть такими текучими, какими полагается быть воину.

Я спросил ее, каково в действительности ее мнение о наших шансах на успех. Она сказала, что на всех наших лицах начертано поражение. Горда резко изменила тему разговора, сказав, что в своем сновидении она смотрела в гигантское узкое ущелье между двумя огромными круглыми горами. Она считала, что эти круглые горы ей знакомы, и хотела, чтобы я отвез ее в город, расположенный неподалеку. Она считала, не зная почему, что эти две горы расположены там и что указание, полученное ею в ее сновидении, состояло в том, чтобы мы оба отправились туда.

Мы выехали, когда начало светать. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень небольшим, и я не помнил в его окрестностях ничего похожего на видение Горды. Вокруг него были только размытые холмы. Оказалось, что двух больших гор там действительно не было или же, если они и были, мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не оставляло ощущение, что мы знали что-то неопределимое — чувство, которое временами переходило в уверенность, а затем опять отступало во тьму и просто в раздражение и замешательство. Посещение этого города странным образом взволновало нас или же, лучше сказать, что по неизвестным причинам мы стали очень беспокойными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помнил, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что я не только бывал тут, но даже какое-то время жил здесь. Это не было отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощущал, было смутным, но сильным предчувствием, что нечто вот-вот прояснится в моем мозгу. Я не знал, что именно, — возможно, просто какое-то воспоминание.

Временами это смутное предчувствие было всепоглощающим, особенно когда я увидел один дом. Я остановил машину перед ним. Мы с Гордой смотрели на него из машины наверное час, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него.

Мы оба были на грани. Мы стали говорить о ее видении двух гор. Наш разговор скоро перешел в спор. Она считала, что я не принял ее сновидения всерьез. Мы оба разошлись вовсю и кончили тем, что стали орать друг на друга не столько от гнева, сколько от нервного напряжения. Я поймал себя на этом и остановился.

На обратном пути я остановил машину у края грязной дороги. Мы вышли размять ноги. Горда все еще казалась взволнованной. Мы прошли немного, но было слишком ветрено, чтобы испытывать удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

— Если бы ты только привлек свое знание, — сказала Горда просящим тоном. — ты бы понял, что потеря человеческой формы... Она остановилась посреди фразы. Должно быть ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня было какое-то знание, которое я мог привлечь, то я уже давно сделал бы это.

— Но ведь мы светящиеся существа, — сказала она тем же умоляющим тоном. — для нас еще так много всего. Ты — нагваль, значит для тебя еще больше.

— Что же по твоему мнению мне следует делать? — спросил я.

— Ты должен оставить свое желание цепляться за все. То же самое происходило со мной. Я цеплялась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, потому что я не знаю, за что я цепляюсь. Она настаивала, что где-то, как-то я знаю, что ставлю барьеры потере своей человеческой формы.

— Наше внимание натренировано непрерывно быть в фокусе на чем-то, — продолжала она. — именно так мы поддерживаем мир.

Твое первое внимание было обучено фокусироваться на чем-то, совершенно чуждом мне, но очень знакомом для тебя.

Я сказал ей, что моя мысль гуляет в абстракциях; не таких абстракциях, как, например, математика, но скорее, как категории разума.

— Сейчас самое время уйти от всего этого, — сказала она. — чтобы потерять человеческую форму, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравнивал все так основательно, что парализуешь самого себя.

Я был не в состоянии спорить. То, что она называла потерей человеческой формы, было слишком смутной концепцией, чтобы тут же размышлять об этом. Я был поглощен тем, что мы испытали в этом городе. Горда не хотела об этом говорить.

— Единственное, что имеет значение, так это привлечение твоего знания, сказала она. — если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито и я вступила в драку.

Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения человеком его знания. Не отдавая себе в точности отчета в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требовали способности видеть.

— Ты не просто напал на нас, — сказала она. — ты видел.

Она была права в каком-то смысле. В тот раз имело место нечто, совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, просто с личными размышлениями. У меня не было адекватного объяснения всему происшедшему, разве что я мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня невообразимым образом.

Когда я вошел в тот дом и увидел четырех женщин, я осознал в долю секунды, что могу сместить свой обычный способ восприятия. Я увидел 4 аморфных шара, излучавших очень интенсивный желтоватый свет, которые были прямо передо мной. Один из них был более спокойным, более приятным. Другие три были недружелюбные, острыми беловато-желтыми сияниями. Более спокойным желтоватым сиянием была Горда. И в тот момент три недружелюбных сияния угрожающе склонялись над ней.

Шар беловатого цвета, ближайший ко мне, которым была Жозефина, был немного неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я дал ему толчок и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны. У меня не было сознательной идеи, что я должен их пнуть в это место. Я просто нашел эту выемку подходящей, она каким-то образом приглашала меня пнуть туда ногой. Результат был разрушительным. Лидия и Роза сразу отключились. Я пнул каждую из них в правое бедро. Это не было пинком, который мог бы сломать какую-нибудь кость. Я просто надавил ногой или, вернее, толкнул пузыри света, которые были передо мной. Тем не менее все выглядело так, как будто я нанес им по ужасающему удару в самое уязвимое место на их телах.

Горда была права: я привлек знание, об обладании которым и не подозревал. Если это называется видением, то для моего интеллекта достаточно логично было сделать вывод, что «видение» — это знание тела.

Ведущая роль чувства зрения в нас воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазом. То, что я испытал, нельзя было назвать чисто зрительным. Я «видел» шары света чем-то еще помимо моих глаз. Поскольку я осознавал, что в поле моего зрения находятся 4 женщины, то я поэтому имел все время с ними дело. Шары света даже не налагались на них. Эти два набора изображений были отделены друг от друга. Что осложняло для меня все, так это вопрос времени: все было настолько сжато в несколько секунд, и если бы я переходил взглядом от одной сцены к другой, то такой переход должен был бы быть настолько быстрым, что становился бессмысленным.

Поэтому я могу вспомнить только о восприятии двух совершенно различных сцен одновременно.

После того, как я пнул два шара света, желтоватый свет — Горда — бросился на меня. Он бросился не прямо на меня, но целясь в мою левую сторону с того самого момента, как начался бросок. Этот шар явно был намерен промахнуться. Когда свечение прошло мимо меня, я схватил его. Когда я катался с ним по полу, я почувствовал, что вплавляюсь в него. Это был единственный момент, когда я действительно потерял последовательность происходившего. Я вновь осознал себя, когда Горда гладила мне тыльные стороны ладоней.

— В наших сновидениях сестренки и я научились сцеплять руки, — сказала Горда. Мы знаем, как образовать цепь. В тот день нашей проблемой было то, что мы никогда не образовывали цепь вне нашей комнаты. Именно поэтому они потащили меня внутрь. Твое тело знало, что значит для нас сцепить руки. Если бы мы это сделали, то я была бы под их контролем. Они более свирепы, чем я. Их тела плотно закрыты, они не связаны с сексом. Я

связана. Это делает меня более слабой. Я уверена, что твоя зависимость от секса затрудняет привлечение твоего знания.

Она продолжала говорить дальше о пагубных последствиях того, что имеет пол. Я чувствовал неудобство. Я попытался увести разговор от этой темы, но она, казалось, была намерена возвращаться все время к этому вопросу, несмотря на то, что видела, как мне не по себе.

— Поедем с тобой в город мехико, — сказал я в отчаянии, думая, что испугаю ее. Она не отвечала. Она поджала губы, скосив глаза. Она напрягла мышцы подбородка и вывернула верхнюю губу, пока она не выпятилась под самым носом. Ее лицо так исказилось, что я отшатнулся. Реагируя на мое удивление, она расслабила мышцы лица.

— Давай, Горда, поедем в город мехико, — сказал я.

— Конечно, почему бы и нет, — сказала она. — что мне надо для этого?

Я не ожидал такой реакции и кончил тем, что сам испугался.

— Ничего, — сказал я. — мы поедем так, как есть.

Ничего не говоря, она уселась на сидение и мы поехали в сторону города мехико. Было еще рано, даже до полудня было еще далеко. Я спросил, осмелится ли она ехать со мной до Лос-анжелеса. Минуту она, казалось, думала.

— Я только что задала этот вопрос своему светящемуся телу, — сказала она.

— И что оно ответило?

— Оно сказала: если сила это позволит.

В ее голосе было такое богатство чувства, что я остановил машину и обнял ее. Моя привязанность к ней в этот момент была настолько глубока, что я испугался. Она не имела ничего общего с сексом или стремлением к психологической поддержке; это чувство превосходило все, что я знал.

Объятие с Гордой вернуло мне ощущение, которое было у меня ранее, будто что-то во мне собиралось вырваться наружу. Что-то такое, что было отодвинуто в глубину, которую я не мог достичь сознательно. Я почти знал, что это такое, но тут же терял это, когда тянулся за ним.

В город Оаксака мы с Гордой прибыли в начале вечера. Я оставил машину на одной из боковых улочек, и мы прошли к площади в центре города. Мы искали скамейку, на которой обычно сидели дон Хуан и дон Хенаро. Она была не занята. Мы уселись там в благоговейном молчании.

В конце концов Горда сказала, что она была здесь много раз с доном Хуаном, и также еще с кем-то, кого она не может вспомнить. Она не уверена, было это наяву или просто ей снилось.

— Что вы делали с доном Хуаном на этой скамейке? — спросил я.

— Ничего. Мы просто ждали автобуса или грузовика, который подбросит нас в горы, — ответила она.

Я рассказал ей, что когда я сидел с доном Хуаном на этой скамейке, то мы разговаривали часами.

Я рассказал ей о той склонности, которую он имел к поэзии, и как я обычно читал ему стихи, когда нам нечего было больше делать. Он слушал стихи, придерживаясь того мнения, что только первую строфу и лишь иногда вторую стоило слушать; остальные строфы он считал индальгированием поэта.

Лишь очень не много стихов из сотен, которые я ему прочитал, он прослушал полностью.

Сначала я читал ему то, что мне нравилось, а именно абстрактные двусмысленные, идущие от ума стихи. Позднее он заставлял меня вновь и вновь читать то, что нравилось ему. По его мнению, стихотворение должно быть компактным, желательно коротким. Оно должно быть составлено из точных, прямых и очень простых картин.

В конце дня, на этой скамейке, стихотворение Цезаря Бальехо, казалось, всегда подводило черту под его особое чувство тоски. Я прочитал его Горде по памяти не столько ради нее, сколько ради себя.

Интересно, что она делает в этот час,
Моя милая рита, девушка анд,
Мой легкий тростник, дерево дикой вишни,
Теперь, когда усталость душит меня
И кровь засыпает, как ленивый коньяк.
Интересно, что она делает теми руками,
Которые с постоянной прилежностью
Гладили крахмальную белизну
После полудня.
Теперь, когда этот дождь
Уносит мое желание идти дальше.
Интересно, что стало с ее юбкой с каймой,
С ее вечным трудом, с ее походкой,

С ее запахом весеннего сахарного тростника,
Обычным в тех местах.
Она, должно быть, в дверях
Смотрит на быстро несущиеся облака.
Дикая птица на крыше издает свой крик,
И, вздрогнув, она, наконец, скажет:
«Господи, как холодно».

Воспоминания о доне Хуане были невероятно живыми. Это не было воспоминаниями на уровне моей мысли, так же, как они не были и на уровне всех моих осознаваемых чувств.

Это был неизвестный вид памяти, который заставил меня заплакать. Слезы лились из моих глаз, но они совсем не успокаивали меня.

Последний час дня всегда имел особое значение для дон Хуана. Я перенял у него такое отношение к этому часу и его убеждение в том, что если что-либо важное должно произойти со мной, то оно произойдет именно в этот час.

Горда положила мне голову на плечо. Какое-то время мы оставались в таком положении.

Я чувствовал себя расслабленно. Возбуждение ушло из меня. Странно, что такой простой акт, как то, что я положил свою голову на голову Горды, принес мне такой покой. Я хотел пошутить, сказав ей, что нам следовало бы связать наши головы вместе. Но тут же я понял, что она сразу переиначит мои слова и посмеется надо ими. Тело мое затряслось от смеха, и я понял, что сплю, хотя глаза мои были открыты и я мог легко встать, если бы захотел. Мне не хотелось двигаться, поэтому я остался в том же положении, одновременно бодрствуя, и спя. Я видел, что прохожие глазают на нас, но мне не было до них никакого дела. Обычно мне не нравилось быть объектом внимания. Затем внезапно все люди передо мной превратились в большие пузыри белого света. Я смотрел на светящиеся яйца, не мельком, а непрерывно, впервые в своей жизни. Дон Хуан говорил мне, что человеческие существа кажутся видящему светящимися яйцами. Я уже испытал проблески такого восприятия, но никогда не фокусировал своего зрения на них так, как делал в этот день.

Пузыри света сначала были аморфными, как если бы мои глаза не были сфокусированы, но затем, в одну секунду, мое зрение как бы установилось, и пузыри света стали продолговатыми светящимися яйцами. Они были большими, фактически они были огромными, наверное, больше двух метров длиной и больше одного метра шириной и даже шире. Один раз я заметил в какой-то момент, что яйца больше не двигались, а следили за мной, угрожающе наклоняясь надо мной. Я осторожно пошевелился и сел прямо. Горда крепко спала у меня на плече. Вокруг нас была группа подростков. Должно быть, они думали, что мы пьяны. Они передразнивали нас. Самый смелый из подростков касался грудей ла Горды. Я встряхнул ее и разбудил. Мы поспешно встали и ушли. Они последовали за нами, насмехаясь над нами и выкрикивая оскорбления. Присутствие полицейского на углу помешало им продолжать преследование. Мы прошли в полном молчании до того места, где я оставил свою машину. Вечер почти наступил. Внезапно Горда схватила меня за руку. Ее глаза были дикими, рот открыт. Она показала рукой.

— Смотри, смотри! — закричала она. — там нагваль и Хенаро.

Я увидел двух людей, поворачивающих за угол длинного квартала впереди нас. Горда быстро побежала. Я побежал за ней и на ходу спросил, уверена ли она. Она была вне себя. Она сказала, что, когда она взглянула, она увидела, как оба, и дон Хуан, и дон Хенаро, в упор смотрели на нее. В тот момент, когда их глаза встретились с ее глазами, они двинулись прочь.

Когда мы достигли угла, два человека были все еще на том же расстоянии от нас. Я не мог различить их черт. Они были одеты, как мексиканские селяне. Они были в соломенных шляпах. Один был плотным, как дон Хуан, другой был тонким, как дон Хенаро. Оба мужчины завернули за другой угол, и мы опять помчались за ними. Улица, на которую они повернули, была пустынной и вела к окраине города. Она слегка поворачивала влево. Двое мужчин находились как раз там, где улица поворачивала. В этот момент произошло нечто, что заставило меня почувствовать, что это действительно могут быть дон Хуан и дон Хенаро. Это было движение, которое сделал более тонкий человек.

Он повернулся к нам на три четверти оборота и кивнул головой, как бы приглашая следовать за собой; подобный жест дон Хенаро обычно использовал по отношению ко мне, когда мы были в лесу. Он обычно смело шел впереди меня, движением головы приглашая догнать себя.

— Горда начала кричать в полный голос:

— Нагваль! Хенаро! Подождите!

Она бежала впереди меня. Они шли очень быстро по направлению к каким-то хижинам, которые были плохо видны в полутьме. Они, должно быть, вошли в одну из них или повернули в какой-то из нескольких проходов, так как внезапно исчезли из виду.

Горда стояла на месте и изо всех сил, безо всякого стыда, выкрикивала их имена. Люди выходили на улицу, чтобы посмотреть, кто орет. Я держал ее, пока она не успокоилась.

— Они были как раз передо мной, — сказала она, плача. — меньше, чем в трех метрах. Когда я закричала, привлекая твоё внимание, они мгновенно оказались за квартал от нас.

Я пытался утихомирить её. Она была сильно возбуждена. Дрожа, она цеплялась за меня. По какой-то причине я был абсолютно уверен, что эти два человека не были доном Хуаном и доном Хенаро, а поэтому я не разделял возбуждения ла Горды. Она сказала, что нам следует ехать назад, домой, что сила не позволяет ей ехать в лос-анжелес со мной и даже в город мексико. Для такого путешествия ещё не пришло время. Она была убеждена, что встреча с ними была указанием. Они исчезли, указав на восток, по направлению к её родному городу.

У меня не было никаких возражений против того, чтобы сразу же отправиться назад. После всего того, что случилось с нами в этот день, я должен был быть смертельно усталым. Вместо этого я ходуном ходил от совершенно непонятного прилива сил. Это мне напомнило времена с доном Хуаном, когда я чувствовал себя готовым пробивать стены плечом.

На обратном пути в машине я опять был полон очень нежной привязанности к Горде. Я никогда не смогу достаточно отблагодарить её за помощь. Я думал, что бы она там ни сделала для того, чтобы помочь мне видеть светящиеся яйца, это сработало. Она была такой мужественной, рискуя быть осмеянной и даже затронутой, когда сидела на той скамейке. Я выразил ей свою благодарность. Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, затем расхохоталась.

— Я то же самое думала о тебе, — сказала она. — я думала, что это ты так сделал для меня. Я тоже видела светящиеся яйца, для меня это тоже было впервые. Мы одновременно видели вместе! Как это делали обычно нагваль и Хенаро.

Когда я открыл дверцу машины, полное значение того, что мы сделали, поразило меня. До этого момента я был как бы онемелый, что-то во мне замедлилось. Теперь моя эйфория была столь же интенсивной, как совсем недавно — возбуждение Горды. Я хотел выбежать на середину улицы и кричать. Теперь настала очередь Горды сдерживать меня.

Она присела на корточки и помассировала мои икры. Как ни странно, я тотчас же успокоился. Я обнаружил, что мне трудно разговаривать. Мои мысли опережали мою способность обращать их в слова. Теперь я не хотел сразу же ехать назад в её город. Казалось, ещё так много надо сделать. Поскольку я не мог объяснить ясно, чего я хочу, то я практически потащил упирающуюся Горду назад к площади, но в этот час там не было пустых скамеек. Я был голоден, поэтому я повел её в ресторан. Она думала, что не сможет есть, но когда нам принесли еду, оказалось, что она так же голодна, как и я.

Еда полностью расслабила нас.

Позднее, тем же вечером, мы сидели на скамейке. Я удерживался от разговора о том, что с нами произошло, до тех пор, пока мы не сможем там сесть. Горда сначала ничего не хотела говорить. Мой ум был в странном состоянии возбуждения. У меня были подобные моменты с доном Хуаном, но, как правило, они были связаны с последствием галлюциногенных действий.

Я начал с того, что описал Горде то, что я видел. Что больше всего поразило меня в светящихся яйцах, так это их движения. Они не шли. Они двигались плывущим образом, и, однако, они двигались по земле. То, как они двигались, не было приятным. Их движения были скованными, деревянными, порывистыми. Когда они находились в движении, вся форма яйца становилась меньше и круглее. Они, казалось, прыгали или дергались, или встряхивались вверх-вниз с большой скоростью. Это вызвало очень неприятное нервное чувство. Пожалуй, ближе всего я могу описать физическое неудобство, вызываемое их движением, сказав, что чувство у меня было такое, будто изображения на экране кино давались с нарастающей скоростью.

Что ещё меня заинтересовало, так это то, что я не заметил никаких ног. Я однажды видел балетную постановку, в которой танцоры изображали солдат, катающихся по льду на коньках. С этой целью они носили длинные туники, которые свисали до самого пола. Их ног нельзя было увидеть, поэтому создавалась иллюзия, что они скользят по льду. Светящиеся яйца, которые парадом шли мимо меня, создавали впечатление, что они скользят по пересеченной местности. Их светимость встряхивалась вверх-вниз почти незаметно для глаза, тем не менее этого было достаточно, чтобы вызвать у меня болезненное чувство. Когда яйца были в покое, они становились удлиненными. Некоторые из них были такими длинными и застывшими, что невольно рождалась ассоциация с деревянными иконами.

Ещё более беспокоящей чертой светящихся яиц было отсутствие глаз. Я никогда так остро не сознавал, насколько сильно мы привязаны к глазам живых существ. Светящиеся яйца были абсолютно живыми, они наблюдали за мной с большим любопытством. Я мог видеть, как они, дергаясь вверх-вниз, перегибались, чтобы посмотреть на меня. Но без всяких глаз.

Многие из этих светящихся яиц имели на себе черные пятна, огромные пятна ниже среднего сечения. Другие их не имели. Горда рассказала мне, что размножение воздействует на тела как мужчин, так и женщин, вызывая появление дыры в нижней части живота, но пятна на этих светящихся яйцах не казались мне похожими на дыру. Это были участки без светимости, но в

них не было глубины. Те, что имели черные пятна, казалось, были мягкими и усталыми. Гребень их яйцевидной формы был поникшим (скорлупа их яйца была морщинистой), он казался темным, непрозрачным по сравнению с остальной их светимостью. С другой стороны, те, кто не имел пятен, были раздражающе яркими. Они казались мне опасными. Они вибрировали, наполненные энергией и белизной.

Горда сказала, что в момент, когда я положил свою голову на ее, она тоже вошла в состояние, напоминающее состояние сновидения. Она бодрствовала и в то же время не могла двигаться. Она осознавала, что кругом люди. Затем она увидела, как они превратились в светящиеся пузыри, а затем в светящиеся яйцевидные существа. Она не знала, что я тоже вижу. Она думала сначала, что я наблюдаю за ней, но в какой-то момент давление моей головы стало настолько сильным, что она совершенно разумно заключила, что я, должно быть, тоже вижу. Лишь после того, как я выпрямился и оттолкнул молодого человека, трогавшего ее, пока она спала, я сообразил, что могло случиться с ней.

То, что мы увидели, различалось, так как она отличала мужчин от женщин по форме каких-то нитей, которые она называла «корни». У женщин, сказала она, связки нитей напоминают львиный хвост, они растут внутрь от того места, где находятся гениталии. Она объяснила, что эти корни были тем, что дает жизнь. Эмбрион, для того чтобы расти, прикрепляет себя к одному из этих питающих «корней» и полностью съедает его, оставляя только дыру. Мужчины, с другой стороны, имеют короткие нити, которые очень живы и плавают почти отдельно от светящейся массы самих тел.

Я спросил ее, что, по ее мнению, было причиной нашего совместного видения. Она уклонилась от каких бы то ни было комментариев, но попросила меня продолжать свои рассуждения. Я сказал ей, что, по моему мнению, единственно очевидным является то, что фактором были эмоции.

После того, как мы с Гордой уселись на любимую скамейку дона Хуана в начале вечера этого дня, я прочитал стихотворение, которое ему очень нравилось, я был заряжен эмоциями. Мои эмоции, должно быть, подготовили мое тело, но я также должен был учесть тот факт, что, занимаясь сновидениями, я научился входить в состояние совершенного спокойствия. Я мог отключать свой внутренний диалог и оставаться как бы внутри кокона, выглядывая через дырочку. В таком состоянии я мог или отбросить часть контроля, который я имел, или же я мог держаться за этот контроль и оставаться пассивным без мыслей и желаний. Однако я не думаю, чтобы это были такие уж значительные факторы. Я считал катализатором Горду. Я считал, что именно мои чувства по отношению к ней создали условия для видения.

Горда смущенно засмеялась, когда я рассказал ей, что думал.

— Я не согласна с тобой, — сказала она. — я думаю, что случилось так, что твое тело начало воспринимать.

— Что ты имеешь в виду, Горда? — спросил я.

Последовала длинная пауза. Казалось, она не то боролась с собой, чтобы сказать что-то, чего она не хочет говорить, не то пыталась найти подходящие слова.

— Я не знаю так много всего, — сказала она, — и в то же время я не знаю, что я знаю. Я помню так много, что в конце концов кончаю тем, что не могу вспомнить ничего. Я думаю, ты в том же положении и сам.

Я заверил ее, что я этого не осознаю. Она отказалась мне поверить.

— Временами я действительно верю, что ты не знаешь, но временами мне кажется, что ты играешь с нами. Нагваль рассказывал мне, что он сам не знал. Мне теперь приходит на память очень многое из того, что о тебе говорили.

— Что значит, что мое тело начало вспоминать? — настаивал я.

— Не спрашивай меня об этом, — сказала она с улыбкой. — я не знаю, что ты должен вспомнить, и даже что это за воспоминание. Я сама этого никогда не делала. Уж настолько-то я знаю.

— Есть ли кто-нибудь среди учеников, кто мог бы рассказать мне об этом? — спросил я.

— Никто, — сказала она. — я думаю, что я — курьер к тебе, курьер, который на этот раз может принести тебе только половину послания.

Она поднялась и попросила меня ехать назад, в ее город. Я был слишком взволнован, чтобы уехать тут же. По моему предложению мы походили по площади. В конце концов мы сели на другую скамейку.

— Тебе не кажется странным, что мы с такой легкостью можем видеть вместе? — спросила Горда.

Я не знал, что она имеет в виду, поэтому медлил с ответом.

— Что бы ты сказал, если бы я тебе сказала, что, по моему мнению, мы уже раньше видели вместе? — спросила Горда, отчетливо выговаривая слова.

Я не мог понять, что она имеет в виду. Она повторила вопрос еще раз, и все же я не видел в нем смысла.

— Когда мы могли видеть вместе раньше? — спросил я. — твой вопрос не имеет смысла.

— В том-то и беда, — заметила она. — он не имеет смысла, в то же время я чувствую, что мы видели вместе раньше.

Я чувствовал озноб и поднялся. Я опять вспомнил то ощущение, которое было у меня в том городе. Горда открыла рот, чтобы что-то сказать, но остановилась на полуслове. Она посмотрела на меня, ошеломленная, приложила руку к моим губам, а затем буквально потащила меня к машине.

Я вел машину всю ночь. Я хотел разговаривать, анализировать, но она заснула, как если бы намеренно избегала всякого обсуждения. Она была права, конечно, из нас двоих она была тем, кто понимал ту опасность, которая возникала при рассеивании настроения при чрезмерном анализировании его.

Когда мы вышли из машины, приехав к ее дому, она сказала, что мы совсем не должны разговаривать о том, что случилось с нами в оасаке.

— Но почему, Горда? — спросил я.

— Я не хочу тратить нашу силу, — сказала она. — это путь мага. Никогда не растрачивай свои достижения.

— Но если мы не будем говорить об этом, мы никогда не узнаем, что в действительности случилось с нами, — запротестовал я.

— Мы должны молчать по крайней мере девять дней, — сказала она.

— Разве мы не можем поговорить об этом между собой? — спросил я.

— Разговор между собой — это как раз то, чего мы должны избегать. Мы уязвимы. Мы должны дать себе время оправиться.

3. КВАЗИВОСПОМИНАНИЯ ДРУГОГО «Я»

— Не скажешь ли ты, что происходит? — спросил меня Нестор, когда мы собрались вместе в тот вечер. — куда вы вдвоем ездили вчера?

Я забыл рекомендацию ла Горды не говорить о происшедшем с нами и стал им рассказывать, что мы поехали сначала в близлежащий городок и обнаружили там заинтересовавший нас дом. Всех их, казалось, охватила внезапная дрожь. Они встрепнулись, посмотрели друг на друга, а затем на Горду, как бы ожидая, что она расскажет им дальше об этом.

— Что это был за дом? — спросил Нестор.

Прежде чем я начал говорить, Горда прервала меня. Она начала рассказывать торопливо и почти неразборчиво. Мне было ясно, что она импровизирует. Она употребляла слова и даже фразы на языке масатек. Она бросала на меня украдкой взгляды, которые передавали молчаливую просьбу ничего не говорить об этом.

— Как насчет твоих сновидений, нагваль? — спросила она с облегчением, как человек, который выпутался из трудного положения. — нам бы хотелось всем знать обо всем том, что ты делаешь. Я думаю, очень важно, чтобы ты рассказал нам об этом.

Она наклонилась ко мне и осторожно, как только могла, прошептала мне на ухо, что из-за того, что произошло с нами в оасаке, я должен рассказать им о своем сновидении.

— Почему это должно быть важным для вас? — спросил я громко.

— Я думаю, что мы очень близки к концу, — сказала Горда бесстрастно. — все, что ты сейчас скажешь или сделаешь, представляет для нас сейчас величайшую важность.

Я рассказал им содержание того, что считал своим настоящим сновидением. Дон Хуан рассказывал мне, что нет смысла обращать особое внимание на наши попытки. Он дал мне эмпирическое правило. Если я вижу одно и то же три раза, то я должен уделить особое внимание этому; в остальных случаях попытки неофита будут простой ступенью в построении третьего внимания.

Однажды во сне я увидел, что проснулся, и выскочил из постели, тут же обнаружив самого себя, спящего в кровати. Я наблюдал себя спящего и имел достаточно самоконтроля, чтобы вспомнить, что я нахожусь в сновидении. Тогда я последовал указаниям дон Хуана, которые состояли в том, чтобы избегать внезапных встрясок и удивлений и воспринимать все спокойно. Сновидящий, говорил дон Хуан, должен быть погружен в бесстрастное экспериментирование.

Вместо того, чтобы рассматривать свое спящее тело, сновидящий выходит из комнаты. Я внезапно оказался, непонятно, каким образом, снаружи комнаты. И у меня было такое впечатление, что я оказался там мгновенно. Когда я остановился, то холл и лестница показались мне громадными. Если что и испугало меня той ночью, так это размеры этих сооружений, которые в реальной жизни были вполне нормальными. Холл был около 15 метров длиной, а лестница — 16 ступенек.

Я не мог себе представить, как преодолеть те огромные расстояния, которые воспринимал. Я находился в неподвижности, а затем что-то заставило меня двигаться. Однако я не шел, я не чувствовал своих шагов. Совершенно неожиданно я оказался держащимся за перила. Я мог

видеть кисти и предплечья рук, но не чувствовал их. Я удерживался при помощи какой-то силы, которая была никак не связана с моей мускулатурой, насколько я ее знаю. То же самое произошло, когда я попытался спуститься с лестницы. Я не знал, как ходить. Я не мог сделать ни шага, будто мои ноги были склеены вместе. Наклоняясь вперед, я мог видеть мои ноги, но не мог двинуть их ни вперед, ни вбок, ни поднять их к груди.

Казалось, я прирос к верхней ступеньке. Я чувствовал себя чем-то вроде тех пластмассовых кукол, которые могут наклоняться в любом направлении до тех пор, пока не примут горизонтального положения лишь для того, чтобы вес тяжелых оснований поднял их вертикально <"ванька-встанька">.

Я предпринимал огромные усилия, чтобы идти и шлепал со ступеньки на ступеньку, как полунатутый мяч. Мне потребовалось невероятно большое внимание, чтобы добраться до первого этажа. Я никак не могу иначе это описать. Определенное внимание потребовалось, чтобы сохранить свое поле зрения, чтобы не дать ему распасться на мимолетные картины обычного сна.

Когда я наконец добрался до входной двери, я не мог ее открыть. Я пытался отчаянно, но безуспешно. Затем я вспомнил, что выбрался из своей комнаты, выскользнув из нее, как если бы дверь была открыта. От меня потребовалось только вспомнить то чувство выскальзывания, и внезапно я был уже на улице. Было тепло. Особая свинцово-серая темнота не позволяла мне воспринимать никаких цветов. Весь мой интерес был тотчас притянут к широкому полю яркого света. Передо мной на уровне глаз я скорее вычислил, чем воспринял, что это был уличный фонарь, поскольку я помню, что такой фонарь находился сразу на углу, в шести метрах над землей. Тут я понял, что не могу привести свое восприятие в соответствующий порядок, чтобы можно было правильно судить, где есть верх, где низ, где здесь, где там. Все казалось необычным. У меня не было никакого механизма, как в обычной жизни, чтобы построить свое восприятие.

Все находилось на переднем плане, а у меня не было желания заниматься необходимой процедурой настройки восприятия.

Ошеломленный, я находился на улице, пока у меня не появилось ощущение, что я левитирую.

Я удерживался за металлический столб, на котором висели фонарь и уличный знак на углу. Сильный ветер поднимал меня вверх. Я скользнул вверх по столбу, пока не смог ясно разобрать название улицы: Аштон.

Несколько месяцев спустя, когда я снова оказался в сновидении, у меня уже был репертуар того, что мне надо было делать, глядя на свое спящее тело. В ходе своих регулярных сновидений я узнал, что в этих сновидениях значение имеет волевое усилие, а сама реальность тел значения не имеет. Я выскользнул из комнаты без колебаний, поскольку мне не нужно было открывать дверей, ни ходить, для того, чтобы двигаться. Именно память тормозит сновидящего. Холл и лестница уже не были такими большими, какими они показались мне в первый раз. Я проскользнул с большой легкостью и оказался на улице. Где пожелал себе передвинуться на три квартала дальше. Я воспринимал фонари, как очень беспокойное зрелище. Если я фокусировал на них свое внимание, они разливались неизмеримыми озерами света. Остальные элементы этого сновидения контролировать было легко. Дома были необыкновенно большими, но очертания были знакомы. Я колебался, что делать дальше. А затем, совершенно случайно, я понял, что если я не смотрю пристально на предметы, а только взглядываю на них, как мы это делаем в повседневной жизни, то могу приводить в порядок свое восприятие: другими словами, если я буквально следовал советам дона Хуана и принимал свое сновидение, как само собой разумеющееся, то я мог пользоваться способами восприятия, присущими повседневной жизни. Через несколько секунд окружающее стало контролируемым, хотя и не полностью знакомым.

В следующий раз, когда у меня было подобное сновидение, я отправился в любимую кофейню на углу. Причина, по которой я ее выбрал, была в том, что я обычно ранним утром шел туда пить кофе. В своем сновидении я увидел официантку, работавшую в ночную смену. Я увидел несколько человек, которые ели за стойкой, а в самом углу стойки я увидел любопытное лицо человека, которого я видел каждый день бродящим по университетскому городку. Он был единственным, кто действительно взглянул на меня. В ту же секунду, как я вошел, он, казалось, почувствовал это. Он повернулся и уставился на меня.

Несколько дней спустя я рано утром, в бодрствующем состоянии, в том же кафе встретил того же самого человека. Он бросил на меня взгляд и, казалось, узнал меня. Он очень испугался и стремглав убежал, не дав мне возможности заговорить с ним.

Когда я еще один раз пришел в то кафе, ход моих сновидений изменился. Пока я наблюдал за этим через улицу, вид стал совершенно иным.

Я больше не видел знакомых домов. Вместо этого я видел первобытную картину. Был ясный день, и я смотрел на заросшую долину. Болотистые, темно-зеленые, похожие на тростник

растения покрывали все. Рядом со мной находился уступ скалы двух-трех метров высотой. Громадный саблезубый тигр сидел на нем. Я окаменел от ужаса. Мы долгое время пристально смотрели друг на друга.

Размеры зверя были поразительными, однако он не выглядел гротескным или непропорциональным. У него была великолепная голова, большие глаза цвета темного меда, массивные лапы, громадная грудная клетка.

Больше всего на меня произвела впечатление окраска его шкуры. Она была равномерно-коричневая, почти шоколадная. Цвет меха напоминал поджаренные кофейные зерна, только мех еще блестел; шерсть была странно длинной, но гладкой и чистой. Она не была похожа на мех пумы, волка или белого медведя. Мех выглядел похожим на что-то, никогда мной не виденное.

Начиная с этого времени, для меня стало обычным видеть этого тигра. Временами эта местность была затянута облаками или накрапывал дождь. Иногда я видел в долине дождь крупный, проливной. Временами же долина была залита солнцем. Довольно часто я видел в долине и других саблезубых тигров. Я мог слышать их своеобразный взвизгивающий рев — крайне отвратительный звук для меня.

Тигр ни разу не тронул меня. Мы смотрели друг на друга с расстояния 2-3 метров. Тем не менее я мог понять, чего он хочет. Он показывал мне особый способ дыхания. Я уже дошел в своих сновидениях до такой точки, что мог настолько хорошо имитировать дыхание тигра, что я начинал чувствовать, что сам превращаюсь в тигра. Я рассказал своим ученикам, что ощутимым результатом таких сновидений было то, что мое тело сразу стало более мускулистым.

Выслушав мой отчет, Нестор поразился, насколько их сновидения отличались от моих. У них были определенные задачи сновидения. Его задачей было находить лекарства от болезней человеческого тела. Задачей Бениньо было предсказать, предвидеть и найти решение всего, что касалось человека. Задачей Паблито было учиться строить.

Нестор сказал, что именно эти задачи были причиной того, что он занимался лекарственными растениями. Бениньо имел священные книги. Паблито был плотником. Он добавил, что до сих пор они только касались поверхности сновидения и ни о чем существенном они пока говорить не могут.

— Ты можешь думать, что мы много сделали, — продолжал он, — но это не так. Хенаро и нагваль все сделали для нас и этих четырех женщин. Самостоятельно мы еще ничего не сделали. Похоже на то, что нагваль учил тебя иначе, чем нас, — сказал Бениньо очень медленно и значительно. — ты, должно быть, был тигром и определенно опять в него превратишься. Именно это произошло с нагвалем. Он был вороной и еще в этой жизни опять превратился в нее.

— Проблема в том, что такой род тигра не существует больше, — сказал Нестор. — мы никогда не слышали, что бывает в таких случаях, — он повел головой, как бы приглашая всех присутствующих присоединиться к нему.

— Я знаю, что происходит, — сказала Горда. — я помню, что нагваль Хуан Матус называл это сновидением призрака. Он сказал, что никто из нас не совершал еще сновидения призрака, потому что в нас нет разрушения и насилия. Он сам никогда его не совершал. И он сказал, что тот, кто его делает, отмечен судьбой иметь помощников среди призраков и Олли.

— Что это значит, Горда? — спросил я.

— Это значит, что ты не такой, как мы, — ответила она бесстрастно.

Горда казалась очень возбужденной. Она поднялась и четыре или пять раз прошла по комнате, прежде чем села около меня.

В разговоре наступил перерыв. Жозефина бормотала что-то невразумительное. Она тоже казалось очень нервной. Горда пыталась успокоить ее, обняв за плечи и поглаживая ее по спине.

— У Жозефины есть кое-что для тебя об Элихио, — сказала мне Горда.

Все посмотрели на Жозефину без слов, но вопрошающе.

— Несмотря на тот факт, что Элихио исчез с лица земли, — продолжала Горда, — он все еще один из нас, и Жозефина все время разговаривает с ним.

Все посмотрели друг на друга и сразу стали очень внимательны, затем все посмотрели на меня.

Они встречаются в сновидениях, — сказала Горда выразительно.

Жозефина глубоко вздохнула. Она казалась воплощением нервозности. Ее тело непроизвольно тряслось. Паблито лег на нее и стал энергично дышать диафрагмой, заставляя ее дышать в унисон с ним.

— Что он делает? — спросил я Горду.

— Что он делает? Разве ты не видишь? — резко ответила она.

Я прошептал, что понимаю, что он пытается ее расслабить, но его процедура для меня нова. Она сказала, что Паблито передает Жозефине свою энергию, поместив среднюю часть своего тела, где у мужчины ее избыток, напротив матки Жозефины, где женщины хранят свою энергию.

Жозефина села и улыбнулась мне. Она выглядела совершенно расслабившейся.

— Я действительно все время встречаю Элихио, — сказала она. — он ждет меня каждый день.

— Как получилось, что ты никогда об этом не говорила? — спросил Паблито недовольным тоном.

— Она говорила мне, — прервала ее Горда, а затем вошла в длинные объяснения того, как много для всех нас означает доступность Элихио. Она добавила, что ожидала от меня знака, чтобы передать слова Элихио.

— Не ходи вокруг да около, женщина! — закричал Паблито. — скажи нам его слова.

— Они не для тебя! — крикнула ему Горда.

— Для кого же они тогда? — спросил Паблито.

— Они для нагваля, — крикнула Горда, указывая на меня.

Горда извинилась за то, что повысила голос. Она сказала, что все, что Элихио говорил, было сложным, загадочным, и она не может в этом разобраться.

— Я просто слушала его. Это все, что я могла сделать, слушать его, — продолжала она.

— Ты хочешь сказать, что тоже встречала Элихио? — тоном, в котором было максимум злости и ожидания, спросил Паблито.

— Да, — ответила Горда почти шепотом. — я не могла об этом говорить, потому что должна была ждать его.

Она указала на меня, а затем резко толкнула меня обеими руками. Я моментально потерял равновесие и шлепнулся на бок.

— Что это такое?

— Что ты с ним делаешь? — спросил Паблито тоном очень сердитым.

— Это что, было проявлением индейской любви? — я повернулся к Горде. Она сделала губами знак, чтобы я успокоился.

— Элихио сказал, что ты — нагваль, но ты не для нас, — сказала мне Жозефина.

В комнате настала мертвая тишина. Я не знал, как воспринимать заявление Жозефины, и ждал, пока заговорит кто-нибудь другой.

— Ты чувствуешь облегчение? — уколола меня Горда.

Я сказал им всем, что у меня вообще нет никакого мнения по выбору того или иного пути. Они выглядели, как рассерженные дети.

У Горды был вид хозяйки церемонии, которая была очень недовольна. Нестор поднялся и посмотрел на Горду. Он сказал ей что-то на языке масатек. Это прозвучало как команда или просьба.

— Расскажи нам все, что ты знаешь, — продолжал он по-испански. — ты не имеешь права играть с нами и держать при себе нечто столь важное.

Горда запротестовала. Она сказала, что удалила все, что знала, по просьбе Элихио. Кивком головы Жозефина подтвердила ее слова.

— Он говорил все это тебе или Жозефине? — спросил Паблито.

— Мы были все вместе, — сказала Горда едва слышным шепотом.

— Ты хочешь сказать, что вы с Жозефиной были вместе в сновидении? — у Паблито перехватило дыхание.

Удивление в его голосе, казалось, соответствовало тому потрясению, которое, казалось, прокатилось по всем остальным.

— Что же в точности сказал Элихио вам двоим? — спросил Нестор, когда прошел шок.

— Он сказал, что я должна попытаться помочь нагвалю вспомнить его левую сторону, — сказала Горда.

— Ты понимаешь, о чем она говорит? — спросил меня Нестор.

Было бы невероятным, если бы я понимал. Я сказал, чтобы они обратились за ответом к самим себе. Но никто из них не высказал никаких предположений.

— Он говорил Жозефине и другие вещи, которые она не может вспомнить, — сказала Горда. — поэтому мы действительно в трудном положении. Элихио сказал, что ты определенно нагваль и что ты должен нам помочь. Но что ты не для нас. Только вспомнив свою левую сторону, ты сможешь взять нас туда, куда мы должны идти.

Нестор заговорил с Жозефиной отеческим голосом, побуждая ее вспомнить, что сказал Элихио, не настаивая на том, чтобы я вспомнил что, что, вероятно, было каким-то кодом, поскольку никто из нас не видел в этом никакого смысла.

Жозефина моргала и гримасничала, как если бы на нее давил тяжелый груз — она и выглядела в действительности тряпичной куклой, которую расплющили. Я с тревогой наблюдал за ней.

— Не могу, — сказала наконец она. — когда он со мной разговаривает, я знаю, что он говорит, но сейчас я не могу сказать, что это было.

Ты не помнишь каких-нибудь слов? — спросил Нестор. — каких-нибудь отдельных слов?

Она высунула язык, потрясая головой с боку на бок, взвизгивая одновременно.

— Нет, не могу, — сказала она через секунду.

— Какого рода сновидениями ты занимаешься? — спросил я.

— Только теми, которые я знаю, — бросила она.

— Я рассказывал тебе, как делал их я, — сказал я. — теперь расскажи мне о своих.

— Я открываю глаза и вижу стену. Она, как стена тумана; там меня ждет Элихио. Он проводит меня через нее и показывает мне разные вещи. Я не знаю, что мы делаем, но мы что-то делаем вместе, и потом я возвращаюсь и забываю то, что видела.

— Как оказалось, что ты пошла с Гордой? — спросил я.

— Элихио сказал, чтобы я привела ее, — сказала она. — мы вдвоем подождали Горду, и, когда она вошла в свое сновидение, мы схватили и протолкнули сквозь стену ее. Мы сделали это дважды.

— Как вы схватили ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Жозефина. — но я подожду тебя, и тогда ты узнаешь.

— Ты можешь схватить любого? — спросил я.

— Конечно, — ответила она, улыбаясь. — но я не делаю этого потому, что это не нужно. Я схватила Горду потому, что Элихио говорил мне, что он хочет ей что-то сказать, потому что она умнее меня.

— Тогда Элихио говорил тебе то же самое, Горда, — сказал Нестор с твердостью, какая была мне не знакома.

Горда сделала необычный жест, опуская голову, приоткрывая углы рта, пожимая плечами и подняв руки над головой.

— Жозефина рассказала тебе, что происходило, — сказала она. — я не могу вспомнить, Элихио говорит на другой скорости. Он говорит, но мое тело не понимает его. Нет. Мое тело не сможет вспомнить, вот в чем дело. Я лишь знаю: он сказал, что нагваль, который здесь, вспомнит и возьмет нас туда, куда нужно идти. Он не мог сказать мне больше, потому что времени было мало. Он сказал, что кто-то, но я не помню, кто, ждет именно меня.

— Это все, что он сказал? — наседал Нестор.

— Когда я увидела его вторично, он сказал, что все мы должны будем вспомнить свою левую сторону, рано или поздно, если мы хотим попасть туда, куда нам надо идти. Но вот он должен вспомнить первым. — она указала на меня и опять толкнула так же, как прежде. Сила ее толчка заставила меня покатиться по полу, как мяч.

— Зачем ты это делаешь, Горда? — спросил я, несколько недовольный.

— Я пытаюсь помочь тебе вспомнить, — сказала она. — нагваль Хуан Матус говорил мне, что тебя надо время от времени толкать, чтобы ты встряхнулся.

Совершенно внезапно Горда обняла меня:

— Помоги нам, нагваль, — просила она. — если ты этого не сделаешь, нам лучше умереть.

Я был близок к слезам. Не столько из-за....., сколько потому, что что-то боролось во мне, внутри. Это было что-то такое, что все время прорывалось наружу с тех пор, как мы посетили город. Мольба Горды разрывала сердце. У меня опять начался приступ того, что походило на гипервентиляцию. Холодный пот залил меня. Затем мне стало плохо с животом. С безграничной нежностью Горда ухаживала за мной.

Верная своей тактике ожидания, Горда не хотела обсуждать наше совместное видение в оасаке. Целыми днями она оставалась замкнутой и решительно незаинтересованной. Она не собиралась обсуждать даже то, что мне стало плохо. Так же поступали и остальные женщины.

Дон Хуан обычно подчеркивал необходимость дожидаться самого подходящего времени для того, чтобы избавиться от чего-либо, что мы держим, и я понял механику действия Горды, хотя был недоволен ее упорством в выжидании. Это не соответствовало нашим интересам. Я не мог находиться здесь слишком долго, поэтому я потребовал, чтобы мы все собрались вместе и поделились тем, кто что знает. Она была непреклонна.

— Мы должны ждать, — сказала она. — мы должны дать шанс нашим телам добраться до решения. Наша задача — это задача вспомнить не умом, а телом. Все понимают это.

Она испытующе посмотрела на меня. Она, казалось, высматривала намек, который показал бы ей, что я точно понял задачу. Я признал, что я полностью озадачен, потому что я был чужим. Я был один, в то время как они поддерживали друг друга.

— Это молчание воинов, — сказала она, смеясь, а затем добавила примирительным тоном: — это молчание не означает, что мы не можем разговаривать о чем-нибудь другом.

— Может быть, вернемся назад к нашему разговору о потере человеческой формы? — спросил я.

В ее взгляде было недовольство. Я многословно объяснил, что должен понимать значение всего, в особенности когда участвуют незнакомые концепции.

— Что в точности ты хочешь узнать? — спросила она.

— Что угодно, что ты захочешь рассказать мне, — сказал я.

— Нагваль говорил мне, что потеря человеческой формы приносит свободу, — сказала она.

— Я верю этому, но не ощущаю этой свободы пока что.

Последовала минута молчания. Она, очевидно, следила за моей реакцией.

— Что это за свобода, Горда? — спросил я.

— Свобода вспомнить свое «я», — сказала она. — нагваль сказал, что потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает свободу вспоминать, а это, в свою очередь, делает тебя еще более свободным.

— Почему ты еще не чувствуешь этой свободы? — спросил я.

Она щелкнула языком и пожала плечами. Казалось, она была в затруднении или не желала продолжать наш разговор.

— Я связана с тобой, — сказала она. — до тех пор, пока ты не потеряешь человеческую форму, чтобы вспомнить, я не смогу узнать, что означает эта свобода. Но, может быть, ты не сможешь потерять человеческую форму до тех пор, пока не вспомнишь. Во всяком случае, нам не следует об этом разговаривать. Почему ты не пойдешь и не поговоришь с Хенарос?

Это прозвучало так, как будто мать посылает ребенка погулять. Я совсем не обиделся. Если бы так сказал кто-нибудь другой, то я легко мог бы принять это за враждебность или жалость.

Мне нравилось быть с ней. В этом была разница.

Я нашел Паблито, Нестора и Бениньо в доме Хенаро, занятых странной игрой. Паблито болтался в полутора метрах над землей, заключенный во что-то вроде кожаного корсета или сбруи, прикрепленной к его груди и запястьям. Корсет напоминал толстый кожаный жилет.

Посмотрев пристальней, я заметил, что Паблито в действительности стоит на толстых петлях, которые свисали с его жилета подобно стремянам. Он был подвешен в центре комнаты на двух веревках, переброшенных через толстую круглую потолочную перекладину, которая поддерживала крышу. Каждая веревка была прикреплена к самому корсету над плечами Паблито при помощи металлического кольца.

Нестор и Бениньо держали каждый по веревке. Натягивая веревку, они держали Паблито в воздухе, стоя лицом друг к другу. Паблито изо всех сил держался за два тонких шеста, которые были установлены на полу и удобно входили в его стиснутые ладони.

Нестор был слева от Паблито, а Бениньо справа.

Игра походила на трехстороннее перетягивание каната, на отчаянную битву между тем, кто тянул, и тем, кто подвешен.

Когда я вошел в комнату, было слышно только тяжелое дыхание Нестора и Бениньо. Мышцы на их руках и шеех вздулись от напряжения.

Паблито следил за ними обоими, взглядывая на каждого из них попеременно мгновенным взглядом.

Все трое настолько ушли в свою игру, что даже не заметили моего присутствия, а если и заметили, то не могли прервать свою концентрацию, чтобы приветствовать меня.

В течение десяти-пятнадцати минут Нестор и Бениньо пристально смотрели друг на друга в полном молчании. Затем Нестор притворился, будто кусает свою веревку. Бениньо на это не попался, а Паблито поверил. Он усилил свою хватку левой рукой и зацепился ногами за шесты для того, чтобы усилить свое положение. Бениньо воспользовался этим моментом, сделал могучий рывок как раз в тот момент, когда Паблито ослабил хватку.

Рывок Бениньо застал Паблито и Нестора врасплох. Бениньо всем своим весом повис на веревке. Нестор был перетянут. Паблито отчаянно пытался уравновесить себя. Это было бесполезно. Бениньо выиграл игру.

Паблито выбрался из корсета и подошел ко мне. Я спросил его об их необычной игре. Ему, казалось, не хотелось рассказывать. Нестор и Бениньо примкнули к нам после того, как сняли свои приспособления. Нестор сказал, что их игра изобретена Паблито, который нашел эту конструкцию в своих сновидениях, а затем построил ее, как игру. Сначала это было устройство, чтобы напрягать мышцы двоих в одно и то же время. Кто-нибудь один, по очереди, бывал подвешенным, а затем сновидение Бениньо дало им возможность переделать игру так, чтобы все трое напрягали мышцы. Они также обостряли быстроту реакции зрения, оставаясь в состоянии бдительности иногда целыми часами.

— Теперь Бениньо думает, что это помогает нашим телам вспоминать, — продолжал Нестор. — Горда, например, чертовски здорово играет в эту игру. Она выигрывает всегда, в каком бы положении она ни находилась. Бениньо думает, что это потому, что ее тело вспоминает.

Я спросил, есть ли у них правило молчания. Они рассмеялись. Паблито сказал, что Горда больше всего хочет походить на нагваля Хуана Матуса, она намеренно подражает ему, вплоть до самых нелепых деталей.

— Вы не будете против, если мы поговорим о том, что произошло прошлой ночью? — спросил я в замешательстве, поскольку Горда была столь решительно против этого.

— Нам все равно, — сказал Паблито. — ты — нагваль.

— Бениньо тут вспомнил кое-что действительно таинственное, — сказал Нестор, не смотря на меня.

— Сам-то я думаю, что это был просто запутанный сон, но Нестор думает иначе.

Я с нетерпением ждал и кивком головы попросил их продолжать.

— Прошлой ночью он вспомнил, как ты учил его искать следы на мягкой почве, — сказал Нестор.

— Должно быть, это был сон, — сказал я. Я хотел рассмеяться над этим абсурдом, но они все трое смотрели на меня умоляющими глазами.

— Чепуха, — сказал я.

— В любом случае я лучше скажу тебе, что у меня тоже были похожие воспоминания, — сказал Нестор.

— Ты водил меня в какие-то скалы и показывал, как надо прятаться. У меня это не было сном. Я бодрствовал. Я шел с Бениньо за растениями и внезапно вспомнил, как ты учил меня. Поэтому я и спрятался так, как ты мне показывал, и напугал Бениньо до полусмерти.

— Я учил тебя?! — вскричал я. — как это может быть? Когда? — я начал нервничать. Казалось, они не шутили.

— Когда? В том-то и дело, — сказал Нестор. — мы не можем сказать, когда. Но Бениньо и я знаем, что это был ты.

Я чувствовал себя глубоко придавленным. Дышать было трудно. Я боялся, что мне опять станет плохо. Я решил тут же рассказать о нашем с Гордой совместном видении.

Рассказывая об этом, я расслабился. В конце рассказа я уже опять взял контроль над собой.

— Нагваль Хуан Матус оставил нас чуть приоткрытыми, — сказал Нестор. — все мы видим немножко. Мы видим дыры в людях, у которых были дети, а также время от времени мы видим небольшое сияние в людях. Поскольку ты не видишь совсем, похоже на то, что нагваль оставил тебя совсем закрытым для того, чтобы ты сам открылся изнутри. Теперь ты помог Горде, и она не то видит внутри, не то выезжает на тебе.

Я сказал, что то, что случилось, могло быть случайным.

Паблито решил, что нам следует пойти на любимую скалу Хенаро и посидеть там, сблизив головы вместе. Двое остальных нашли эту идею блестящей. Я не возражал. Хотя мы сидели очень долго, ничего не произошло. Тем не менее, они неплохо отдохнули.

Пока мы были на скале, я рассказал им о тех двух людях, которые, по мнению Горды были доном Хуаном и доном Хенаро. Они соскочили с камня и буквально потащили меня в дом Горды. Нестор был возбужден больше всех. Он был почти невменяем. Единственное, чего я смог от них добиться, так это то, что все они ожидали этого знака.

Горда ожидала нас у двери. Она знала, что я все рассказал.

— Я просто хотела дать своему телу время, прежде чем мы успеем что-то рассказать. Я должна быть совершенно уверена, и теперь я знаю, что это так. Это были нагваль и Хенаро.

— Что находится в тех хижинах? — спросил Нестор.

— Они не вошли в них, — сказала Горда. — они ушли в сторону открытых полей, в сторону востока, в направлении нашего города.

Она, казалось, склонна была успокаивать их. Она просила их остаться, но они не захотели. Они извинились и вышли. Я был уверен, что они неловко себя чувствовали в ее присутствии. Она выглядела очень сердитой. Я наслаждался взрывами ее эмоций, и это было совершенно несвойственно моим обычным реакциям. Я всегда чувствовал себя взвинченным в присутствии кого-либо, кто был взволнован. Горда была загадочным исключением.

В начале того вечера мы все собрались в комнате Горды. Все они были задумчивы. Они сидели в молчании, глядя в пол. Горда попыталась начать разговор. Она сказала, что не бездельничала и, сложив два плюс два, получила некий ответ.

— Вопрос не в том, чтобы сложить два плюс два, — сказал Нестор. — задача состоит в том, чтобы заставить тело вспоминать.

Похоже было, что они говорили между собой, судя по тем кивкам согласия, которые Нестор получил от остальных. Это поставило меня и Горду в положение посторонних.

— Лидия тоже помнит кое-что, — продолжал Нестор. — она считала это своей глупостью, но, услышав о том, что вспомнил я, она рассказала нам, что вот этот нагваль возил ее к лекарю и оставил ее там, чтобы она вылечила глаза.

Мы с Гордой повернулись к лидии. Она опустила голову как бы в раздражении и что-то бормотала. Похоже, что воспоминание было слишком болезненным для нее. Она сказала, что,

когда дон Хуан впервые нашел ее, ее глаза были поражены инфекцией, что она не могла видеть. Кто-то отвез ее на машине очень далеко к лекарю, который и вылечил ее. Она всегда была убеждена, что это сделал дон Хуан, но услышав мой голос, она поняла, что это именно я возил ее туда. Несоответствие таких воспоминаний бросало ее в дрожь уже с первого дня, как она меня встретила.

— Мои уши не лгут мне, — добавила Лидия после долгого молчания. — именно ты вез меня туда.

— Невозможно! Невозможно! — закричал я.

Мое тело начало неконтролируемо трястись. У меня появилось чувство раздвоенности. Вероятно то, что я называю своим рассудком, не могло больше контролировать меня всего и заняло место зрителя. Какая-то часть меня наблюдала за тем, что другая часть меня тряслась.

4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ ПРИВЯЗАННОСТИ

— Что с нами происходит? — спросил я, когда другие ушли домой.

— Наши тела вспоминают, но я не могу понять, что именно, — сказала она.

— Ты веришь воспоминаниям лидии, Нестора и Бениньо?

— Конечно, они серьезные люди. Они ничего не говорят просто так, чтобы подурочить нас.

— Но то, что они говорят — невозможно. Мне-то ты веришь, Горда?

— Я верю, что ты не помнишь, но тогда... — она не кончила. Она подошла ко мне и стала шептать мне на ухо. Она сказала, что имеется нечто такое, о чем нагваль дон Хуан Матус взял с нее обещание не говорить, пока не придет нужное время. Козырной картой нужно пользоваться тогда, когда нет другого выхода. Драматическим шепотом она добавила, что нагваль предвидел их новое обстоятельство жизни, которое явилось результатом того, что я взял Жозефину в Тулу, чтобы она была там с Паблито. Она сказала, что имеется слабенький шанс того, что мы добьемся успеха как группа, если последуем единственному ходу такой организации.

Горда объяснила, что поскольку мы разделены на пары, то мы организовали живой организм, мы были змеей, гремучей змеей. У змеи четыре отдела, и она разделена на две половины: мужскую и женскую. Она сказала, что мы с ней образуем первую часть змеи — голову. Это холодная, расчетливая, ядовитая голова.

Вторая часть образована Нестором и лидией. Это твердое, чистое сердце змеи. Третье, брюхо, — подвижное, переменчивое, ненадежное — образовано Паблито и Жозефиной. А четвертый отдел — хвост, где расположена гремучка, которая в реальной жизни может греметь до бесконечности на своем цоцильском наречии, — Бениньо и Роза.

Горда встала и распрямилась. Она улыбнулась мне и похлопала меня по спине.

— Элихио сказал еще одно слово, которое вспомнилось мне, — продолжала она. — Жозефина согласна со мной, что он вновь и вновь говорил слово «след». Мы поедем по следу.

Не дав мне возможности задать ей какой-нибудь вопрос, она сказала, что собирается немного поспать, а затем соберет всех, чтобы отправиться в путешествие.

Мы отправились перед полночью, при ярком свете луны. Сначала никто не хотел идти, но Горда ловко описала им «дон-Хуановское» так называемое строение змеи. Перед выходом Лидия предложила, чтобы мы позаботились о провизии на тот случай, если путешествие затянется.

Горда сняла ее предложение на том основании, что мы не знаем, что за путешествие нас ждет. Она сказала, что нагваль дон Хуан Матус однажды указал ей на начало тропы и сказал, что при удобном случае мы должны собраться на этом месте и позволить силе следа открыться нам. Горда добавила, что это не обычная козья тропа, а естественная линия на земле, которая, по словам нагваля, может дать нам силу и знание, если мы сможем следовать по ней и стать с ней единым целым.

Мы двигались под смешанным руководством, Горда дала нам толчок, а Нестор знал местность. Она привела нас к определенному месту в горах. После этого Нестор взял руководство и нашел тропу. Наше образование было очевидным, то есть голова вела, а остальные располагались соответственно анатомической модели змеи: сердце, брюхо и хвост. Мужчины шли справа от женщин. Каждая пара шла в полутора метрах позади предыдущей.

Мы шли так быстро и так неслышно, как только могли. По временам лаяли собаки, а когда мы поднялись выше в горы, остались только звуки сверчков. Мы шли еще какое-то время. Внезапно Горда остановилась и схватила меня за руку. Она показала вперед.

В сорока-пятидесяти метрах, прямо посередине тропы, находился громоздкий силуэт огромного человека, около двух с половиной метров высотой. Он преграждал нам дорогу. Мы столпились плотной кучкой. Наши глаза были прикованы к темной фигуре. Она не двигалась. Некоторое время спустя Нестор один сделал несколько шагов вперед. Лишь после этого фигура двинулась. Она двигалась нам навстречу. Каким бы гигантским ни был этот человек, но двигался он плавно.

Нестор бегом вернулся обратно. В тот момент, когда он присоединился к нам, человек остановился. Горда сделала шаг вперед, а человек сделал шаг по направлению к нам. Было очевидно, что если мы продолжим двигаться вперед, мы столкнемся с гигантом. Мы были ему не чета, чем бы он ни был. Я принял инициативу на себя и толкнул всех назад и быстро увел их с этого места.

Мы шли обратно к дому Горды в полном молчании. Лишь через несколько часов мы были там. Мы полностью выдохлись. Когда мы благополучно уселись в ее комнате, Горда заговорила.

— Мы обречены, — сказала она. — эта штука, которую мы увидели на тропе, была одним из твоих олли; ты не хотел, чтобы мы двигались вперед. Твои олли выскакивают из своих укромных мест, когда ты подталкиваешь их.

Я не ответил. Не было смысла протестовать. Я вспомнил, как множество раз я сам считал, что дон Хуан и дон Хенаро были в заговоре друг с другом. Я думал, что пока дон Хуан разговаривает со мной в темноте, дон Хенаро переодевается для того, чтобы напугать меня, и дон Хуан утверждает потом, что меня пугали олли.

Сама мысль о том, что существуют олли и тому подобное, что избегает нашего повседневного внимания, была слишком неприемлемой для меня. Но затем я в своей жизни убедился, что олли, которых описывает дон Хуан, существуют действительно. В мире, как он говорил, есть всевозможные твари.

Авторитетным тоном, что редко бывает в моей повседневной жизни, я сказал Горде и остальным, что у меня есть для них предложение, которое они могут принимать или нет. Если они готовы двинуться отсюда, то я могу взять на себя ответственность и увести их в другое место. Если они не готовы, то я буду чувствовать себя свободным от каких-либо обязательств перед ними.

Я чувствовал прилив оптимизма и уверенности. Никто из них ничего не сказал. Они смотрели на меня молча, как бы взвешивая мое заявление.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать ваши пожитки? — спросил я.

— У нас нет пожитков, — сказала Горда. — мы поедем, как есть. И мы можем ехать прямо сию минуту, если это необходимо. Но если мы сможем подождать еще три дня, то это было бы лучше для нас.

— Как насчет ваших домов? — спросил я.

— Об этом позаботится Соледад, — сказала она.

Впервые с тех пор, как я в последний раз видел донью Соледад, было упомянуто ее имя. Я был так заинтересован, что моментально забыл о напряжении данного момента. Я сел. Горда колебалась с ответами на мои вопросы о донье Соледад. Нестор вмешался и сказал, что донья Соледад где-то поблизости, но что все они очень мало знают о том, чем она занимается. Она приходит и уходит, никого не спрашивая. Между ними существовало соглашение, чтобы они приглядывали за ее домом, а она за их домами. Донья Соледад знала, что им придется уехать рано или поздно, и она примет на себя ответственность и сделает все необходимое, чтобы они избавились от своей собственности.

— Как вы дадите ей знать? — спросил я.

— Это дело Горды, — сказал Нестор. — она знает, где находится Соледад.

— Где донья Соледад, Горда? — спросил я.

— Откуда я, черт возьми, могу знать это! — бросила мне Горда.

— Но ведь именно ты всегда зовешь ее, — сказал Нестор.

Горда посмотрела на меня. Это был мимолетный взгляд, но он бросил меня в дрожь. Я узнал этот взгляд. Но откуда? Все тело мое напряглось. Солнечное сплетение стало твердым, каким я никогда не чувствовал его раньше. Моя диафрагма, казалось, давила вверх на самое себя. Я размышлял о том, не лечь ли мне, но внезапно оказался стоящим.

— Горда не знает, — сказал я. — только я знаю, где она находится.

Все были потрясены, и я, пожалуй, больше всех. Я сделал заявление без какого-либо разумного обоснования. Однако в момент, когда я его произносил, у меня была абсолютная уверенность, что я знаю, где она находится. Это было похоже на вспышку света, мелькнувшую в моем сознании. Я увидел горный район с очень зазубренными сухими пиками, пустынную холодную равнину. Как только я кончил говорить, следующей моей осознанной мыслью было то, что я, видимо, видел такой ландшафт в кино и что нагрузка от пребывания с этими людьми вызвала у меня такой срыв.

Я извинился перед ними, что мистифицировал их так прямо, хотя и не намеренно, и уселся.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему это сказал? — спросил меня Нестор.

Он подбирал слова осторожно. Естественно было бы сказать, по крайней мере для меня: «значит, ты действительно не знаешь, где она находится?». Я сказал им, что что-то неизвестное нашло на меня. Я описал им местность, которую увидел, и ту уверенность, которая у меня была, что донья Соледад находится именно там.

— Это происходит с нами довольно часто, — сказал Нестор.

Я повернулся к Горде, и она кивнула головой. Я попросил ее объяснить.

— Эти сумасшедшие, запутанные вещи все время приходят к нам в голову, — сказала Горда. — спроси лидию, розу или Жозефину.

С тех пор, как они перешли к новому распределению жилья, Роза и Жозефина мало говорили со мной. Они ограничивались приветствиями или случайными замечаниями о пище или погоде.

Лидия избегала моих глаз. Она пробормотала, что временами ей кажется, будто она помнит еще другие вещи.

— Иногда я могу действительно ненавидеть тебя, — сказала она мне. — я думаю, что ты притворяешься глупым, но потом я вспоминаю, что ты даже заболел из-за нас. Это был ты?

— Конечно, это был он, — сказала Роза, — я тоже вспоминаю разное. Я помню даму, которая была добра ко мне. Она учила, как держать себя в чистоте, а этот нагваль в первый раз подстриг мне волосы, пока она меня держала, потому что я была напугана. Эта дама любила меня. Она была единственным человеком, который действительно заботился обо мне. Я бы с радостью пошла на смерть из-за нее.

— Кто была эта дама, Роза? — спросила Горда, сдерживая дыхание.

Роза указала на меня движением подбородка, жестом, полным отвращения и недовольства.

— Он знает, — сказала она.

Все уставились на меня, ожидая ответа. Я рассердился и заорал на розу, что не ее дело делать заявления, которые в действительности были обвинениями. Я никоим образом не лгал им.

На розу моя вспышка не подействовала. Она спокойным голосом объяснила, что помнит, как эта дама говорила ей, что я еще вернусь обратно после того, как оправлюсь от своей болезни. Роза поняла это так, что дама заботится обо мне, лечит меня, поэтому я должен знать, кто она такая и где она, поскольку я явно выздоровел.

— Что это за болезнь была у меня, Роза? — спросил я.

— Ты заболел, потому что не смог удержать свой мир, — сказала она с полным убеждением, — кто-то говорил мне, я думаю, очень давно, что ты не создан для нас, точно так же, как Элихио говорил Горде в сновидениях. Ты покинул нас из-за этого, и Лидия так и не простила тебе этого. Она будет ненавидеть тебя и за границами этого мира.

Лидия запротестовала, сказав, что ее чувства ничего общего не имеют с тем, что говорит Роза. Она просто очень легко выходит из себя и сердится из-за моей глупости.

Я спросил Жозефину, помнит ли она меня тоже.

— Конечно, помню, — сказала она с улыбкой, — но ты же знаешь, я сумасшедшая. Мне нельзя верить. На меня нельзя положиться.

Горда настаивала на том, чтобы Жозефина сказала то, что она помнит. Жозефина была настроена не говорить ничего, и они спорили, пока, наконец, Жозефина не сказала мне:

— Какой толк от всех этих разговоров о воспоминании? Они ни фиги не стоят.

Жозефина, казалось, высказалась за всех нас. Больше нечего было сказать. Они собирались уйти, после того как провели в вежливом молчании несколько минут.

— Я помню, ты покупал мне красивые платья, — внезапно сказала Жозефина мне. — разве ты не помнишь, как я упала с лестницы в магазине? Я чуть не поломала ноги, и тебе пришлось меня вынести.

Все опять уселись с глазами, прикованными к Жозефине.

— Я помню также одну сумасшедшую, — сказала она, — она Хотела побить меня и гонялась за мной, пока ты не рассердился и не остановил ее.

Я был растерян. Все, казалось, уцепились за слова Жозефины, хотя она сама говорила, чтобы мы ей не верили, так как она сумасшедшая. Она была права. Ее воспоминания не имели для меня никакого смысла.

— Я тоже знаю, почему ты заболел, — продолжала она, — я была там, но не помню, где. Они взяли тебя через эту стену тумана, чтобы разыскать эту глупую Горду. Я полагаю, что она заблудилась. Ты не мог вернуть ее назад. Когда же они принесли тебя обратно, ты был почти мертв.

Молчание, последовавшее за ее словами, было гнетущим. Я уже боялся что-нибудь спрашивать.

— Я не могу вспомнить, чего ради она отправилась туда и кто принес тебя обратно, — продолжала Жозефина. — я помню, что ты был болен и не узнавал меня больше. Эта глупая Горда клянется, что она не знала тебя, когда ты впервые вошел в этот дом несколько месяцев назад. Я узнала тебя сразу. Я помнила, что ты нагваль, который заболел. Ты хочешь что-то узнать? Я думала, что эти женщины просто развлекаются, и мужчины точно так же, особенно этот глупый Паблито. Они-то должны помнить, ведь они были там.

— А ты помнишь, где мы были? — спросил я.

— Не помню, — сказала Жозефина, — однако я узнала бы это место, если бы ты меня туда привез, когда мы все были там, нас обычно называли пьяницами, потому что мы там легко хмелили. У меня в голове было меньше тумана, чем у всех, поэтому я помню довольно хорошо.

— Кто называл нас пьяницами? — спросил я.

— Не тебя. Только нас, — ответила Жозефина. — я не помню, кто, наверное, нагваль Хуан Матус.

Я посмотрел на них, и каждый из них отводил глаза.

— Мы подходим к концу, — пробормотал Нестор, как бы говоря сам с собой, — наш конец уже смотрит нам в глаза.

Казалось, он был на грани слез.

— Я должен был бы быть рад и Горд, что мы прибыли к концу, — продолжал он. — и все же я печален. Не можешь ли ты это объяснить, нагваль?

Внезапно всех охватила печаль. Даже дерзкая Лидия опечалилась.

— Что с вами случилось? — спросил я. — о каком конце вы говорите?

— Я думаю, что каждый знает, что это за конец, — сказал Нестор. — в последнее время у меня странные ощущения. Что-то зовет нас, а мы не отпускаемся. Мы цепляемся.

Паблито, как истинный кавалер, сказал, что Горда, единственная среди нас, не цепляется ни за что. Все остальные, заверил он меня, безнадежные эгоисты.

— Нагваль Хуан Матус сказал, что, когда придет время идти, мы получим знак, — сказал Нестор, — что-то такое, что нам действительно нравится, выступит вперед и позовет нас.

— Он сказал, что это не обязательно будет что-то большое, — добавил Бениньо, — любое, все, что нам нравится, может сгодиться.

— Для меня знак придет в форме оловянных солдатиков, которых у меня никогда не было, — сказал мне Нестор, — отряд оловянных солдатиков, конных гусар, явится, чтобы забрать меня. А чем это явится для тебя?

Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне однажды, что смерть может стоять позади чего угодно, даже позади точки в моем блокноте, потом он дал мне некоторую метафору моей смерти.

Я рассказал ему, что однажды, гуляя по бульвару голливуда в Лос-анжелесе, я услышал звуки трубы, игравшей старый идиотский популярный мотив. Музыка исходила из магазина грампластинок на этой улице. Никогда я не слышал более приятного звука. Я был захвачен им. Я был вынужден присесть на паребрик. Медный звук трубы попадал мне прямо в мозг.

Я его ощущал над своим правым виском. Он ласкал меня, пока я не опьянел от него. Когда он умолк, я знал, что нет способа когда-нибудь повторить это ощущение, и у меня было достаточно отрешенности, чтобы не броситься в магазин и не купить эту пластинку вместе со стереопроектором, чтобы проигрывать ее.

Дон Хуан сказал, что это было знаком, который был дан мне силами, управляющими судьбами людей. Когда придет мое время покинуть этот мир в какой бы то ни было форме, я услышу тот же самый звук трубы и тот же самый идиотский мотив, исполняемый тем же самым трубачом.

Следующий день был суматошным днем для них. Казалось, им нужно было сделать бесчисленное множество дел. Горда сказала, что все их заботы были личными и должны выполняться каждым из них без всякой помощи. Я был рад остаться один. У меня тоже были дела. Я поехал в ближайший городок, который так сильно нарушил мое спокойствие. Я подъехал прямо к тому дому, который имел такую притягательную силу для меня и для Горды. Я постучал в дверь. Открыла дама. Я сочинил историю, что жил в этом доме ребенком и хочу взглянуть на этот дом опять. Она была очень доброжелательной женщиной. Она провела меня в дом, многословно извиняясь за несуществующий беспорядок.

Этот дом был переполнен скрытыми воспоминаниями. Они были там. Я мог их чувствовать, но ничего не мог вспомнить. На следующий день Горда на рассвете уехала. Я ожидал, что ее не будет весь день, но к обеду она вернулась. Казалось, она была очень взволнованной.

— Соледад вернулась и хочет тебя видеть, — сказала она прямо. Без единого слова объяснений она отвела меня к дому Соледад. Донья Соледад стояла около двери. Она выглядела более молодой и более сильной, чем в последний раз, когда я ее видел. С дамой, которую я знал много лет назад, у нее осталось самое отдаленное сходство.

Горда была на грани того, чтобы расплакаться. То напряжение, через которое мы проходили, делало ее настроение вполне понятным для меня. Она ушла, не сказав ни слова.

Донья Соледад сказала, что у нее лишь немного времени для разговора со мной, и она собирается использовать каждую минуту этого времени. Она казалась странно почтительной. В каждом ее слове звучала вежливость.

Я сделал жест, чтобы прервать ее и задать вопрос. Я хотел знать, где она была. Самым деликатным образом она прервала меня. Она сказала, что подбирала свои слова очень тщательно и что недостаток времени позволит ей сказать лишь то, что существенно. Она

секунду пристально смотрела мне в глаза, и эта секунда показалась мне неестественно длинной. Это раздражало меня, она могла бы говорить со мной и ответить на какие-нибудь вопросы за это время. Она прервала молчание и заговорила о том, что я воспринял, как абсурд. Она сказала, что нападала на меня, поскольку я сам об этом просил, в тот день, когда мы впервые пересекли параллельные линии, и что она может лишь надеяться, что ее атака была эффективной и послужила своей цели. Я хотел закричать, что я никогда не просил ее ни о чем подобном, что ничего не знаю о параллельных линиях и то, что она говорит, бессмыслица. Она зажала мне губы ладонью. Автоматически я расслабился. Она казалась печальной. Она сказала, что нет способа, при помощи которого мы могли бы разговаривать, потому что в данный момент мы находимся на двух параллельных линиях и никто из нас не имеет энергии пересечь их; только ее глаза могли рассказать мне о ее настроении.

Без всякой причины я почувствовал себя расслабленным. Что-то во мне опустилось. Я заметил, что слезы катятся по моим щекам, а затем невероятнейшее ощущение завладело мной на секунду. На короткий момент, но достаточно длинный, чтобы пошатнуть основание моего сознания или моей личности, или того, что, я думал и чувствовал, является мной. В течение этого короткого времени я знал, что мы были очень близки друг другу по целям и темпераменту. Наши обстоятельства были похожими. Я хотел сказать ей, что это была отчаянная битва, что эта битва еще не закончена. Она никогда не закончится. Она прощалась, потому что, будучи безупречным воином, каким она была, знала, что наши пути никогда больше не пересекутся. Мы пришли к концу следа. Запоздалая волна, чувство общности, чувство родства вырвалось из какого-то невообразимого темного угла меня самого. Эта вспышка подобна электрическому разряду внутри моего тела. Я обнял ее, мои губы двигались, говоря что-то, не имеющее для меня никакого смысла. Ее глаза загорелись. Она тоже говорила что-то, чего я не мог понять. Единственное ощущение, которое было для меня ясно, это то, что я пересек параллельные линии, не имело никакого прагматического значения. Внутри меня прорывался наружу какой-то источник, какая-то необъяснимая сила разрывала меня на части. Я не мог дышать, и все покрылось чернотой.

Я почувствовал, что кто-то двигает меня и мягко трясет. Лицо Горды выплыло в фокус. Я лежал на кровати доньи Соледад, и около меня сидела Горда. Мы были одни.

— Где она? — спросил я.

— Ушла, — ответила Горда.

Я хотел все рассказать Горде, но она остановила меня и открыла дверь. Все ученики были снаружи, ожидая меня. Они одели свои лучшие одежды. Горда объяснила, что они порвали все остальное, что имели. Время клонилось к вечеру. Я проспал несколько часов. Не разговаривая, мы прошли к дому Горды, где стояла моя машина. Они забрались внутрь, словно дети, собирающиеся на воскресную прогулку.

Прежде чем забраться в машину, я остановился, глядя на долину. Мое тело медленно поворачивалось и совершило полный круг, как если бы оно имело собственную волю и свои задачи. Я чувствовал, что схватываю сущность этого места. Я хотел удержать ее в себе, потому что я знал совершенно точно, что никогда больше в своей жизни его не увижу.

Другие, должно быть, уже проделали это. Они были свободны от меланхолии. Они смеялись и шутили друг с другом.

Я завел машину, и мы поехали. Когда мы достигли последнего поворота дороги, солнце садилось, и Горда закричала, чтобы я остановился. Она выбралась наружу и побежала на небольшой холмик сбоку от дороги. Она забралась на него и бросила последний взгляд на свою долину. Она протянула ей свои руки и вдыхала ее в себя.

Поездка вниз с этих гор была странно короткой и совершенно без событий. Все были спокойны. Я пытался втянуть Горду в разговор, но она наотрез отказалась. Она сказала, что горы, будучи собственниками, хотят завладеть нами и что если мы не сохраним своей энергии, то горы никогда не отпустят нас.

Как только мы спустились в долину, все они стали очень оживлены, особенно Горда. Она, казалось, кипела энергией. Она даже добровольно поделилась информацией без всяких уговоров с моей стороны. Одним из ее утверждений было, что нагваль дон Хуан Матус говорил ей, а Соледад подтвердила, что у нас есть другая сторона. Услышав это, все остальные выступили с вопросами и замечаниями. Они были в смущении из-за своих странных воспоминаний о событиях, которые логически не могли иметь места. Поскольку некоторые из них встретились со мной несколькими месяцами раньше, то воспоминания обо мне в отдаленном прошлом были чем-то выходящим за границы их понимания.

Я рассказал им тогда о своей встрече с доньей Соледад. Я описал им свое чувство, что я очень близко знал ее раньше. И то чувство, что я, несомненно, пересек тогда то, что она называла параллельными линиями. Их реакцией на мое заявление было смущение. Казалось, они слышали этот термин раньше, но я не был уверен, что все они понимали, что это значит. Для меня это была метафора. Я не мог поклясться, что для них это было тем же самым.

Когда мы приехали в город Оасаку, они выразили желание посетить то место, где, по словам Горды, исчезли дон Хуан и дон Хенаро. Я поехал прямо туда. Они высыпали из машины и, казалось, приняхивались к чему-то, приглядывались к каким-то признакам. Горда указала направление, в котором они ушли.

— Ты сделала ужасную ошибку, Горда, — сказал Нестор. — это не восток, это север.

Горда запротестовала и защищала свое мнение. Женщины и Паблито поддерживали ее. Бениньо в разговор не вступал, продолжая смотреть на меня, как если бы я должен был дать ответ, что я и сделал. Я обратился к карте города, которая была в моей машине. Направление, указанное Гордой, было севером.

Нестор заметил, что наш отъезд из их города, как он все время и чувствовал, не был преждевременным или насильственным ни в коей мере; срок был правильным. У других такого чувства не было, и их колебания были вызваны ошибкой Горды. Они считали, как и она сама, что нагваль указал на их родной город, что значило бы, что они должны остаться там. Я признал с опозданием, что в конце концов виноват был я, потому что, хотя и имел карту, я не воспользовался ею вовремя.

Потом я заметил, что забыл им рассказать, как один из тех людей, а именно тот, которого в тот момент я принимал за дон Хенаро, позвал нас за собой кивком головы. Глаза Горды раскрылись от искреннего удивления или даже тревоги. Она не заметила этого жеста. Приглашение было только для меня.

— Вот оно! — воскликнул Нестор. — суд судьбы. — он делал отчаянные жесты руками, чтобы успокоить их.

Он повернулся к другим. Все они заговорили одновременно.

Я лишь надеюсь, что вы все действовали так, как должны были действовать, как если бы вы никогда не вернулись обратно, — сказал Нестор. — потому что мы никогда не вернемся назад.

— Ты нам правду говоришь? — спросила Лидия со свирепым выражением в глазах, в то время, как другие выжидающе уставились на меня. Я заверил их, что у меня не было причины выдумывать что-либо. Тот факт, что я видел, как тот человек кивнул мне головой, не имел для меня совершенно никакого значения. И к тому же я совсем не был убежден, что эти люди были доном Хуаном и доном Хенаро.

— Ты очень хитрый, — сказала Лидия, — ты, может быть, говоришь нам это лишь для того, чтобы мы покорно следовали за тобой.

— Подожди минутку, — сказала Горда, — этот нагваль может быть таким хитрым, как ты хочешь, но он никогда не поступит таким образом.

Они все заговорили сразу. Я попытался выступить, и мне пришлось перекрикивать их, чтобы сказать, что то, что я видел, в любом случае ничего не меняет.

Нестор очень вежливо объяснил, что Хенаро говорил им, что, когда придет время, чтобы они покинули свою долину, он каким-нибудь образом даст им знать об этом кивком головы. Они успокоились, когда я сказал, что если их судьбы решены благодаря этому событию, то то же самое можно сказать и о моей судьбе. Все мы отправляемся на север.

Затем Нестор отвел нас к месту ночевки, к постоялому двору, где он останавливался, когда у него бывали дела в городе. Их настроение было приподнятым. Даже Лидия обняла меня, извиняясь за свою несносность. Она объяснила, что верила Горде и поэтому не позаботилась о том, чтобы эффективно оборвать все связи с долиной. Жозефина и Роза вновь и вновь гладили меня по спине. Я хотел поговорить с Гордой. Мне надо было обсудить с ней наши дальнейшие действия. Но этим вечером не представлялось никакой возможности остаться с ней наедине.

Нестор, Паблито и Бениньо ушли рано утром, чтобы сделать кое-какие дела. Лидия, Роза и Жозефина тоже ушли за покупками. Горда попросила, чтобы я помог ей купить новое платье. Она хотела, чтобы я выбрал для нее платье, которое бы дало ей уверенность в себе, необходимую для того, чтобы быть гибким воином. Я не только нашел ей такое платье, но и весь набор, то есть туфли, чулки, белье.

Мы пошли с ней прогуляться. Мы кружили по центру города, как два туриста, глаза на индейцев в их местных одеяниях. Будучи бесформенным воином, она уже совершенно легко себя чувствовала в своем новом элегантном одеянии. Выглядела она очаровательно. Казалось, она никогда и не одевалась иначе. Не она, а я не мог никак привыкнуть к ее новой одежде.

Вопросы, которые я хотел задать Горде и которые прямо рвались из меня, было очень трудно сформулировать. Я вдруг, оказалось, не имел представления, о чем ее спросить. Со всей серьезностью я сказал, что ее новое одеяние воздействует на меня. Очень спокойно она ответила, что на меня воздействует не это, а пересечение границ.

— Мы пересекли вчера вечером некие границы, — сказала она. — Соледад говорила мне, чего надо ожидать, поэтому я была подготовлена. А ты не был.

Она начала медленно и мягко объяснять, что мы пересекли границы привязанности. Она четко выговаривала каждый звук, как если бы говорила с ребенком или иностранцем. Я не мог сконцентрироваться. Мы повернули назад, к нашему жилью. Я нуждался в отдыхе, но

кончилось тем, что я опять пошел в город. Лидия, Роза и Жозефина ничего не смогли найти и теперь хотели чего-нибудь такого же, как на Горде.

К полудню я уже вернулся на постоянный двор, восхищаясь сестренками. Розе было немного трудно идти на высоких каблуках. Мы шутили над ее ногами, когда дверь медленно открылась, и появился Нестор. Он был одет в сшитый на заказ темно-синий костюм, розовую рубашку и синий галстук. Его волосы были тщательно причесаны и слегка вились, как если бы их специально так подсушивали. Он смотрел на женщин, а те — на него. Вошел Паблито, а следом Бениньо. Оба выглядели ошеломляюще. Их туфли были ослепительно новыми, а костюмы сшиты по последней моде.

Меня поражало, как все они адаптировались к городской одежде. Это очень напоминало мне дону Хуана. Я, пожалуй, был также поражен, увидев трех Хенарос в городской одежде, как был когда-то потрясен, увидев дону Хуана в костюме; тем не менее их перемену я воспринял мгновенно. С другой стороны, хотя я и не удивлялся преображению женщин, привыкнуть к нему я не мог.

Я подумал, что Хенарос, видимо, улыбалась удача магов, раз им удалось купить такие прекрасные костюмы. Они расхохотались, услышав мои рассуждения об их удаче. Нестор объяснил, что костюмы для них сшил портной еще несколько месяцев назад.

— Каждый из нас имеет еще по одному костюму. У нас есть даже кожаные чемоданы. Мы знали, что время нашей жизни в горах подошло к концу. Мы готовы к отъезду! Конечно, сначала ты должен сказать, куда. А также то, сколько времени мы будем находиться здесь.

Он сказал, что у него есть старые деловые расчеты, которые надо закрыть и которые требуют времени. Горда вышла вперед и сказала, что этим вечером мы отправляемся так далеко, как только позволит сила. Следовательно, до конца дня они должны уладить свои дела. Нестор и Паблито медлили у дверей. Они смотрели на меня, ожидая подтверждения. Я думал: наименьшее, что я могу — это быть честным с ними. Но Горда прервала меня как раз в тот момент, когда я решил сказать, что сам нахожусь в затруднительном положении относительно того, куда мы должны ехать и что нам следует делать.

— Мы встретимся на скамейке нагваля в сумерках, — сказала она. — оттуда мы и отправимся. Нам следует сделать все, что следует, и все, что мы хотим, до этого времени, зная, что никогда больше в нашей жизни мы не вернемся назад.

После того, как все уехали, мы с Гордой остались одни. Резким и неуклюжим движением она села мне на колени. Она была такой легкой, что я мог встряхнуть ее тело, напрягая мышцы голени! Ее волосы слабо пахли какими-то духами. Я пошутил, что запах невыносим. Она сотрясалась от смеха, когда из ниоткуда пришло ко мне чувство-воспоминание. Внезапно я как бы держал другую Горду на коленях. Жирную, в два раза толще той, которую я знал. Лицо ее было круглым, и я дразнил ее, потешаясь над запахом ее волос. У меня было ощущение, что я забочусь о ней.

Действие этого потрясающего воспоминания заставило меня встать.

Горда шумно упала на пол. Я описал ей то, что «вспомнил». Я рассказал ей, что видел ее толстухой только один раз и то так кратко, что не смог бы описать ее черты, и тем не менее только что я видел ее лицо, когда она была еще жирной.

Она никак этого не комментировала. Она сняла свою одежду и вновь надела старое платье.

— Я еще не готова к нему, — сказала она, указывая на свое новое одеяние. — нам еще предстоит сделать одну вещь, прежде чем мы будем свободны. Согласно инструкциям дона Хуана, мы все должны посидеть на месте силы его выбора.

— Где это место?

— Где-нибудь поблизости, в горах. Нагваль говорил, что на этом месте есть естественная трещина. Он сказал, что определенные места силы являются дырками в этом мире. Если быть бесформенным, то можно пройти через такую дырку в неизвестное, в другой мир. Тот мир и этот, в котором мы живем, находятся на двух параллельных линиях. Есть шансы, что всех нас в разное время брали в другой мир через эти линии, но мы этого не помним. Элихио находится в том, другом мире. Иногда мы достигаем его при помощи сновидения. Жозефина, конечно, самый лучший сновидящий из нас. Она пересекает эти линии ежедневно, но то, что она сумасшедшая, делает ее безразличной, даже туповатой, поэтому Элихио помог мне пересечь эти линии, считая, что я более разумна, но я оказалась такой же тупой. Элихио хочет, чтобы мы вспомнили нашу левую сторону. Соледад говорила мне, что левая сторона — это линия, параллельная той, на которой мы сейчас живем. Потому что, если он хочет, чтобы мы вспомнили, мы должны были там побывать, и не в сновидении. Вот почему все мы время от времени несем какую-то чертовщину.

Ее заключения были логичными, учитывая те исходные данные, которыми она располагала. Я знал, о чем она говорит. Эти случайные, необоснованные воспоминания отдавали реальностью повседневной жизни, и тем не менее, мы не способны были для них найти ни

временной последовательности, ни хоть какого-нибудь промежутка в непрерывной последовательности наших жизней.

Горда села, откинувшись на кровать. В ее глазах была измученность.

— Что меня беспокоит, так это вопрос, что делать, чтобы найти это место силы, — сказала она, — без этого места нет возможности для нашего путешествия.

— Что меня заботит, так это то, куда я собираюсь везти всех вас и что я собираюсь там с вами делать.

— Соледад говорила мне, что мы поедем на север до самой границы, — сказала Горда. — а некоторые из нас, пожалуй, еще дальше на север. Но ты не поедешь с нами. У тебя другая судьба.

Горда на минуту задумалась. Ее лицо скривилось от попытки привести мысли в порядок.

— Соледад сказала, что ты возьмешь меня, чтобы я выполнила свое предназначение. Я — единственная из всех нас, кто находится на твоём попечении.

Должно быть, по моему лицу разлилась тревога. Она улыбнулась:

— Соледад сказала мне также, что ты закрыт заглушкой, — продолжала Горда, — но что иногда ты бываешь нагвалем. Все остальное время, по словам Соледад, ты подобен сумасшедшему, у которого временами проясняется сознание, а затем он опять возвращается к своему безумию.

Донья Соледад подыскала очень подходящие слова, чтобы описать меня, такие, которые я мог понять. Должно быть, по ее мнению, у меня был такой проблеск сознания, когда я знал, что пересекал параллельные линии. Тот же самый момент, однако, по моим собственным стандартам, был самым абсурдным. Мы с доньей Соледад были явно на разных уровнях мышления.

— Что еще она говорила тебе? — спросил я.

— Она говорила, что я должна заставить себя вспомнить, — сказала Горда. — она совсем выдохлась, пытаясь поднять на поверхность мою память, именно поэтому она не могла поподробнее заняться тобой.

Горда поднялась. Она была готова к выходу. Я повел ее прогуляться по городу. Она, казалось, была очень счастлива. Она ходила с места на место, наблюдая за всем, насыщая свои глаза миром. Дон Хуан давал мне такую картину. Он говорил, что воин ждет и что он знает, чего он ждет, а пока он ждет, то насыщает свои глаза миром. Для него окончательное выполнение задачи воина было радостью. В тот день в оакаде Горда следовала учению дон Хуана буквально.

В конце дня после захода солнца мы уселись на скамейке дон Хуана. Первыми показались Паблито, Бениньо и Жозефина, а через несколько минут к нам присоединились и остальные трое. Паблито уселся между Лидией и Жозефиной, положив свои руки им на плечи. Они опять переоделись в свою старую одежду.

Горда поднялась и начала рассказывать им о месте силы.

Нестор рассмеялся над ее словами и остальные к нему присоединились.

— Никогда больше ты не заставишь подпасть нас под твоё начальство, — сказал Нестор. — мы свободны от тебя. Прошлой ночью мы пересекли границы.

Горду это не затронуло, но остальные рассердились. Я громко сказал, что хочу поподробнее узнать о тех границах, которые мы пересекли прошлой ночью. Нестор объяснил, что это относится только к ним. Горда не согласилась. Казалось, они были на грани схватки. Я отвел Нестора в сторону и велел ему рассказать о границах.

— Наши чувства создают границы вокруг чего угодно, — сказал он. — чем больше мы любим, тем сильнее границы. В данном случае мы любили свой дом. Прежде чем уехать, нам пришлось забрать свои чувства назад. Наши чувства к своему дому доходили до вершины гор на западе нашей долины. Это была наша граница, и когда мы пересекли вершины гор, зная, что никогда не вернемся назад, мы эти границы сломали.

— Я тоже знал, что никогда не вернусь туда, — сказал я.

— Ты не любил эти горы так, как любили мы, — сказал Нестор.

— Это еще нужно посмотреть, — загадочно бросила Горда.

— Мы были под ее влиянием, — сказал Нестор, поднявшись и указывая на Горду. — она держала нас всех за шиворот. Теперь я вижу, насколько мы были глупы в отношении ее. Мы не можем плакать над разлитым молоком, но мы больше не попадемся.

Лидия и Жозефина присоединились к Нестору и Паблито. Бениньо и Роза смотрели так, как будто вся стычка их совершенно не касается.

В этот момент у меня опять был проблеск уверенности и авторитетного предвидения. Я поднялся и без всякого сознательного желания заявил, что я беру все руководство на себя и освобождаю Горду от каких-либо обязанностей делать замечания и представлять свои идеи в дальнейшем, как единственное решение. Когда я закончил, то был шокирован своей собственной смелостью. Все, включая Горду, были довольны. Та сила, которая стояла за моей вспышкой, а затем, что я знал, о чем говорил дон Хуан, и где находится место, которое мы

должны посетить, прежде чем станем свободными. Когда открылись мои лобные пазухи, предо мной встало видение того дома, что так меня заинтриговал.

Я сказал им, куда мы должны ехать. Они приняли мои указания без каких-либо споров и замечаний. Мы расплатились с постоялым двором и отправились поужинать. Затем примерно до одиннадцати часов мы гуляли по улицам города вокруг площади. Я подогнал машину. Мы шумно уселись и поехали. Горда бодрствовала, чтобы составить мне компанию, тогда как все остальные спали. Затем Нестор вел машину, пока мы с Гордой спали.

5. ОРДА РАЗГНЕВАННЫХ МАГОВ

Мы были в городе на рассвете. Тут я занял место за рулем и повел машину прямо к тому дому. Квартала за два до места Горда попросила меня остановить машину. Она вышла из машины и пошла пешком по высокому тротуару.

Один за другим все вышли из машины и последовали за Гордой. Паблито подошел ко мне и сказал, что мне надо оставить машину на площади, в одном квартале отсюда. Что я и сделал.

В тот момент, когда я увидел, что Горда поворачивает за угол, я понял, что с ней что-то не в порядке. Она была необычайно бледна. Она подошла ко мне и сказала, что собирается пойти послушать утреннюю мессу. Лидия тоже захотела пойти. Они обе пересекли площадь и вошли в церковь.

Паблито, Нестор и Бениньо были мрачны, какими я их еще никогда не видел. Роза была напугана, рот был полуоткрыт, глаза, не мигая, смотрели в сторону дома. Только Жозефина сияла. Она запанибрата шлепнула меня по спине.

— Ты все-таки добился своего, негодник! — воскликнула она. — ты-таки снял сургуч с этих сукиных детей.

Она смеялась, пока чуть не задохнулась.

— Это то место, Жозефина? — спросил я.

— Конечно, — сказала она. — Горда в то время всегда ходила в церковь. Она была заядлой богомолкой.

— Ты помнишь вон тот дом? — спросил я, указывая ей на него.

— Это дом Сильвио Мануэля, — сказала она.

Все мы подпрыгнули, услышав это имя. Я почувствовал что-то похожее на то, как если бы через мои колени прошел электрический ток. Это имя определенно не было мне знакомо, и тем не менее мое тело подскочило, услышав его. Сильвио Мануэль — такое редкое имя, такой текущий звук.

Трое Хенарос и Роза были столь же ошеломлены, как и я.

Я заметил, что они бледны. Судя по тому, что я чувствовал, я должен был быть таким же бледным, как и они.

— Кто такой Сильвио Мануэль? — ухитрился я, наконец, спросить Жозефину.

— Теперь ты поймал меня, — сказала она. — я не знаю.

Она ретировалась, сказав, что она сумасшедшая и ничего из того, что она говорит, нельзя принимать всерьез. Нестор попросил ее рассказать все, что она помнит.

Жозефина попробовала думать, но она была не тем человеком, кто бывает эффективен, когда на него давят. Я знал, что она куда лучше ответит, если ее не спрашивать. Я предложил поискать булочную или какое-нибудь другое место, где можно поесть.

— Мне в этом доме не позволяли многого делать, вот что я помню, — сказала Жозефина совершенно внезапно.

Она посмотрела вокруг, как бы ища чего-то и ориентируясь.

— Чего-то не хватает тут! — воскликнула она. — тут совсем не так бывало.

Я попытался помочь ей, задавая вопросы, которые считал подходящими, такие, как: не отсутствуют ли какие-нибудь дома, или окраска каких-либо домов изменилась, или, может быть, новые дома появились; но Жозефина не могла вспомнить, что именно изменилось.

Мы пошли в булочную и купили сладких роголиков. Когда мы возвращались на площадь, чтобы дожидаться Горду и лидию, Жозефина внезапно стукнула себя по лбу, как если бы ей в голову пришла идея.

— Я знаю, чего не хватает! — крикнула она. — этой глупой стены тумана. Она тогда была все время здесь. Теперь ее нет.

Тут все заговорили сразу, расспрашивая про стену, но Жозефина беззаботно продолжала говорить свое, как будто нас здесь не было:

— Это была стена тумана, которая тянулась повсюду, до самого неба, — сказала она. — она была прямо здесь. Она сводила меня с ума. Правильно, черт возьми! Я не была такой уж чокнутой, пока эта стена не свела меня с ума. Я видела ее хоть с закрытыми, хоть с открытыми глазами. Я думала, что эта стена преследует меня.

На минуту Жозефина потеряла свое естественное оживление. Взгляд отчаяния появился в ее глазах. Я видел такой взгляд у людей, которые проходили через психиатрический стресс. Я поспешил предложить ей съесть рогалик. Она тотчас же успокоилась и начала его есть.

— Что ты обо всем этом думаешь, Нестор? — спросил я.

— Я боюсь, — сказал он мягко.

— Ты что-нибудь помнишь?

Он отрицательно потряс головой. Движением бровей я задал тот же вопрос Паблито и Бениньо. Они также покачали головами, говоря «нет».

— А как ты, Роза? — спросил я.

Роза подскочила, услышав, что я обращаюсь к ней. Она, казалось, потеряла способность разговаривать. Она держала сладкий рогалик в руке и пристально на него смотрела, как будто определяя, что с ним следует делать.

— Конечно, она помнит, — сказала Жозефина, смеясь. — но она до смерти перепугалась. Разве вы не видите, что она даже глазами и ушами писается.

Жозефина, казалось, считала свое заявление великолепной шуткой. Она согнулась от смеха пополам и уронила на землю рогалик. Она подняла его, обтерла и съела.

— Сумасшедшие едят все, — сказала она, похлопывая меня по спине. Нестору и Паблито, казалось, было неудобно за паясничанье Жозефины. Паблито же был доволен. В его глазах светилось восхищение. Он потряс головой и прищелкнул языком, как бы не в силах поверить в такое великолепие.

— Пойдем к дому, — подтолкнула нас Жозефина. — я расскажу вам там всякое.

Я сказал, что нам надо подождать Горду и Лидию. К тому же было еще слишком рано беспокоить ту очаровательную даму, которая в этом доме жила. Паблито сказал, что уже бывал в этом городе по своим плотницким делам и знает дом, где проезжих кормят обедом. Жозефина не хотела ждать. Ей было все равно, идти к дому или есть.

Я высказался за завтрак и попросил розу зайти в церковь и позвать Горду и Лидию, но Бениньо вызвался галантно подождать их, а затем отвести к месту завтрака. Очевидно, он тоже знал, где оно находится.

Паблито не повел нас туда прямо. Вместо этого, по моей просьбе, он сделал большой крюк. На окраине города был большой мост, и я хотел его осмотреть. Я видел его из машины в тот день, когда приезжал сюда с Гордой. Его структура была, видимо, колониальной. Мы взошли на мост и затем внезапно остановились на середине его. Я спросил человека, который там стоял, очень ли старый этот мост. Он сказал, что видит его всю жизнь, а ему уже за пятьдесят. Я думал, что этот мост лишь для меня одного имеет столь притягательную силу, но, наблюдая за другими, вынужден был заключить, что на них он воздействует тоже. Нестор и Роза тяжело дышали, им не хватало воздуха. Паблито схватился за Жозефину. Она тоже, в свою очередь, цеплялась за меня.

— Ты что-нибудь помнишь, Жозефина? — спросил я.

— Этот дьявол, Сильвио Мануэль, находится на той стороне моста, — сказала она, показывая на противоположный берег в каких-нибудь десяти метрах от нее.

Я посмотрел в глаза розе, и она утвердительно кивнула головой, прошептав, что однажды она уже пересекала этот мост в великом страхе и что на том конце что-то ждало ее, чтобы сожрать.

Оба мужчины не были помощниками. Они смотрели на меня в полном замешательстве. Каждый сказал, что он без всяких причин очень боится. Я должен был согласиться с ними. Я чувствовал, что за все деньги в мире не соглашусь пересечь ночью этот мост. Я не знал, почему.

— Что ты еще помнишь, Жозефина? — спросил я.

— Сейчас мое тело очень напугано, — сказала она. — я больше ничего не могу вспомнить. Этот дьявол, Сильвио Мануэль, всегда находится в темноте. Спроси у розы.

Движением головы я попросил розу говорить. Она три-четыре раза утвердительно кивнула головой, но не смогла произнести ни слова. Напряжение, которое я сам испытывал, было беспричинным, но реальным. Все мы стояли на этом мосту, на самой его середине, неспособные сделать ни одного шага в том направлении, которое указывала Жозефина. Наконец Жозефина перехватила инициативу и повернула назад. Мы пошли назад в центр города. Паблито привел нас к большому дому. Горда, Лидия и Бениньо уже ели. Они даже заказали пищу для нас. Я не был голоден. Паблито, Нестор и Бениньо были в оцепенении. Жозефина ела с удовольствием. За столом царил мрачное молчание. Каждый избегал моего взгляда, когда я пытался начать разговор.

После завтрака мы прошли к тому дому. Никто не произнес ни слова. Я постучал и, когда дама открыла мне, объяснил, что мне хочется показать ее дом своим друзьям. Она секунду колебалась.

Горда дала ей немного денег и извинилась за то, что мы беспокоим ее.

Жозефина отвела нас прямо в заднюю половину дома. Я не видел этой части дома, когда был здесь в прошлый раз.

Там был мощный дворик с комнатами, расположенными вокруг него. Громоздкий сельскохозяйственный инвентарь хранился в крытых коридорах. У меня было такое чувство, что я уже видел этот дворик, когда тут не было этого хлама. С каждой стороны дворика было по две комнаты. Нестор, Паблито и Бениньо, казалось, были на грани того, чтоб физически заболеть. Горда обливалась потом. Она села с Жозефиной в альков в одной из стен, в то время, как Лидия с розой вошли в одну из комнат.

Внезапно Нестор, казалось, захотел что-то найти и вошел в другую комнату. Так же сделали и Паблито с Бениньо.

Я остался один с дамой — хозяйкой дома. Я хотел заговорить с ней, задать вопросы, спросить, знала ли она Сильвио Мануэля, но я не смог наскрести энергии для разговора. Мой живот, казалось, завязывался узлами. С моих рук капал пот.

Что подавляло меня, так это ощутимая печаль, тоска по чему-то отсутствующему, несформулированному.

Я не мог этого вынести. Я уже собирался попрощаться с дамой и выйти из дома, когда ко мне подошла Горда. Она прошептала, что нам следует посидеть немного в большой комнате, примыкающей к холлу, отделенному от дворика. Комната была видна с того места, где мы стояли. Мы пошли туда и вошли внутрь. Это была очень большая комната, пустая, с высоким сводчатым потолком, темная и хорошо проветриваемая. Горда позвала в комнату всех. Дама посмотрела на нас, но сама внутрь не вошла. Каждый, казалось, в точности знал, где ему следует сидеть. Хенарос уселись справа от двери в одной стороне комнаты, а Горда и сестренки сели слева, с другой стороны. Они уселись вплотную к стенам. Хотя мне хотелось бы сесть рядом с Гордой, я сел в центре комнаты. Это место казалось мне правильным. Я не знаю, почему, но наши места, казалось, определял какой-то высший порядок. Пока я там сидел, волна странных чувств напала на меня. Я был пассивен и расслаблен. Я сам себе казался экраном движущихся картин, где проецировались чужие чувства печали и тоски. Однако не было ничего, что я мог бы узнать, как точную память. Мы оставались в этой комнате более часа. К концу я уже чувствовал, что готов открыть источники неземной печали, заставлявшей меня плакать почти неконтролируемо. Но затем, так же невольно, как мы там уселись, мы встали и покинули дом. Мы даже не поблагодарили даму и не попрощались с нею.

На площади мы сгрудились вместе. Горда сразу же заявила, что поскольку она бесформенна, то она все еще несет ответственность. Она сказала, что занимает такую позицию из-за тех заключений, к которым она пришла в доме Сильвио Мануэля. Горда, казалось, ждала замечаний. Молчание остальных было для меня невыносимо. Я должен был сказать что-нибудь в конце концов.

— К каким заключениям ты пришла в этом доме, Горда? — спросил я.

— Думаю, все знают, к каким, — высокомерным тоном сказала она.

— Мы этого не знаем, — сказал я, — никто пока ничего не сказал.

— Мы знаем, что нам и не надо разговаривать, — сказала Горда.

Я настаивал на том, что такие важные вещи я не могу принять так просто, как само собой разумеющееся. Нам надо поговорить о наших чувствах. Что касается меня самого, то все, что я оттуда вынес, это опустошительное чувство печали и отчаяния.

— Нагваль Хуан Матус был прав, — сказала Горда. — мы должны были посидеть в том месте, чтобы освободиться. Я свободна теперь. Я не знаю, что произошло, но что-то было снято с меня, пока я там сидела.

Трое женщин с ней согласились. Трое мужчин — нет. Нестор сказал, что он был на грани того, чтобы вспомнить действительные лица, но что вне зависимости от того, как усердно он старался очистить свое поле зрения, что-то перекрывало его. Все, что он испытал, было чувством тоски и печали оттого, что он все еще находится в этом мире.

— Видишь, что я имею в виду, Горда? — сказал я.

Она, казалось, была недовольна. Она так надулась, как никогда на моей памяти. Или же я видел ее такую надутую когда-то раньше?

Она выступала перед группой. Я не мог уделять внимания тому, что она говорит. Я углубился в воспоминание, которое было бесформенным, но почти достижимым для меня. Чтобы эти воспоминания продолжались, я, казалось, нуждался в постоянном потоке слов Горды. Я был прикреплен к звуку ее голоса, к ее гневу. В какой-то момент, когда она начала остывать, я заорал на нее, что она строит из себя шишку. Она действительно взволновалась. Я следил за ней какое-то время. Я вспоминал другую Горду, другое время: сердитую толстую Горду, толкавшую меня в грудь кулаками. Я вспомнил, как смеялся над ее гневом, потешаясь над ней, как над ребенком. Воспоминание окончилось в тот момент, когда замолк голос Горды. Она, казалось, поняла, что я делал.

Я обратился ко всем им и сказал, что мы находимся в опасном положении: что-то неизвестное нависло над нами.

— Оно не нависло над нами, — сухо сказала Горда, — оно нас уже ударило. Я полагаю, ты знаешь, что это.

— Я не знаю и полагаю, что говорю не только за себя, но и за остальных мужчин, — сказал я.

Трое Хенарос согласились кивком головы.

— Мы жили в этом доме, пока мы были на левой стороне, — объяснила Горда. — я любила сидеть в том алькове и плакать, потому что не знала, что делать. Я думаю, что если бы осталась в этой комнате чуть дольше, то вспомнила бы все, но что-то вытолкнуло меня оттуда. Я также сидела обычно в той комнате, когда там бывали еще люди. Но я не могу вспомнить их лица. Но другие вещи прояснялись, пока я там сидела сегодня. Я бесформенная. Ко мне приходит все. И плохое и хорошее. Я, например, схватила свое старое раздражение и желание браниться. Но также я выхватила и кое-что другое, хорошее.

— Я тоже, сказала Лидия хриплым голосом.

— Что это за хорошие вещи? — спросил я.

— Я думаю, что неправа в своей ненависти к тебе, — сказала Лидия. — моя неприязнь не дает мне улететь. Так мне говорили все в той комнате, и мужчины, и женщины.

— Что за мужчины и что за женщины? — спросил Нестор испуганно.

— Я там была, когда они были там. Это все, что я знаю, — повторила она.

— А ты, Горда? — спросил я.

— Я уже говорила тебе, что не могу вспомнить какие-либо лица или что-либо специфическое, — сказала она, — но одно я знаю: что бы мы ни делали в этом доме — это было на левой стороне. Мы пересекали или кто-то заставлял пересекать нас параллельные линии. Те непонятные воспоминания, что к нам приходят, идут из того времени, из того мира.

Без какой-либо словесной договоренности мы покинули площадь и направились к мосту. Лидия и Горда побежали впереди нас. Когда мы их нагнали, то обнаружили, что они стоят на том самом месте, где раньше оставались мы.

— Сильвио Мануэль — это тьма, — прошептала Горда мне с глазами, прикованными к противоположной стороне моста.

Лидия тряслась. Она тоже попыталась заговорить со мной, но я не мог понять, что она бормочет.

Я подтолкнул их обратно, прочь с моста. Кругом шло множество людей, но никто не уделял нам никакого внимания. Мы сели на землю в нескольких метрах от моста. Я думал, что если мы сможем собрать по крупицам все, что каждый из нас знает об этом месте, то мы сможем составить что-либо, что поможет нам решить нашу дилемму.

— Кто такой Сильвио Мануэль? — спросил я Горду.

— Я никогда до этого не слышала этого имени, — сказала она. — я не знаю этого человека, и в то же время я знаю его. Что-то похожее на волны находит на меня, когда я слышу это имя. Жозефина назвала мне это имя, когда мы были в доме. С той самой минуты разное стало приходить мне на ум и на язык, само собой, как у Жозефины. Никогда не думала, что доживу до такого, чтобы оказаться похожей на Жозефину.

— Почему ты говоришь, что Сильвио Мануэль — это темнота? — спросил я.

— Представления не имею, — сказала она. — однако все мы здесь знаем, что это правда.

Она подтолкнула женщин, чтобы те заговорили. Никто не произнес ни слова. Я выбрал розу. Она собиралась что-то сказать три-четыре раза. Ее тельце содрогнулось.

— Мы пересекли этот мост и Сильвио Мануэль ждал нас на той стороне, — сказала она еле слышным голосом. — я шла последней. Когда он пожирал остальных, я слышала их вопли. Я хотела убежать, но этот дьявол, Сильвио Мануэль, был с обеих сторон моста. Некуда было спастись.

Горда, Лидия и Жозефина согласились. Я спросил, было ли это прямым и точным воспоминанием о чем-то или простым ощущением. Горда сказала, что для нее это было в точности так, как сказала Роза: совершенно ясным воспоминанием. Остальные двое с ней согласились.

Я недоумевал, что же было с людьми, живущими у моста. Если женщины кричали так, как рассказывала Роза, то прохожие должны были это слышать. Вопли вызвали бы тревогу. На секунду я почувствовал, что весь город должен был быть в заговоре. Озноб прошел по моему телу. Я повернулся к Нестору и прямо выразил все, что чувствовал.

Нестор сказал, что нагваль Хуан Матус и Хенаро были действительно воинами высших достоинств, и, как таковые, они были совсем одинокими существами. Их контакты с людьми были один-на-один. Не было такой возможности, чтобы целый город или хотя бы люди, живущие около моста, с ними столкнулись. Для того, чтобы это было возможно, все эти люди должны были бы быть воинами — вероятность крайне ничтожная.

Жозефина с ухмылочкой начала кружить вокруг меня.

— У тебя определенно есть нахальство, — сказала она. — притворяешься, что ничего не знаешь, а сам был здесь. Это ты привел нас сюда! Это ты толкал нас на этот мост! — в глазах женщин зажглась угроза.

Я повернулся к Нестору за помощью.

— Я ничего не помню, — сказал он. — это место меня пугает. Вот все, что я знаю.

С моей стороны обращение к Нестору было блестящим маневром. Женщины набросились на него.

— Конечно, ты не помнишь! — визжала Жозефина. — все мы были здесь. Что ты за глупый осел?!

Мои расспросы требовали порядка. Я увел их прочь от моста. Я думал, что, будучи активными людьми, они смогут более расслабиться, если будут двигаться и разговаривать на ходу вместо того, чтобы сидеть на месте, как предпочел бы я.

Когда мы пошли, гнев женщин утих так же внезапно, как и возник.

Лидия и Жозефина стали еще более разговорчивыми. Они вновь и вновь высказывали свое чувство, что Сильвио Мануэль был пугающей фигурой.

Тем не менее никто из них не припомнил, чтобы физически потерпел какой-нибудь урон. Они только помнили, что были парализованы страхом. Роза не сказала ни слова, но знаками выражала свое согласие со всем, что говорили другие. Я спросил их, была ли это ночь, когда они пытались перейти мост. И Лидия, и Жозефина сказали, что был ясный день.

Роза прочистила горло и сказала, что это было ночью. Горда пояснила разногласие, сказав, что это были утренние сумерки, может быть, время как раз перед ними. Мы достигли конца коротенькой улочки и автоматически повернули назад, к мосту.

— Это же так просто, — сказала Горда внезапно, как если бы она это только что обдумывала. — мы пересекли или, вернее, Сильвио Мануэль заставил нас пересекать параллельные линии. Этот мост — место силы. Дыра в этом мире. Вход в другой мир. Мы прошли в этот вход. Должно быть, проходить было больно, так как мое тело боится. Сильвио Мануэль ждал нас с другой стороны. Никто из нас не помнит его лица, так как Сильвио Мануэль — это темнота. И он никогда не покажет свое лицо. Мы могли видеть только его глаза.

— Один глаз, — спокойно сказала Роза и отвернулась.

— Все здесь, включая тебя, — сказала Горда, обращаясь ко мне, — знают, что лицо Сильвио Мануэля находится в темноте. Можно слышать только его голос, мягкий, как приглушенное покашливание.

Горда перестала разговаривать и начала так пристально меня рассматривать, что я ощутил всего себя. Ее глаза были с хитринкой, что дало мне основание подозревать, что она знает о чем-то, но не говорит. Я спросил ее. Она отрицала. Но признала, что ощущает множество необоснованных чувств, которые она не старается объяснять. Я подталкивал ее, а потом прямо потребовал, чтобы женщины попробовали вспомнить сообща, что все-таки случилось с нами на той стороне моста. Каждая из них могла вспомнить только вопли остальных.

Трое Хенарос оставались в стороне, и в наше объяснение они не вступали. Я спросил у Нестора, не имеет ли он хоть какого-нибудь представления о том, что же все-таки произошло. Его бесстрастным ответом было, что все находится где-то вне его понимания.

Тогда я пришел к единственному решению. Мне показалось, что единственной открытой для нас дорогой было пересечь этот мост. Я предложил им вернуться обратно к мосту и перейти через него. Мужчины согласились немедленно. Женщины — нет. Истратив все свои доводы, я в конце концов вынужден был толкать и тащить лидию, розу и Жозефину. Горда не была расположена идти, но, казалось, она была заинтересована происходящим. Она шла рядом, не помогая мне тащить женщин. Хенарос поступали так же. Они нервно посмеивались над моими попытками справиться с сестричками, но и пальцем не шевельнули, чтобы помочь мне. Так мы дошли до той точки, где останавливались ранее. Там я внезапно почувствовал, что слишком слаб, чтобы удержать троих женщин. Я заорал на Горду, чтобы она мне помогла. Она сделала полуискреннюю попытку схватить лидию. Но тут группа распалась, и все, кроме Горды стали пробираться, спотыкаться, отдуваясь, к безопасности улицы. Мы с Гордой остались как бы приклеенные к мосту, не имея сил идти вперед и не желая возвращаться.

Горда прошептала мне на ухо, что мне следует совсем не бояться, так как это я ждал их на той стороне моста. Она добавила, что убеждена в том, что я знаю, что являлся помощником Сильвио Мануэля, но не смею открыть это никому.

Тут мое тело охватила неконтролируемая ярость. Я чувствовал, что Горда не должна соваться, делая такие замечания или испытывая подобные чувства. Я схватил ее за волосы и крутанул. В высшей точке своего гнева я спохватился и остановился. Я извинился и обнял ее. Мне на помощь пришла трезвая мысль. Я сказал, что мне действует на нервы быть руководителем. Напряжение по мере нашего продвижения становится все более острым. Она со мной согласилась. Она твердо держалась за свою интерпретацию, что Сильвио Мануэль и я

были чрезвычайно близки, и когда мне напоминали о моем хозяине, я ответил яростью. Хорошо, что она сказала, что я должен о ней заботиться, а то бы, наверное, я сбросил ее с моста.

Мы повернули назад. Остальные были на безопасном расстоянии от моста, глядя на нас с откровенным страхом. Казалось, превалировало очень странное состояние безвременья. Словно мы были выброшены из привычного потока времени. Вокруг нас совсем не было людей. Мы должны были пробыть на мосту самое малое пять минут, и ни один человек не только не пересек за это время мост, но даже не появился нигде. Затем, совершенно внезапно, люди опять стали двигаться вокруг нас, как всегда бывает в такое деловое время суток.

Не говоря ни слова, мы прошли назад на площадь. Все мы ощущали опасную слабость. У меня было даже смутное желание задержаться в городе еще немного, но мы сели в машину и поехали на восток, к атлантическому побережью. Мы с Нестором вели машину по очереди, останавливаясь только для того, чтобы заправиться и поесть, пока не достигли Вера-крус. Этот городок был для нас нейтральной зоной. Я там был только однажды, а другие вообще никогда не бывали. Горда считала, что такой незнакомый город является подходящим местом, чтобы сбросить старую оболочку. Мы остановились в отеле, и там они приступили к разрыванию на лоскутки своих старых одежд. Волнение нового города творило чудеса с их моралью и самочувствием.

Наша следующая остановка была в городе мекхико. Мы остановились около парка Аламеда, там же, где я когда-то останавливался с доном Хуаном. В течение двух дней мы были совершенными туристами. Мы делали покупки и посещали столько туристских мест, сколько возможно. Женщины выглядели просто поразительно. Бениньо купил в магазине, где продавались заложенные и невостребованные вещи, фотоаппарат. Аппаратом без пленки он сделал 425 снимков. В одном месте, пока мы любовались поразительной настенной мозаикой, один служитель спросил меня, откуда приехали эти великолепные иностранки. Я сказал, что из Шри-Ланка. Он мне поверил и поражался тому, что они почти похожи на мексиканок.

На следующий день в 10 часов утра мы были в авиаагентстве, в которое дон Хуан втолкнул меня однажды. Когда он меня толкнул, я влетел в одну дверь и вылетел через другую, но уже не на улицу, как должно было быть, а на рынок, находящийся примерно в двух километрах отсюда, где я и наблюдал тогда за деятельностью людей, там присутствовавших.

Горда рассуждала, что авиаагентство, так же, как и мост, было местом силы, дверью пересечения параллельных линий. Нагваль толкнул меня через этот проход, но я застрял посередине между двумя мирами, между линиями и, таким образом, смог наблюдать за жизнью базара, не будучи сам ее частью. Она сказала, что нагваль, конечно, хотел пропихнуть меня сквозь дверь, но мое упрямство помешало ему, и я в конце концов оказался на том же месте, откуда ушел в этом мире.

Мы прошли от авиаагентства до рынка, а оттуда в парк Аламеда, где мы с доном Хуаном сидели после путешествия в авиаагентстве. Я много раз бывал в парке с доном Хуаном. Я чувствовал, что место будет наиболее благоприятным для того, чтобы там обсудить наши дальнейшие действия.

Моим намерением было подвести итоги всему, что мы сделали для того, чтобы решить, какой следующий шаг нам предпринять.

После наших попыток намеренно пересечь мост я безуспешно пытался придумать, как удержать моих компаньонов одной группой. Мы уселись на каменные ступеньки, и я начал с того, что для меня знание приходит обычно со словами. Я рассказал им, что моя глубочайшая вера состоит в том, что если опыт или событие не оформлены в концепцию, то они рассеиваются. Поэтому я попросил их представить их индивидуальные оценки нашего положения.

Паблито заговорил первым. Я нашел это странным, потому что обычно и вплоть до настоящего момента он был необыкновенно тихим. Он извинился за то, что собирался сказать не что-нибудь из всплывшего в памяти, но просто свое заключение, основанное на всем, что он знал. Он сказал, что ему не трудно понять то, что, по словам женщин, произошло на мосту. Это было, утверждал Паблито, делом вынужденного перехода с правой стороны — тоналя — на левую — нагваль, всех пугал тот факт, что управлял всем этим переходом кто-то еще, заставляющий их переходить. Он сказал, что не видит проблемы в том, чтобы считать, что это именно я помог тогда Сильвио Мануэлю. Он подтвердил свои заключения заявлением, что всего лишь двумя днями раньше он был свидетелем того, как я делал то же самое: толкал всех на мост силой. В этот раз, однако, мне никто не хотел помочь, не было Сильвио Мануэля, чтобы тащить всех к себе из-за моста.

Я попытался сменить тему разговора, сказав, что такая забывчивость, которая имеет место у нас, обычно называется амнезией. Я знаю об амнезии очень мало, чтобы пролить свет на наш случай, однако достаточно, чтобы я мог считать, что мы все не могли так просто и сразу забыть

все, как по команде. Я сказал им, что кто-то, может быть, дон Хуан, сделал с нами что-то невообразимое. Я хотел точно выяснить, что же именно.

Паблито настаивал, что очень важно для меня, чтобы я понял, что именно я был в сговоре с Сильвио Мануэлем. Затем он сказал, что Лидия и Жозефина разговаривали с ним уже о той роли, которую я играл, силой заставляя их пересечь параллельные линии.

Я не чувствовал особого удобства, обсуждая эти вопросы. Я заметил, что никогда, вплоть до разговора с Соледад, я не слышал о параллельных линиях, однако я не смог возражать против того, что идею этих параллельных линий я понял мгновенно. Я сказал им, что в каком-то озарении я понял, что она имеет в виду. Я даже убедился, что пересек параллельные линии сам, когда я думал, что вспомнил ее. Все остальные, за исключением Горды, сказали, что услышали о параллельных линиях впервые, когда я заговорил о них. Горда сказала, что она об этом услышала впервые от доньи Соледад как раз передо мной.

Паблито сделал попытку поднять разговор о моих отношениях с Сильвио Мануэлем. Я прервал его. Я заметил, что пока мы все были на мосту, пытаюсь перейти, я не заметил, что я, а предположительно и все мы, находились в состоянии необычайной реальности. Я осознал перемену, когда сообразил, что на мосту совсем нет людей. Только мы ввосьмером находились там. Это был ясный день, но внезапно небо оказалось покрыто облаками, и яркий свет позднего утра превратился в сумерки. Я был в то время так занят своими страхами и личностными интерпретациями, что не заметил пугающие перемены. Когда мы сошли с моста, я заметил, что другие люди опять идут вокруг нас. Но что происходило с нами, когда мы пытались перейти мост?

Горда и остальные ничего не заметили, в действительности они ничего и не знали о переменах, пока я им их не описал. Все смотрели на меня теперь со смесью раздражения и страха. Паблито опять взял инициативу и обвинил меня в попытке вовлечь их во что-то такое, чего они не хотят. Он не уточнял, что это может быть такое, но его ораторского напора было достаточно, чтобы все встали на его сторону. Внезапно против меня оказалась целая орда разгневанных магов. Мне потребовалась масса усилий и времени, чтобы объяснить, почему мне необходимо проверить со всех возможных углов зрения нечто столь странное и всепоглощающее, как наше с ними приключение на мосту. В конце концов они успокоились не столько из-за того, что я их убедил, сколько из-за эмоциональной усталости. Все они, включая Горду, ревностно отстаивали точку зрения Паблито.

Нестор выдвинул другую линию рассуждений. Он предположил, что я, возможно, был таким невольным соучастником, который не отдавал себе полностью отчета в своих действиях. Он добавил, что сам он лично не может поверить, как остальные, в то, что я осознавал, что оставлен с задачей увести их в сторону от того, что они хотят. Он чувствовал, что я в действительности не знал, что веду их к уничтожению, хотя и делал именно это.

Он думал, что существуют два способа пересечения параллельных линий. Один — при помощи чьей-нибудь силы, а другой — при помощи собственных сил. Его конечным заключением было то, что Сильвио Мануэль заставил их когда-то пересечь линии, напугав их так сильно, что некоторые из них даже вообще не помнят об этом. Задача, оставшаяся им, была в том, чтобы сделать это своими силами, тогда как моей задачей было помешать им в этом.

Затем заговорил Бениньо. Он сказал, что последнее, что сделал дон Хуан для своих учеников-мужчин, было помочь нам пересечь параллельные линии, заставив нас прыгнуть в пропасть. Бениньо считал, что мы уже располагаем очень большим знанием о пересечении этих линий, но пока еще не пришло время, чтобы сделать это вновь. На мосту они не смогли сделать ни одного шага вперед, потому что не пришло нужное время. Поэтому они правы, считая, что я пытался их уничтожить, заставляя пересекать линии. Он считал, что перейти через параллельные линии с полным осознанием будет конечным шагом для всех них, шагом, который должен быть сделан только тогда, когда они будут готовы исчезнуть с этой земли.

Затем против меня выступила Лидия. Она не делала никаких оценок, но вызвала меня вспомнить, как я в первый раз заманил ее на мост. Она нагло заявила, что я был учеником не нагваля Хуана Матуса, а учеником Сильвио Мануэля, и что мы с Сильвио Мануэлем пожрали тела друг друга.

У меня опять был приступ ярости, как на мосту с Гордой. Но я вовремя взял себя в руки. Успокоила меня логичная мысль. Я говорил себе вновь и вновь, что я заинтересован таким анализом.

Я объяснил лидии, что бесполезно нападать на меня таким образом. Она все же не хотела остановиться. Она кричала, что Сильвио Мануэль мой хозяин и именно в этом причина того, что я не являюсь частью их всех. Роза добавила, что Сильвио Мануэль дал мне все, чем я сейчас являюсь.

Я попросил розу выбирать слова. Я сказал ей, что следовало бы говорить, что Сильвио Мануэль дал мне все, что я имею. Она отстаивала свой выбор слов. Сильвио Мануэль дал мне то, чем я являюсь.

Даже Горда поддержала ее, сказав, что она помнит такое время, когда я так был болен, что у меня больше не осталось сил для жизни. Все во мне было истрачено, и тогда именно Сильвио Мануэль взял все в свои руки и накачал новую жизнь в мое тело. Горда сказала, что мне лучше было бы знать свое происхождение, чем продолжать, как я делал до сих пор, утверждать, что мне помог нагваль Хуан Матус. Она настаивала на том, что я фиксирован на нагвале из-за того, что последний был предрасположен (выбран) все говорить словами. Сильвио Мануэль, с другой стороны, был молчаливой темнотой. Она объяснила, что для того, чтобы за ним следовать, мне было бы нужно пересечь параллельные линии. Ну а чтобы следовать за нагвалем Хуаном Матусом, все, что мне надо было делать, так это говорить о нем.

Все, что они говорили, было ни чем иным для меня, как бессмыслицей. Я уже собирался сделать то, что считал, будет уместным в отношении подобной чепухи, когда линия моего мышления была буквально смята.

Я не мог уже вспомнить, о чем только что думал, хотя лишь за секунду решение было самой ясностью.

Вместо этого на меня нахлынуло крайне любопытное воспоминание. Это было не сгущение чего-то, а ясная, чистая память о событии. Я вспомнил, что однажды был с доном Хуаном и еще одним человеком, лицо которого вспомнить не мог. Мы все трое разговаривали о чем-то, что я воспринимал, как одну из черт мира. Это было в 5-7 метрах справа от меня и выглядело, как неосязаемая стена тумана желтоватого цвета, которая, насколько я мог судить, разделяла весь мир надвое.

Она шла от земли и до неба до бесконечности. Пока я разговаривал с этими двумя людьми, та половина, которая была слева от меня, была в целости, а все, что справа, было скрыто этим туманом. Я помню, что ориентировался по ландшафтным признакам и понял, что здесь ось стены тумана идет с востока на запад. Все к северу от этой оси было тем миром, который я знал. Помню, что я спросил дон Хуана, что случилось с миром к югу от этой линии. Дон Хуан заставил меня немного подвинуться вправо, и я увидел, что стена тумана передвигалась по мере того, как я поворачивал голову. Мир был разделен надвое на таком уровне, который моему интеллекту был недоступен. Разделение казалось реальным, но граница проходила не на физическом плане. Она была как-то связана со мной самим. Или это не так?

Был и еще один осколок этого воспоминания. Тот, другой человек сказал, что разделить мир надвое — очень большое достижение, но еще большим достижением бывает, когда воин имеет невозмутимость и контроль для того, чтобы остановить вращение этой стены. Он сказал, что эта стена не находится внутри нас. Она определенно снаружи, в мире, разделяя его на две части и вращаясь, когда мы поворачиваем голову, как если бы она была прикреплена к нашим вискам. Великое достижение удержания стены от поворота позволяет воину повернуться к ней лицом и дает ему силу проходить сквозь нее в любое время, когда он только пожелает.

Когда я рассказал ученикам, что я только что вспомнил, женщины были убеждены, что этот другой человек был Сильвио Мануэлем. Жозефина, как знаток стены тумана, сказала, что преимущество Элихио перед всеми — в его умении останавливать стену тумана так, что по желанию он мог проходить сквозь нее.

Она добавила, что стену тумана легче проходить в сновидении, потому что тогда она не движется.

Горду, казалось, затронула целая серия почти болезненных воспоминаний. Ее тело непроизвольно подсакивало, пока в конце концов она не разразилась словами.

Она сказала, что больше не имеет возможности отрицать тот факт, что я был помощником Сильвио Мануэля. Сам нагваль предупреждал, что я порабошщу ее, если она не будет очень осторожна. Даже Соледад предупреждала ее следить за мной, потому что мой дух берет пленников и делает их своими рабами. На такое был способен лишь один Сильвио Мануэль. Он поработил меня, и теперь я буду порабошщать любого, кто приблизится ко мне. Она призналась, что находилась под действием моих чар вплоть до того момента, когда она уселась в комнате Сильвио Мануэля и что-то свалилось вдруг с ее плеч.

Я поднялся и буквально зашатался под тяжестью слов Горды. В животе у меня был какой-то вакуум. Я был убежден, что могу рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Я почувствовал себя преданным. Я подумал, что для них было бы нелишним знать мои чувства, но на помощь мне пришло чувство трезвости. Я сказал им вместо этого, что моим бесстрастным заключением, как воина, является следующее: дон Хуан изменил ход моей жизни в лучшую сторону. Я оценивал и переоценивал то, что он для меня сделал, и вывод всегда оставался тем же. Он принес мне свободу. Свобода — это все, что я знаю, и это все, что я могу принести кому-либо, кто придет ко мне.

Нестор сделал мне знак солидарности со мной. Он убеждал женщин бросить свою враждебность по отношению ко мне. Он смотрел на меня глазами того, кто не понимает, но очень хочет понять. Он сказал, что я не принадлежу к ним, потому что я действительно одинокая птица. Они нуждались во мне на короткий момент, чтобы порвать свои границы

привязанности и рутины. Теперь, когда они свободны, только небо является их границей. Оставаться со мной было бы, без сомнения, приятно для них, но убийственно.

Он, казалось, был глубоко тронут. Он подошел ко мне и положил мне руку на плечо. Он сказал, что, судя по его ощущениям, мы никогда не увидим больше друг друга на этой земле.

Он очень сожалеет, что мы расстанемся, как мелочные людишки, подкалывая друг друга, жалуясь и обвиняя. Он сказал, что, говоря от имени остальных, а не от себя, он просит меня уехать, так как у нас больше нет возможности оставаться вместе. Он добавил, что посмеялся над Гордой по поводу ее слов о змее, которую мы образуем. Он изменил свое мнение и больше не находит эту идею смешной. Это была наша последняя возможность добиться успеха как цельная группа.

Дон Хуан учил меня принимать свою судьбу со смирением.

— Ход жизни воина изменяем, — сказал он мне. — вопрос лишь в том, насколько далеко он уйдет по этой узкой дороге, каким неуязвимым он будет в этих узких границах. Если на его пути встречаются препятствия, то воин непоколебимо стремится преодолеть их. Если на своей тропе он встречает невыносимые трудности и боль, то он плачет, но все его слезы, вместе взятые, не могут сдвинуть линию его судьбы и на ширину волоса.

Мое первоначальное решение: позволить силе этого места решить, куда нам сделать следующий шаг, — было правильным. Я поднялся. Остальные отвернули лица. Горда подошла ко мне и сказала так, как если бы ничего не случилось, что мне следует уехать и что она свяжется со мной потом, позднее. Я хотел бросить, что не вижу причины, почему она должна ко мне присоединиться. Она решила примкнуть к другим. Она, казалось, прочла мои чувства покинутого и преданного. Она спокойно заверила меня, что мы должны выполнить нашу судьбу вместе, как воины, а не как мелочные людишки, которыми мы были.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

6. ПОТЕРЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Несколько месяцев спустя Горда поселилась в Аризоне после того, как помогла всем остальным осесть в разных частях Мексики. После этого мы начали разворачивать самую странную и самую поглощающую часть нашего ученичества. Сначала наши отношения были довольно натянутыми. Мне было очень трудно преодолеть свои чувства по поводу того, каким образом мы расстались в парке Аламеда. Хотя Горда и знала о местонахождении всех остальных, мне она ни разу ничего не говорила. Она чувствовала, что для меня было бы излишним знать об их деятельности.

Внешне между мной и Гордой все было в порядке, но я чувствовал горький осадок из-за того, что в тот раз она встала на сторону всех остальных против меня. Я не выражал этого, но осадок все равно остался. Я помогал ей и делал для нее все, как если бы ничего не произошло, но это входило в требования неуязвимости. Это был мой долг. Чтобы его выполнить, я с радостью пошел бы на смерть. Я намеренно ушел в руководство ею и устройство ее во все тонкости современной городской жизни; она даже изучала английский язык. Ее успехи были феноменальными.

Три месяца прошли почти незаметно, но однажды, когда я находился в Лос-анжелесе, я проснулся в ранний утренний час с невыносимой тяжестью в голове. Это не было головной болью. Скорее это походило на сильную тяжесть в ушах. Я ощущал эту тяжесть также на своих веках и на небе. Я сделал слабую попытку подняться и сесть. Мелькнула мысль, что у меня, вероятно, удар. Первой моей реакцией было позвать на помощь, но я все же как-то успокоился и попытался отделаться от страха. Через некоторое время давление в голове стало спадать, но оно стало расти в горле. Я задыхался, хрипел и кашлял некоторое время, затем давление постепенно переместилось ко мне на грудь, потом на живот, на таз, на ноги, на ступни и, наконец, оставило мое тело. То, что со мной происходило, чем бы оно ни было, заняло примерно два часа. В течение этих мучительных двух часов казалось, будто что-то внутри моего тела действительно движется вниз, выходя из меня. Мне казалось, что это что-то сворачивается наподобие ковра. Другое сравнение которое пришло мне в голову, — что это было шарообразной массой, передвигающейся внутри моего тела. Я отбросил эту картину в пользу первой, так как чувство больше напоминало что-то, сворачивающееся внутри самого себя, совсем как скатывают ковер. Оно становилось все тяжелее и тяжелее, а отсюда нарастала и боль, сделавшись совсем нестерпимой к коленям и ступням, особенно правой ступне, которая оставалась очень горячей еще 35 минут после того, как вся боль и давление исчезли. Горда сказала, услышав мой рассказ, что на этот раз я наверняка потерял свою человеческую форму, что я бросил все свои щиты или по крайней мере большинство из них. Оно была права. Не зная, как и даже не соображая, что произошло, я оказался в крайне незнакомом состоянии. Я

чувствовал себя отрешенным, не ощущающим воздействий со стороны не имело больше значения, что сделала Горда. Это не означало, что я простил ее за недостойное отношение ко мне; просто чувство было таким, будто никогда и не было никакого предательства. Во мне не осталось никакой — ни открытой, ни скрытой — неприязни ни к Горде, ни к кому бы то ни было другому. То, что я ощущал, не было волевым безразличием или нежеланием действовать; не было это также устранением или желанием быть одному. Это скорее было чуждым чувством отстраненности, способности погрузиться в момент и не иметь никаких мыслей ни о чем другом вообще. Действия людей больше не воздействовали на меня, потому что я больше не имел никаких ожиданий вообще. Станный покой стал руководящей силой в моей жизни. Я чувствовал, что каким-то образом воспринял все-таки одну из концепций жизни воина — отрешенность. Горда сказала, что я сделал больше чем воспринял ее, — я фактически воплотил ее. С доном Хуаном у нас бывали длинные разговоры о том, что когда-нибудь я сделаю именно это. Он сказал, что отрешенность не означает автоматически и мудрости, но что тем не менее она является преимуществом, потому что позволяет воину делать моментальную паузу для переоценки ситуации и пересмотра позиций, но чтобы пользоваться этим лишним моментом сообразно и правильно, необходимо, сказал он, чтобы воин непрестанно сражался за свою жизнь. Я не рассчитывал когда-либо испытать это чувство. Насколько я мог определить, не было способа симпровизировать его. Мне бесполезно было думать о преимуществах этого чувства или рассуждать о возможностях его прихода. В течение тех лет, что я знал дону Хуана, я явно испытал ослабление личных связей с миром, но это происходило на интеллектуальном плане; в своей повседневной жизни я не изменялся вплоть до того момента, когда потерял человеческую форму. Я рассуждал с Гордой о том, что концепция потери человеческой формы относится к телесным условиям и происходит с учеником тогда, когда он достигает определенного порога в ходе обучения. Как бы там ни было, конечным результатом потери человеческой формы и для меня и для Горды, как это ни странно, было не только скрытое чувство отрешенности, но также и выполнение нашей расплывчатой задачи по воспоминанию. И в этом случае интеллект опять играл минимальную роль. Однажды вечером мы с Гордой обсуждали кинокартину. Она ходила смотреть подпольный кинофильм, и мне хотелось знать ее описание его. Фильм ей совершенно не понравился. Она утверждала, что такой опыт ослабляет, так как быть воином означает вести сдержанную жизнь в полном целомудрии, как нагваль Хуан Матус. Я сказал ей, что знаю наверняка, что Хуан любил женщин, не был девственником, и я нахожу это великолепным.

— Ты безумец! — воскликнула она с оттенком изумления в голосе. — нагваль был совершенным воином. Он не был пойман ни в какие сети чувственности. Она захотела узнать, почему я считаю, что дон Хуан не вел девственный образ жизни. Я рассказал ей об одном случае, который произошел в Аризоне еще в начале моего ученичества. Я отдыхал однажды в доме дона Хуана после очень утомительной прогулки. Дон Хуан казался странно нервным. Он часто подходил к двери, чтобы выглянуть на улицу. Казалось, он ждал кого-то. Затем он внезапно сказал мне, что из-за поворота дороги показалась машина, которая направляется к его дому. Он сказал, что это девушка, его друг, везет ему одеяла.

Я никогда не видел дону Хуана раздраженным, и меня очень опечалило то, что он так взволнован, что не знает, что и делать. По моему мнению он не хотел моей встречи с этой девушкой. Я предложил спрятаться, но в его доме не было такого укромного места, чтобы укрыть меня, поэтому он уложил меня на пол и накрыл соломенной циновкой. Я услышал, как подъехала машина, а затем через щели циновки увидел девушку, стоящую в дверях. Она была высокой, стройной и очень молодой. Мне она показалась очень красивой. Дон Хуан что-то говорил ей тихим интимным голосом, затем он повернулся и показал на меня:

— Карлос прячется под циновкой, — сказал он девушке громким ясным голосом. Поздоровайся с ним.

Девушка помахала мне рукой и поздоровалась со мной дружелюбной улыбкой. Я чувствовал себя очень глупо и сердился на дону Хуана за то, что он поставил меня в такое затруднительное положение. Мне казалось очевидным, что таким образом он стряхивает свою нервность или, еще хуже, рисуется передо мной.

Когда девушка уехала, я сердито потребовал объяснений. Он ласково сказал, что вынужден был так сделать, потому что мои ноги торчали наружу и он не знал, что тут можно еще сделать. Когда я это услышал, весь его маневр стал мне ясен. Он просто показывал свою молодую подружку мне. Я никак не мог высовывать ноги, потому что они были у меня поджаты. Я понимающе рассмеялся, и дон Хуан вынужден был объяснить, что он любит женщин, а особенно эту девушку.

Я никогда не забывал об этом инциденте. Дон Хуан никогда не обсуждал его. Когда бы я ни поднимал этот вопрос, он всегда меня останавливал. Я надеялся, что когда-нибудь она меня разыщет, прочитав мои книги.

Горда очень взволновалась. Она ходила по комнате взад и вперед, пока я говорил. Она чуть не плакала. Я воображал разного рода сложные сети взаимоотношений, которые оказались здесь затронуты. Я думал, что Горда собственница и реагирует, как всякая женщина, когда ей угрожает другая.

— Ты ревнуешь, Горда? — спросил я.

— Не будь дураком, — сказала она сердито. — я бесформенный воин. Во мне не осталось ни зависти, ни ревности.

Я задал вопрос о том, что говорили Хенарос, будто Горда была женщиной нагваля. Ее голос был едва слышным.

— Я думаю, что была, — сказала она с неясным взглядом и села на кровать. — у меня было чувство, что я была ею, хотя я не знаю, как это могло бы быть. В этой жизни нагваль Хуан Матус был для меня тем же, чем и для тебя, — он не был мужчиной. Он был нагвалем. У него не было интересов в сексе.

Я заверил ее, что сам слышал, как дон Хуан выражал свою привязанность к той девушке.

— Он сказал тебе, что у него с нею половые отношения? — спросила Горда.

— Нет, он так не говорил, но это было очевидно из того, как он говорил, — сказал я.

— Тебе бы хотелось, чтобы нагваль походил на тебя, не так ли? — спросила она с издевкой. — нагваль был неуязвимым воином.

Я считал себя правым и не видел необходимости пересматривать свое мнение. Просто, чтобы поддеть Горду, я сказал, что та девушка, возможно, была ученицей дона Хуана, а не любовницей.

Последовала длинная пауза. То, что я сам сказал, оказало на меня беспокоящее воздействие. До тех пор я никогда не думал о такой вероятности. Я был закован в свое предвзятое мнение, не оставив себе никакой возможности пересмотра.

Горда попросила меня описать ту молодую женщину. Я не мог этого сделать, в действительности я не смотрел на ее черты. Я был слишком сердит и раздражен, чтобы присматриваться к деталям. Она тоже, казалось, была задета неудобством ситуации и поспешила покинуть дом.

Горда сказала, что без каких-либо логических оснований она чувствует, что та молодая женщина была ключевой фигурой в жизни нагваля. Ее заявление привело нас к разговору об известных нам друзьях дона Хуана. Мы очень долго пытались собрать по крупицам информацию о людях, связанных с доном Хуаном. Я рассказал ей о нескольких случаях, когда дон Хуан брал меня участвовать в пейотной церемонии. Я описал каждого, кто там присутствовал. Она никого не узнала. Тогда я сообразил, что, возможно, знаю больше людей, связанных с доном Хуаном, чем она, однако что-то из того, что я сказал, вызвало у нее воспоминание о том времени, когда она видела, что молодая женщина подвозила дона Хуана и дону Хенаро в небольшом белом автомобиле. Женщина высадила обоих мужчин у дверей дома Горды и пристально посмотрела на нее, прежде чем уехать. Горда подумала тогда, что молодая женщина просто подвезла нагваля и Хенаро к дому по их просьбе. Тогда я вспомнил, что, выбравшись из-под циновки в доме дона Хуана, я еще успел увидеть белый «фольксваген», уезжающий прочь.

Я упомянул еще об одном случае с участием другого друга дона Хуана, — человека, который как-то дал мне несколько растений пейота на городском базаре в северной мексике. Он также занимал годами мое воображение. Имя этого человека было Висенте. При звуке этого имени тело Горды реагировало так, как если бы был затронут не нерв. Голос у нее изменился. Она попросила меня повторить имя и описать этого человека. И опять я не мог дать никакого описания: я видел этого человека только однажды, в течение нескольких минут, десять лет назад.

Мы с Гордой прошли через период почти злости; злились мы не друг на друга, а на то, что держало нас закрытыми.

Последний инцидент, который был связан с полномасштабным воспоминанием, произошел однажды, когда я простудился и оставался в постели с насморком и легкой лихорадкой.

Мысли бесцельно текли у меня в голове. Весь день в мозгу у меня вертелась мелодия старой мексиканской песни.

В какой-то момент мне стало сниться, что кто-то играет эту мелодию на гитаре. Я пожаловался на ее монотонность, а тот, кто играл и кому я жаловался, толкнул меня гитарой в живот. Я отскочил, уклоняясь, и, стукнувшись головой о стену, проснулся. Это не было живым сном, только мотив все еще преследовал меня, и я не мог забыть звука гитары: он продолжал звучать в моем мозгу. Я оставался полупроснувшись, прислушиваясь к музыке. Казалось, я вхожу в состояние сновидения — полная и детальная сцена сновидения появилась перед моими глазами. В этой сцене рядом со мной сидела молодая женщина. Я мог разглядеть каждую деталь ее черт. Я не знал, кто она, но то, что я ее вижу, потрясло меня. В один миг я полностью

проснулся. Беспокойство, которое создало во мне это лицо, было столь интенсивным, что я поднялся и совершенно автоматически стал ходить взад и вперед

Я обливался потом и боялся покинуть комнату. Я не мог позвать на помощь Горду, — она уехала на несколько дней в Мексику, чтобы навестить Жозефину. Чтобы сжать талию, я обвязал вокруг себя простыню. Это помогло утихомирить немного волны нервной энергии, которые прокатывались по мне.

По мере того, как я ходил взад и вперед, картина в моем мозгу начала расплываться не в спокойное забытие, как мне бы хотелось, а в полноценное воспоминание. Я вспомнил, что однажды сидел на каких-то мешках с зерном, наваленных в складе для зерна. Молодая женщина пела мексиканскую песню, которая звучала теперь у меня в мозгу; она подыгрывала себе на гитаре. Там сидели со мной и другие люди, — Горда и двое мужчин. Я очень хорошо знал этих мужчин, но я все еще не мог вспомнить, кем была молодая женщина. Я старался, но казалось, это было безнадежным.

Я улегся опять, весь обливаясь потом. Я хотел чуть-чуть отдохнуть, прежде чем переодеть мокрую пижаму.

Как только я положил голову на высокую подушку, моя память, казалось, еще более прояснилась, и теперь я уже знал, кто именно играл на гитаре.

Это была женщина-нагваль — самое значительное на земле существо для меня и Горды. Она была женским аналогом нагваля-мужчины, — не жена и не его женщина, а его противоположная часть. Она обладала спокойствием и властью истинного лидера. Будучи женщиной она вынянчила нас.

Я не осмеливался слишком далеко подталкивать свою память. Интуитивно я знал, что у меня не хватит сил выстоять перед полным воспоминанием. Я остановился на уровне абстрактных чувств. Я знал, что она была воплощением чистейшей, ничем не затуманенной и глубочайшей привязанности. Пожалуй, наиболее подходящим было бы сказать, что мы с Гордой любили женщину-нагваль больше чем жизнь.

Что же такое могло случиться с нами, что мы забыли ее?

Этой ночью, лежа на кровати, я настолько разволновался, что начал опасаться за свою жизнь. Я стал напевать какие-то слова, которые стали для меня направляющей силой. И лишь когда я успокоился, то вспомнил, что и сами слова, которые я повторял вновь и вновь про себя, были воспоминанием, которое вернулось ко мне той ночью — воспоминанием о формуле, заклинании, чтобы провести меня через преграду, подобную той, с которой я столкнулся:

«Я уже отдан силе,
Что правит моей судьбой.
Я ни за что не держусь
И защищать мне будет нечего.
Я не имею мыслей,
Поэтому я увижу.
Я ничего не боюсь,
Значит, буду помнить себя.»
Эта формула имела еще строфу, которая в то время была для меня непонятной:
«Отрешенный и с легкой душой,
Я мимо орла проскочу,
Чтобы быть свободным.»

Моя болезнь и лихорадка послужили, возможно, своего рода буфером; его могло быть достаточно, чтобы отвести часть удара того, что я сделал, или скорее того, что нашло на меня, ибо сам я намеренно не сделал ничего.

Вплоть до этой ночи, если бы был составлен перечень моего опыта, я мог бы отвечать за непрерывность моего существования.

Отрывочные воспоминания, которые у меня были о Горде или о том, что я жил в том горном домике в центральной Мексике, были, в определенном смысле реальной угрозой идее моей непрерывности. Однако это все не шло ни в какое сравнение с воспоминанием о женщине-нагваль. И не столько из-за тех эмоций, которые вызвало это воспоминание, сколько из-за того, что я ее забыл. Забыл не так как забывают имя или мотив. До момента откровения в моем мозгу не было о ней ничего. Ничего!

Потом что-то нашло на меня или что-то с меня свалилось, и я стал вспоминать самого важного для меня человека, которого, с точки зрения того «я», который составлен опытом моей жизни, предшествующей этому моменту, я никогда не встречал.

Я вынужден был ждать еще два дня возвращения Горды, прежде чем смог рассказать ей о своем воспоминании. Горда вспомнила женщину-нагваль в тот же момент, как только я описал ее ей.

Ее сознание каким-то образом зависело от моего.

— Девушка, которую я видела в белом автомобиле, была женщина-нагваль! -воскликнула Горда. — она возвратилась ко мне, но я не смогла ее тогда вспомнить.

Я слышал слова и понимал их значение, но потребовалось долгое время, чтобы мысль сфокусировалась на том, что она говорила.

Мое внимание колыхалось. Казалось, что перед глазами был поставлен источник света, который медленно угасал.

У меня было ощущение, что если я не остановлю угасания, то умру. Внезапно я ощутил рывок и понял, что сложил вместе две части самого себя, которые были разделены. Я понял, что молодая девушка, которую я видел тогда в доме дона Хуана, была женщина-нагваль.

В этот момент эмоционального подъема Горда не могла мне ничем помочь. Ее настроение было заразительным. Она плакала, не переставая.

Эмоциональное потрясение воспоминания о женщине-нагваль было травмирующим для нее.

— Как я могла ее забыть? — вздохнула Горда.

Я уловил оттенок подозрения в ее взгляде, когда она посмотрела на меня.

— Ты ведь не имел представления о ее существовании, так? — спросила она.

При любых других обстоятельствах я посчитал бы ее вопрос неуместным, оскорбительным, но я точно так же недоумевал по поводу нее. Мне пришло в голову, что она, возможно, знала больше, чем говорила.

— Нет, не знал, — ответил я. — но как насчет тебя, Горда? Ты знала, что она существует?

На ее лице была такая невинность и такое замешательство, что мои сомнения рассеялись.

— Нет, — ответила она. — до сегодняшнего дня не знала. Теперь я совершенно определенно знаю, что часто сидела с ней и с нагвалем Хуаном Матусом на той скамейке на площади в Оаксаке. Я всегда помнила об этом и всегда помнила ее черты, но считала что видела все это во сне. Я все знала и в то же время не знала. Но почему я думала, что это был сон?

На секунду я поддался панике, потом у меня появилась совершенная физическая уверенность в том, что пока она говорит, где-то в моем теле открывается канал. Я внезапно знал, что тоже часто сидел на той скамейке с доном Хуаном и женщиной-нагваль. Я вспомнил то ощущение, которое у меня бывало каждый раз в таких случаях. Это было такое чувство физической удовлетворенности, счастья, полноты, что его невозможно было бы вообразить. Я думал о том, что дон Хуан и женщина-нагваль были совершенными существами и что быть в их компании действительно большая моя удача. Сидя на той скамейке между самыми выдающимися людьми на земле, я испытывал, пожалуй, наивысшую степень своих человеческих чувств. Однажды, я сказал дону Хуану именно это, имея в виду, что хотел бы тут же и умереть, чтобы сохранить это чувство чистым, незапятнанным, свободным от искажения.

Я рассказал о своем воспоминании Горде. Она сказала, что понимает, что я имел в виду. Секунду мы были спокойны, а затем груз наших воспоминаний опасно по вел нас в сторону печали и отчаяния.

Мне пришлось удерживать необычайно сильный контроль над собой, чтобы не заплакать. Горда всхлипывала, прикрыв лицо рукой.

Через некоторое время мы стали более спокойны. Горда уставилась мне в глаза. Я знал, о чем она думает. Это были те же самые вопросы, что осаждали и меня целыми сутками. Кто была женщина-нагваль? Где мы ее встретили? Где она готовилась? Знают ли о ней другие тоже?

Я как раз хотел высказать свои вопросы словами, когда Горда прервала меня.

— Я правда, не знаю, — сказала она, поймав меня на моем же вопросе. — я рассчитывала, что ты мне скажешь все это. Не знаю, почему, но я чувствую, что ты можешь объяснить мне, что к чему.

Она рассчитывала на меня, а я рассчитывал на нее. Мы рассмеялись над иронией нашего положения. Я попросил ее рассказать мне все, что она помнит о женщине-нагваль. Горда сделала 3-4 раза попытку что-либо сказать, но казалось, не могла собрать свои мысли.

— Я правда не знаю, с чего начать, — сказала она. — я знаю только, что люблю ее.

Я сказал ей, что у меня такие же чувства. Незаметная печаль охватывала меня каждый раз, когда я думал о женщине-нагваль. Пока я говорил, тело мое начало содрогаться.

— Мы с тобой любили ее, — сказала Горда. — не знаю, почему я это говорю, но я знаю, что она владела нами.

Я попросил ее объясниться, но она не могла определить, почему она так сказала. Она говорила нервозно, уточняя свои чувства. Я ощутил биение у себя в солнечном сплетении. Начало формироваться смутное воспоминание о женщине-нагваль. Я попросил Горду продолжать говорить, пусть даже повторять одно и то же, если ей нечего будет сказать, но не останавливаться. Звук ее голоса, казалось, действовал на меня как проводник в другое измерение, в другой вид времени. Как будто кровь бежала по моим жилам с необычайным давлением. Я почувствовал покалывание со всех сторон, а затем возникло странное воспоминание тела. Я знал в своем теле что женщина-нагваль была тем существом, которое

сделало нагвалю цельным. Она принесла нагвалю мир, удовлетворенность, чувство защищенности, освобожденности.

Я сказал Горде, что у меня было откровение, что женщина-нагваль являлась партнером нагваля. Горда взглянула на меня изумленно. Она медленно покачала из стороны в сторону головой.

— Она никак не связана с нагвалем Хуаном Матусом, идиот, — сказала она чрезвычайно авторитетным тоном. — она была для тебя. Вот почему мы оба принадлежали ей.

Мы с Гордой устали друг на друга. Я был уверен, что она невольно произносит те мысли, которые рационально для нее ничего не значат.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что она была для меня, Горда? — спросил я после долгого молчания. — она была твоим партнером, — сказала она. — вдвоем вы были единой парой. А я была ее подопечной. И она доверила тебе передать меня ей однажды.

Я просил Горду рассказать мне все, что она знает, но она, казалось, не знала ничего больше. Я чувствовал себя измотанным.

— Куда она делась? — высказала внезапно Горда. — я просто не могу себе представить этого. Она была с тобой, а не с нагвалем. Она должна была бы быть сейчас с нами.

Потом у нее был еще один приступ неверия и страха. Она обвиняла меня, что я скрываю женщину-нагваль в Лос-анжелесе. Я пытался снять ее тревогу. Я сам себе удивлялся, что разговариваю с Гордой, как с ребенком. Она слушала меня со всеми внешними признаками внимания, однако глаза ее были пустыми, не в фокусе. Тогда мне стало ясно, что она использует звук моего голоса точно так же, как я использовал звук ее голоса, — как проводник. Я знал, что и она осознает это. Я продолжал говорить, пока не исчерпал все в границах нашей темы. Тут еще что-то произошло, и я оказался наполовину прислушивающимся к звуку собственного голоса. Я говорил, обращаясь к Горде, без всякого волевого усилия с моей стороны.

Слова, которые были, казалось, запечатаны внутри меня, а теперь освободились, достигли небывалого уровня абсурдности. Я говорил и говорил, пока что-то не остановило меня. Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне и женщине-нагваль на скамейке в Оаксаке об особом человеческом существе, чья сущность объединяет для него все, на что он только мог бы рассчитывать и чего ожидать в человеческом сотрудничестве. Эта была женщина, которая для него была тем же, чем женщина-нагваль была для меня, — партнером, противоположной частью. Она покинула его, точно так же, как меня покинула женщина-нагваль. Его чувства по отношению к ней были неизменными и поднимались на поверхность от меланхолии некоторых стихов, которые я читал ему.

Я вспомнил также, что именно женщина-нагваль снабжала и меня обычно книгами стихов. Она держала их целыми пачками в багажнике своей машины. Именно она побудила меня читать стихи дону Хуану. Внезапно физическая память о женщине-нагваль, сидящей со мной на скамейке, стала такой ясной, что я непроизвольно ахнул и задохнулся. Давящее чувство утраты, более сильное, чем любое чувство, которое когда-либо у меня было, овладело мной. Я согнулся с разрывающей болью в правой лопатке. Было еще что-то, что я знал, — воспоминание, которое какая-то часть меня не хотела открыть.

Я занялся тем, что осталось от моего интеллектуального щита, как единственным средством вернуть свое здравомыслие. Я повторял себе вновь и вновь, что мы с Гордой все время действовали на двух совершенно различных планах. Она помнила намного больше, чем я, но она не была склонна к выяснениям. Она не обучалась задавать вопросы другим или себе. Но затем мне в голову пришла мысль, что и сам я не лучше. Я все еще был той же размазней, как и тогда, когда дон Хуан впервые назвал меня так. Я никогда не забывал, что читал стихи дону Хуану, однако мне ни разу не пришлось в голову проверить тот факт, что у меня никогда не было книги испанской поэзии и что я никогда не возил в машине таких книг.

Горда вывела меня из моих размышлений. Она была почти в истерике. Она кричала, что ей только что стало ясно, что женщина-нагваль должна быть где-то очень близко от нас. Точно так же, как мы были оставлены, чтобы найти друг друга, женщина-нагваль была оставлена чтобы найти нас. Сила ее рассуждений почти убедила меня, но тем не менее что-то во мне знало, что это не так. Это была та память, которая находилась внутри меня и которую я не смел вывести на поверхность.

Я хотел начать с Гордой спор, но не было смысла, так как мой щит интеллекта и слов был недостаточен для того, чтобы принять на себя напор воспоминаний о женщине-нагваль. Их эффект был потрясающим для меня и даже более опустошающим, чем даже страх смерти.

— Женщина-нагваль потерпела где-то кораблекрушение, — покорно сказала Горда. — она, вероятно, на необитаемом острове, а мы ничего не делаем, чтобы помочь ей.

— Нет! Нет! — заорал я. — Ее здесь больше нет.

Я не знал в точности, почему я так сказал, но я знал, что это правда. На минуту мы погрузились в такие глубины меланхолии, которые было невозможно измерить рассудком. В

первый раз на своей памяти я знал, чувствовал искреннюю, безграничную печаль, ужасную незавершенность. Где-то внутри меня была женщина, которая была заново открыта.

На этот раз я не мог спрятаться, как делал множество раз в прошлом, за покрывалом загадки и незнания. Не знать для меня было избавлением. Какое-то время я без надежды соскальзывал в растерянность. Горда остановила меня.

— Воин — это тот, кто ищет свободу, — сказала она мне. — печаль — это не свобода. Мы должны освободиться от нее.

Иметь чувство отрешенности, говорил дон Хуан, — значит иметь на мгновение паузу для переоценки ситуации.

В глубинах своей печали я понял, что имел в виду он. Я имел отрешенность. В моей власти было использовать эту паузу правильно.

Я не мог быть уверен, сыграло ли здесь какую-нибудь роль мое волевое усилие, но моя печаль совершенно внезапно исчезла. Казалось, что она и не существовала никогда.

Скорость изменения моего настроения и полнота этого изменения встревожили меня.

— Вот теперь ты там же, где и я, — воскликнула Горда, когда я описал ей то, что произошло. — после стольких лет я еще не научилась обращаться с бесформенностью. Я беспомощно перемещаюсь мгновенно от одного чувства к другому. Из-за своей бесформенности я могу помочь сестренкам, но я тоже в их власти. Любая из них достаточно сильна, чтобы толкнуть меня из одной крайности в другую. Проблема была в том, что я потеряла свою человеческую форму раньше, чем ты. Если бы мы с тобой потеряли ее одновременно, то могли бы помогать друг другу, ну а в той ситуации я переходила то вверх то вниз быстрее, чем могла запомнить.

Я должен признаться, что ее слова о собственной бесформенности всегда были сомнительным для меня. В моем понимании потеря человеческой формы влекла за собой и необходимое следствие — постоянство характера, что в свете ее эмоциональных подъемов и спадов было вне ее возможности. Из-за этого я судил ее резко и несправедливо.

Потеряв свою человеческую форму, я теперь находился в таком положении, когда мог понять, что бесформенность является по крайней мере разрушителем трезвости и здравомыслия. Здесь не участвует никакая автоматическая эмоциональная сила. Быть отрешенным, способным погружаться во все, что делаешь — эта способность естественно охватывает все, что делаешь, включая и непостоянство и даже самую мелочность.

Преимущество бесформенности в том, что она дает нам паузу на мгновение, при условии, что мы имеем самодисциплину и мужество, необходимые, чтобы воспользоваться ею.

Наконец-то поведение Горды в прошлом стало для меня понятным. Она была уже несколько лет бесформенна, но не имела необходимой самодисциплины, поэтому она оказывалась во власти резких перепадов настроения и невероятного несоответствия между ее поступками и задачами.

После наших первоначальных воспоминаний о женщинынагваль мы с Гордой объединили усилия и целыми днями пытались вывести наружу еще какие-либо воспоминания, но их, казалось, больше не было. Сам я оказался опять там же, откуда я начал вспоминать. Я догадывался, что во мне, вероятно, похоронено еще очень многое, но не мог до этого добраться. Мой ум был свободен даже от самых смутных намеков на какие-либо другие воспоминания.

Мы с Гордой прошли через период ужасного смущения и сомнений.

В нашем случае быть бесформенным означало подвергнуться приступам самого глубокого неверия, какое только возможно.

Мы чувствовали себя морскими свинками в руках дона Хуана, — существа, предположительно похожего на нас, но о котором мы в действительности ничего не знали. Мы накачивали друг друга сомнениями и страхами. Самой серьезной темой была, конечно, женщина-нагваль.

Когда мы фокусировали на ней свое внимание, наша память о ней становилась настолько четкой, что мы не могли представить себе, как смогли забыть ее.

Это вновь и вновь вызывало рассуждения о том, что же в действительности сделал с нами дон Хуан. Эти предположения очень легко приводили нас к чувству, что мы были использованы. Мы приходили в ярость от неизбежного вывода, что он нами манипулировал, оставив затем беспомощными и неизвестными самим себе.

Когда выдохлась наша ярость, нас начал охватывать страх, потому что мы были лицом к лицу с пугающей возможностью того, что дон Хуан мог сделать с нами и куда более разрушительные вещи.

7. СОВМЕСТНОЕ СНОВИДЕНИЕ

Однажды, чтобы сразу рассеять наше тяжелое настроение, я предложил заняться сновидением. Как только я произнес свое предложение, я осознал, что тот мрак который

целыми днями преследовал меня, может быть резко отброшен желанием перемены. Я отчетливо понял, что наша с Гордой проблема состояла в том, что мы необдуманно сфокусировали свое внимание на страхе и недоверии, как если бы это были единственно возможные для нас мнения, хотя мы все время имели, не осознавая этого, возможность сконцентрировать свое внимание на противоположном, на той загадке, на том чуде, которое с нами произошло.

Я рассказал Горде о своих соображениях. Она сразу согласилась со мной. Она тотчас стала оживленной, туча ее хандры рассеялась в какие-то секунды.

— Какого рода сновидениями ты предлагаешь нам заняться? — спросила она.

— А сколько родов их есть? — спросил я.

— Мы можем попробовать совместное сновидение, — ответила она. — мое тело говорит что мы уже делали его раньше. Мы уходили в сновидение парой. Это будет для нас страховкой, как было в совместном видении.

— Но ведь мы не знаем, какова процедура совместного сновидения, — сказал я.

— Мы не знали, как видеть совместно, и, однако, видели, — сказала она. — я уверена что мы сможем сделать и это, если попробуем, потому что во всем, что делает воин нет ступеней. Есть только личная сила, и как раз сейчас она у нас имеется. Мы должны начать наше сновидение в двух различных точках, отстоящих одна от другой настолько далеко, насколько возможно. Тот, кто войдет в сновидение первым, подождет другого. Как только мы отыщем друг друга, мы сцепим наши руки и отправимся глубже вместе.

Я сказал ей, что не имею ни малейшего представления, как ждать ее, если я войду в сновидение раньше ее. Она и сама не могла объяснить всего этого, но сказала, что ждать другого сновидящего означает то, что Жозефина называла "схватить" его. Горда была дважды схвачена Жозефиной. — Жозефина называла это схватыванием, потому что один из нас должен ухватить другого за руку, — объяснила она.

Затем она показала процедуру смыкания ее левого предплечья с моим правым, когда каждый берет другого за руку ниже локтя.

— Но как мы сможем это сделать в сновидении? — спросил я. Я лично считал сновидение одним из самых личных дел, какие только можно вообразить.

— Не знаю, как, но я тебя ухвачу, — сказала Горда. — я полагаю, что мое тело знает, как это сделать. Но чем больше мы об этом разговариваем, тем труднее, кажется, это будет сделать.

Мы начали наши сновидения в разных местах. Мы могли договориться только о времени, когда ляжем в постель, поскольку вход в сновидение — это нечто такое, что нельзя было рассчитать точно по часам.

Возможность того, что именно мне придется ждать Горду, а не ей меня, сильно беспокоила меня, и я не мог войти в сновидение с обычной легкостью. Через 10-15 минут беспокойства мне удалось наконец, войти в состояние, которое я называю «спокойное бодрствование».

Несколько лет назад, когда я достиг определенной степени опытности в сновидениях, я спросил дон Хуана, есть ли тут какие-то известные ступени, которые были бы общими для всех нас. Он сказал, что при конечном анализе каждый сновидящий отличается от всех, но разговаривая с Гордой, я открыл такое сходство в нашем опыте, что набросал возможную классификационную схему различных состояний.

Спокойное бодрствование — предварительное состояние, когда чувства засыпают, но еще все осознается. В моем случае я всегда воспринимал в этом состоянии поток красноватого света — примерно такого света, какой видишь, когда через плотно закрытые веки смотришь на солнце.

Второе состояние сновидения я назвал динамичное бодрствование. В этом случае красноватый свет рассеивается, как туман, и смотришь на какую-нибудь сцену вроде табло, так как сцена эта неподвижна. Видишь трехмерную картину. Застывший кусочек чего-то, пейзаж, улицу, дом, человека, лицо, — все, что угодно.

Третье состояние я назвал пассивное присутствие. В этом состоянии сновидящий уже не смотрит на застывшие осколки мира, но наблюдает, являясь свидетелем, как событие происходит, как будто главенство наших зрительных и слуховых органов чувств делает эту картину главным образом делом глаз и ушей.

Четвертое состояние — это уже то, в котором я оказываюсь втянутым в действие. Здесь уже что-то предпринимаешь, делаешь какие-то шаги и используешь свое время полностью. Я назвал это состояние динамическая инициатива.

Предложение Горды подождать меня было связано со вторым и третьим состоянием. Когда я вошел во второе состояние — динамическое бодрствование, — я увидел сцену сновидения, где находились дон Хуан и другие люди, включая жирную Горду. Прежде чем я успел хотя бы разобраться в том, что вижу, я ощутил сильнейший рывок за руку и сообразил, что рядом со мной находится «реальная Горда». Она была от меня слева и схватила мое правое предплечье своей левой рукой; я ясно ощутил, как она подняла мою руку к своему предплечью, чтобы мы

могли держать друг друга за предплечья. Потом я оказался в третьем состоянии сновидения — в пассивном присутствии. Дон Хуан говорил мне, чтобы я смотрел за Гордой и заботился о ней самым эгоистичным образом, — будто она является мной самим. Его игра словами доставляла мне удовольствие.

Я чувствовал неземное блаженство, находясь здесь вместе с ним и другими. Дон Хуан продолжал объяснять, что мой эгоизм может быть прекрасно использован и что запрячь его в работу вполне возможно.

Общее чувство товарищества царило среди всех собравшихся здесь людей. Они смеялись тому, что говорил дон Хуан мне, но не высмеивали.

Дон Хуан сказал, что самый верный способ запрячь наш эгоизм в работу, — это использовать ту деятельность, которой мы занимаемся в нашей повседневной жизни. Он сказал, что я был эффективен во всем, что делал, потому что некому было изгонять из меня беса и что у меня не вызывало сомнений взлетать, подобно стреле, самостоятельно. Однако если мне дать задачу, подобную заботе о Горде, моя независимая эффективность разлетится вдребезги и для того чтобы выжить, мне придется расширить свою эгоистическую заботу о самом себе настолько, чтобы включить туда и Горду. Только через помощь ей, сказал дон Хуан сильно подчеркивая это своим тоном, я смогу найти ключи к выполнению моей собственной задачи.

Горда обхватила меня за шею своими толстыми руками. Дон Хуан был вынужден остановиться: он так смеялся, что не мог продолжать говорить. Все они валились от хохота.

Я чувствовал раздражение и недовольство Гордой. Я попытался освободиться от ее объятий, но ее руки были крепко сомкнуты у меня на шее. Дон Хуан сделал мне знак рукой, чтобы остановить меня. Он сказал, что то минимальное раздражение, которое я испытываю, — ничто по сравнению с тем, что еще ждет меня.

Смех утихал. Я чувствовал себя счастливым, хотя и огорчился из-за того, что придется иметь дело с Гордой, так как я не знал, что это за собой повлечет.

В этот момент в моем сновидении я изменил точку зрения или вернее что-то выдернуло меня из сцены, и я стал смотреть вокруг, как зритель.

Мы находились в доме в северной мексике, как я мог определить по окружающему, которое было частично видно с того места, где я стоял.

Я мог видеть отдаленные горы. Я вспомнил также обстановку дома и его расположение. Мы находились под крышей на открытой веранде, некоторые из присутствующих сидели на громоздких стульях, однако большинство или стояли или сидели на полу. Я узнавал каждого из них. Там было 16 человек. Горда стояла рядом со мной лицом к дону Хуану.

Тут я осознал, что могу иметь одновременно два различных чувства: я мог или войти в сцену сновидения и чувствовать, что повторяю давно потерянное переживание, или же я мог быть свидетелем сцены, сохраняя настроение моей теперешней жизни. Когда я погружался в сцену сновидения, то чувствовал себя в безопасности и под защитой. Когда я был ее свидетелем, сохраняя свое настроение этого времени,

Я чувствовал себя потерянным, беззащитным, встревоженным. Мне это мое настроение не нравилось, поэтому я нырнул в сцену сновидения.

Жирная Горда спросила дону Хуана голосом, который перекрывал смех всех и каждого, буду ли я ее мужем. Последовала тишина на секунду. Дон Хуан, казалось, рассчитывал, что сказать. Он погладил ее по голове и сказал, что может поговорить со мной и что я буду в восторге от возможности стать ее мужем. Все присутствующие хохотали. Я смеялся вместе с ними. Мое тело сотрясало от самого искреннего удовольствия, однако я не чувствовал себя смеющимся над Гордой. Я не считал ее ни клоуном, ни душой. Она была ребенком. Дон Хуан повернулся ко мне и сказал, что я должен чтить Горду независимо от того, что она станет делать по отношению ко мне, и что я должен через взаимодействие с нею выучить мое тело чувствовать себя легко и свободно в самых трудных обстоятельствах. Дон Хуан обратился ко всей группе и сказал, что намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть неуязвимым в обычных обстоятельствах, таких, как взаимодействие с кем-либо вроде Горды. Он добавил, что я не должен ни при каких условиях сердиться на Горду, потому что она будет моим бенефактором на самом деле, ибо только через нее я смогу запрячь в работу мой эгоизм.

Я настолько глубоко погрузился в сцену сновидения, что забыл о том, что я — сновидящий. Внезапное давление на руку напомнило мне, что я в сновидении.

Я почувствовал присутствие Горды рядом с собой, но не видел ее. Она была тут только как прикосновение, тактильное ощущение на моем предплечье. Я перевел на него свое внимание, и это ощущение стало чувствоваться как хорошая хватка, а затем и вся Горда материализовалась целиком, как если бы она была сделана из наложенных друг на друга кадров фотопленки. Это было чем-то вроде комбинированных съемок в кино. Сцена сновидения растворилась. Вместо этого мы с Гордой смотрели друг на друга, взяв друг друга за руки.

Одновременно мы опять повернулись к сцене сновидения, свидетелями которой мы были.

В этот момент я знал без всякой тени сомнения, что мы оба видим одно и то же. Теперь дон Хуан говорил что-то Горде, но я не мог его слышать. Мое внимание скакало туда-сюда между третьим состоянием сновидения, пассивным присутствием, и вторым — динамичным бодрствованием. На какой-то момент я оказывался с доном Хуаном, Гордой и другими 16 людьми, а уже в следующую секунду я оказывался с сегодняшней Гордой, наблюдавшей застывшую сцену. Затем резкий рывок моего тела перевел меня на другой уровень внимания: я ощутил что-то как хруст кусочка сухого дерева. Это был маленький взрыв, но походил он на щелканье сустава пальца. Я оказался в первом состоянии сновидения — спокойном бодрствовании. Я спал, но в то же время все прекрасно осознавал. Я хотел остаться на этой мирной стадии подольше, но еще один рывок заставил меня проснуться моментально. Я внезапно осознал, что мы с Гордой были в совместном сновидении.

Мне очень не терпелось с ней поговорить. Она чувствовала то же самое. Мы бросились разговаривать друг с другом. Когда мы успокоились, я попросил ее описать мне все, что произошло с ней в нашем совместном сновидении.

— Я тебя очень долго ждала, — сказала она. — какая-то часть во мне думала, что я тебя пропустила, но другая часть думала, что ты нервничаешь и у тебя затруднения, поэтому я ждала.

— Где ты ждала, Горда? — спросил я.

— Я не знаю, — ответила она. — я знаю, что уже вышла из красноватого света, но я ничего не могла видеть. Тут задумаешься — я ничего не видела, я ощупывала дорогу кругом, а возможно, я еще была в красноватом свете, хотя нет, он не был красноватый. Место, где я находилась, было окрашено в светло-персиковый цвет. Затем я открыла глаза, и там был ты. Ты, казалось, готов был уйти, поэтому я схватила тебя за руку. Затем я посмотрела и увидела нагваля Хуана Матуса, тебя, меня и других людей в доме Висенте. Ты был моложе, а я была жирная.

Упоминание о доме Висенте навело меня внезапно на мысль, о которой я и рассказал Горде. Однажды, когда я проезжал через Закатекас в Северной Мексике, у меня появилось странное желание заехать и навестить одного из друзей дона Хуана, Висенте. При этом я не понимал, что, поступая так, я бездумно врываюсь в другую область, так как дон Хуан никогда не знакомил меня с ним. Висенте, как и женщина-нагваль, принадлежали другому миру. Не удивительно, что Горда была так потрясена, когда я рассказал ей о моем визите. Мы знали его очень хорошо, он был так же близок к нам, как дон Хенаро, а возможно, даже ближе, и тем не менее мы забыли его, так же как забыли женщину-нагваль.

Здесь мы с Гордой сразу сделали огромный шаг назад в воспоминании. Мы вспомнили вместе, что Хенаро, Висенте и Сильвио Мануэль были друзьями дона Хуана, его когортой. Они все были связаны между собой своего рода обетом. Мы с Гордой не могли припомнить, в чем именно состояла эта связь. Висенте не был индейцем. В молодости он был фармацевтом. Он был ученым группы и настоящим лекарем, который поддерживал всех их всегда здоровыми. У него была страсть к ботанике. Я был без всяких сомнений убежден, что он знает о растениях больше, чем любой из ныне живущих людей.

Мы с Гордой вспоминали, что именно Висенте обучил всех, в том числе и дона Хуана, пользоваться лекарственными растениями. Он особенно интересовался Нестором, и мы все считали, что Нестор будет похож на него.

— Воспоминание о Висенте заставляет меня задуматься о самой себе, — сказала Горда. — это наводит меня на мысль о том, какой невыносимой женщиной я была. Самое плохое, что может произойти с женщиной, — это иметь детей, иметь дыры в своем теле, и все же действовать, как маленькая девочка. В этом и была моя проблема: я хотела быть умной, но была пустышкой. И мне позволяли строить из себя дуру, помогали мне быть ишачьим хвостом.

— Кто, Горда, — спросил я.

— Нагваль и Висенте и все эти люди, которые были в доме, когда я вела себя с тобой такой ослицей.

Мы с Гордой вспомнили одновременно, что ей позволяли быть несносной только со мной. Больше никто не поддерживал ее чепухи, хотя она и пыталась отыгаться на каждом. — Висенте принимал меня, — сказала Горда. — он все время играл со мной. Я даже звала его дядей. Когда я попыталась назвать дядей Сильвио Мануэля, он чуть не сорвал у меня кожу с запястий своими клещеподобными руками.

Мы попытались сфокусировать наше внимание на Сильвио Мануэле, но не могли вспомнить, как он выглядел. Мы могли ощущать его присутствие в своих воспоминаниях, но он не был в них личностью, — он был только ощущением.

Насколько это касалось сцены сновидения, мы помнили, что она была точной копией того, что действительно имело место в нашей жизни в определенном месте и в определенное время, однако мы все еще не могли вспомнить, когда именно. Но я знал, что принял заботы о Горде, как средство самовоспитания и подготовки к трудностям взаимодействия с людьми.

Совершенно необходимо было воспитать в себе чувство легкости при столкновении с социальными ситуациями, а здесь никто не мог быть лучшим тренером, чем Горда. Те проблески памяти, которые у меня возникали о жирной Горде, появлялись именно из этих обстоятельств, так как я буквально последовал указаниям дон Хуана.

Горда сказала, что ей понравилось настроение сцены сновидения. Она бы предпочла просто следить за ней, но я втащил ее внутрь сцены, заставив переживать свои старые чувства, которые были отвратительны для нее. Ее неудобство было так велико, что она намеренно потащила меня за руку, чтобы заставить закончить наше участие в чем-либо, столь неприятном для нее.

На следующий день мы договорились о времени следующего сеанса совместного сновидения. Она начала его из своей спальни, а я из своего кабинета, но ничего не произошло. Мы выдохлись уже от попыток войти в сновидение.

Целыми неделями после этого мы тщетно пытались достичь эффективности нашего первого опыта. С каждой неудачей мы становились ожесточеннее и упорнее.

Перед лицом наших неудач я решил, что нам следует на некоторое время отказаться от совместного сновидения и пока подробней рассмотреть сам процесс сновидения и проанализировать его концепции и процедуры.

Горда сначала не согласилась со мной. Для нее идея обзора всего того что мы знаем о сновидении, была как бы еще одним способом сложить руки и сдаться. Она предпочитала продолжать попытки, даже если мы и не добьемся успеха. Я настаивал, и она в конце концов приняла мою точку зрения просто из чувства растерянности.

Однажды вечером мы уселись и так подробно, как только могли, стали обсуждать все, что мы знали о сновидении. Быстро выяснилось, что здесь есть несколько ключевых тем, которым дон Хуан придавал особое значение. Прежде всего — это сам акт сновидения. Он, видимо, начинался как совсем особое состояние опознавания, к которому приходишь, фокусируя остаток сознания, который еще имеешь во сне на отдельных чертах или элементах сна. Остаток сознания, который дон Хуан называл «вторым вниманием», вводился в действие или включался в работу через упражнение «не-делания». Мы считали, что существенной помощью сновидению было состояние умственного покоя, который дон Хуан называл «остановкой внутреннего диалога», или «неделания разговора с самим собой».

Чтобы научить меня выполнять его, он обычно заставлял меня проходить целые мили с глазами, фиксированными неподвижно и сфокусированными на уровне чуть выше горизонта, что усиливало периферическое зрение. Его метод был эффективен сразу в двух направлениях: он позволил мне остановить свой внутренний диалог после многих лет попыток и он тренировал мое внимание. Заставляя меня концентрировать внимание на периферии поля зрения, дон Хуан усиливал мою способность концентрироваться в течение долгого времени на одной какой-либо деятельности.

Позднее, когда я добился успеха в контролировании внимания и мог часами заниматься какой-либо нудной работой, не отвлекаясь, на что раньше никогда не был способен, он сказал мне, что наилучшим способом войти в сновидение было концентрироваться на кончике грудины — на верхней грани живота. Он сказал, что энергия, нужная для сновидения, исходит из этой точки, а та энергия, которая нужна, чтобы двигаться и искать в сновидении, исходит из области, расположенной на 2-3 см ниже пупка. Он назвал эту энергию волей или силой выбирать и собирать воедино. У женщин как внимание, так и энергия для сновидения исходят из матки.

— Сновидение женщины должно исходить из ее матки, потому что это ее центр, сказала Горда. — мне для того, чтобы начать сновидение или прекратить его, нужно всего лишь сконцентрировать внимание на моей матке. Я научилась чувствовать ее внутреннюю поверхность. Я вижу красноватое сияние и тут же выхожу.

— Сколько времени тебе требуется на то, чтобы увидеть красноватое сияние? Спросил я.

— Несколько секунд. В ту секунду, когда мое внимание окажется на моей матке, я уже в сновидении, — продолжала она. — я никогда не мучаюсь — обычно не мучаюсь. С женщинами всегда так. Самое трудное для женщины — это понять, как начать. Мне потребовалось два года, чтобы прекратить внутренний диалог и сконцентрироваться на матке. Возможно, поэтому женщина всегда нуждается в ком-то, кто бы направлял ее.

— Нагваль Хуан Матус клал мне на живот холодные мокрые речные камешки, чтобы я почувствовала эту точку, или клал на эту точку грузик. У меня было свинцовое грузило, которое он дал мне. Он заставлял меня закрывать глаза и концентрировать внимание на той точке, где находится груз. Я каждый раз засыпала, но это его не заботило. Фактически, не имеет значения, что делаешь, до тех пор, пока внимание сконцентрировано на матке. В конце концов я научилась концентрироваться на этой точке, не нагружая ее свинцом.

Однажды я самостоятельно вошла в сновидение. Я чувствовала свой живот в том месте, где нагваль так часто клал грузик, когда внезапно я заснула, как обычно, но только при этом что-

то толкнуло меня в матку. Я увидела красноватое сияние, а затем совершенно изумительный сон, но как только я попыталась пересказать его нагвалю, я поняла, что это не был обычный сон. Я не могла объяснить ему, что это был за сон, — я просто чувствовала себя очень счастливой и сильной. Он сказал, что это было сновидение.

С этих пор он никогда не клал на меня грузик. Он позволял мне заниматься сновидением и не вмешивался. Время от времени он просил меня рассказать ему об этом и затем давал указания. Вот таким образом должно проводиться обучение сновидению.

Горда сказала, что по словам дона Хуана облегчить сновидение могло что угодно, как и неделание, при условии, что внимание будет удерживаться фиксированным. Например, он заставлял ее и других учеников пристально смотреть на листья и камни и поддерживал Паблито, когда тот захотел сконструировать свое собственное устройство для неделания.

Паблито начал с неделания ходьбы назад. Он двигался, бросая короткие взгляды через плечо, чтобы видеть тропу и избегать препятствий на ней. Я подал ему идею использовать зеркальце заднего обзора, а он развил ее в целую конструкцию из деревянного шлема с придатками, на которых были укреплены два маленьких зеркальца примерно в 15 см от его лица и в 5 см ниже уровня его глаз. Два зеркальца не мешали ему смотреть вперед, а благодаря боковому углу, под которым они были установлены, они охватывали все пространство позади него. Паблито хвастал, что имеет полный круговой обзор мира. При помощи этого сооружения он мог идти назад на любое расстояние и в течение любого времени.

Поза, которую принимаешь для сновидения, тоже была очень важной темой.

— Не знаю, почему нагваль не говорил мне с самого начала, — сказала Горда, что лучшей позой для женщины, чтобы начать сновидение — это сесть со скрещенными ногами, а затем дать телу упасть, как оно и сделает, если внимание будет на сновидении.

Нагваль сказал мне об этом, наверное, через год после того, как я начала. Теперь я секунду сижу в этом положении, затем ощущаю свою матку, — и я уже в сновидении.

В самом начале я делал сновидение, как и Горда, лежа на спине, пока однажды дон Хуан не сказал мне, что я добьюсь лучших результатов, если буду сидеть на тонкой мягкой циновке, сложив ступни ног одна к другой и положив бедра так, чтобы они касались циновки. Он указал, что поскольку у меня гибкие тазобедренные суставы, я должен развить их полностью, ставя себе задачей, чтобы мои бедра полностью прилегали к циновке. Он добавил, что если я буду входить в сновидение в таком сидячем положении, мое тело не соскользнет и не упадет в сторону, а туловище наклонится вперед и лоб уляжется на ступни ног.

Другой очень важной темой было время, когда следует проводить сновидение. Дон Хуан говорил нам, что поздний вечер и раннее утро наиболее благоприятны для этого. Причина, по которой он предпочитал именно эти часы, крылась в том, что он называл практическим применением знания магов. Он сказал, что поскольку заниматься сновидениями приходится в окружении людей, следует выбирать наилучшие условия для уединения и отсутствия вмешательства. Вмешательство, которое он имел в виду, было связано с вниманием людей, а не с их физическим присутствием. По словам дона Хуана, бессмысленно уходить из мира и прятаться, потому что если даже человек совсем один в изолированном пустынном месте, вмешательство людей все равно существует, потому что невозможно отключить их первое внимание. В зависимости от местности, в часы, когда большинство людей спит, возможно отвести часть этого внимания на короткий отрезок времени. Именно в эти часы первое внимание окружающих спит.

Это вело к его описанию второго внимания. Дон Хуан объяснил нам, что то внимание, которое необходимо в начале сновидения, должно быть насильно остановлено на определенной детали сна. Только путем обездвиживания нашего внимания возможно превратить обычный сон в сновидение.

Далее он объяснил, что в сновидении приходится пользоваться теми же механизмами внимания, что и в повседневной жизни; наше первое внимание выучено с большей силой фокусироваться на деталях мира для того, чтобы превратить аморфное и хаотическое чувство восприятия в упорядоченный мир сознания.

Дон Хуан сказал нам также, что второе внимание выполняло функции приманки, притягивающей шансы. Чем более им пользуются, тем больше вероятность достичь желаемого результата. Но это была также и функция внимания вообще, — функция, принимаемая настолько как само собой разумеющееся в нашей повседневной жизни, что ее перестали замечать вообще. Если мы сталкиваемся со счастливой удачей, то мы говорим о ней как о случае или совпадении, а не в том смысле, что это наше внимание указало нам на событие.

Наше обсуждение второго внимания подготовило почву для другой ключевой темы — тела сновидения.

В целях руководства Гордой дон Хуан дал ей задачу: постепенно и неуклонно мобилизовать свое второе внимание на компоненты ощущения полета в сновидении.

— Как ты училась летать в сновидении? — спросил я ее. — тебя кто-нибудь учил?

— Нагваль Хуан Матус учил меня здесь, на этой земле, — ответила она. — и в сновидении кто-то, когда я ничего не могла увидеть, учил меня. Это был только голос, говорящий мне, что надо делать. Нагваль дал мне задачу научиться летать в сновидении, а голос учил меня, как это делать. Затем у меня ушли годы на то, чтобы научиться переходить из обычного тела, которое можно потрогать, в мое тело сновидения.

— Ты должна мне это объяснить, Горда, — сказал я.

— Ты учился входить в свое тело сновидения, когда ты видел в сновидении, что выходишь из своего тела, но насколько я могу видеть, нагваль не дал тебе никакой специальной задачи, поэтому ты отправлялся по любой из знакомых дорожек, по какой только мог. Я, с другой стороны, имела задачу использовать свое тело сновидений. Сестрички имели такую же задачу.

В моем сне я однажды видела себя, летающей, подобно воздушному змею. Я рассказала об этом нагвалю, так как мне понравилось ощущение скольжения. Он воспринял это очень серьезно и превратил в задачу. Он сказал, что как только выучиваешься сновидению, любой сон, который можешь запомнить, уже не является сном, это сновидение.

Тогда я стала стараться летать в сновидении, но я не могла его создать. Чем больше я старалась воздействовать на свое сновидение, тем труднее это становилось. Нагваль в конце концов сказал, чтобы я перестала пытаться и позволила ему придти самому по себе. Постепенно я начала летать в сновидениях. Именно тогда какой-то голос стал говорить мне, что надо делать. Это был женский голос, как я всегда чувствовала.

Когда я научилась летать в совершенстве, нагваль сказал мне, что каждое движение полета, которому я научилась в сновидении, я должна повторить наяву. У тебя была такая же возможность, когда саблезубый тигр учил тебя дышать, но ты никогда не превращался в тигра в сновидении, поэтому ты не мог правильно пытаться делать это и тогда, когда бодрствовал. Ну а я научилась летать в сновидении. Сдвигая свое внимание в тело сновидения, я могла летать, как воздушный змей, и тогда, когда бодрствовала. Я однажды показала тебе, как я летаю, потому что хотела, чтобы ты увидел, что я научилась пользоваться своим телом сновидения. Но ты не знал, что происходит.

Она имела в виду тот раз, когда она напугала меня невообразимым действием реального колыхания в воздухе подобно воздушному змею. Это событие настолько далеко выходило за рамки моего понимания, что я не мог даже начать обдумывать его хоть сколько-нибудь логично. Как всегда, когда я сталкивался с подобными вещами, я относил их в аморфную категорию «ощущений в условиях сильного стресса». Я держался мнения, что в условиях сильного стресса восприятие очень сильно искажается органами чувств. Мое объяснение ничего не объясняло, но, казалось, удерживало мой рассудок в умиротворенном состоянии.

Я сказал Горде, что тут должно быть еще и многое другое, помимо простого повторения летательных движений, — в том, что она называла своим смещением в тело сновидений.

Прежде, чем ответить, она немного подумала.

— Я полагаю, нагваль тебе тоже говорил, — сказала она, — что единственное, что на самом деле имеет значение в таком смещении, — это закрепление второго внимания. Нагваль говорил, что именно это внимание создает мир. Он был, конечно, абсолютно прав. У него были причины так говорить. Он был мастером внимания. Я думаю, что он сознательно оставил мне задачу самой найти, что все, что требуется мне, чтобы переместиться в мое тело сновидения, — это сфокусировать мое внимание на акте полета. Что здесь важно, так это накапливать внимание в сновидении, чтобы наблюдать за всем, что делаешь во время полета. Это был единственный способ ухаживать за вторым вниманием. Как только оно окрепнет, стоит лишь чуть-чуть сфокусировать его на деталях полета, и чувство полета усиливает сновидение полета, пока для меня не стало обыденным «сновидеть», что я парю в воздухе.

Таким образом, в деле полета мое второе внимание было обострено. Когда нагваль дал мне задачу перемещаться в тело сновидения, он имел в виду, чтобы я включила свое второе внимание, бодрствуя. Так я это понимаю. Первое внимание, — внимание которое создает мир, никогда нельзя преодолеть полностью. Оно лишь может на секунду быть выключено и замещено вторым вниманием, при условии, что тело уже накопило его в достаточном количестве. Искусство сновидения является, естественно, путем накопления второго внимания, поэтому можно сказать, что для перемещения в свое тело сновидения в бодрствующем состоянии следует практиковать сновидение, пока оно у тебя из ушей не польется.

— Можешь ли ты в любое время, когда захочешь, попадать в свое тело сновидений? — спросил я.

— Нет, это не так просто, — ответила она. — я научилась повторять движения и ощущения полета в бодрствующем состоянии, но я все же не могу летать всегда, когда пожелаю всегда существует барьер для моего тела сновидений. Иногда я чувствую, что барьер снят. Мое тело в это время свободно, и я могу летать, как если бы я была в сновидении.

Я сказал ей, что в моем случае дон Хуан дал мне три задачи для тренировки моего второго внимания. Первая состояла в том, чтобы находить в сновидении свои руки. Затем он

рекомендовал мне выбрать место и сфокусировать мое внимание на нем, а затем проделать «дневное сновидение» и посмотреть, смогу ли я в действительности попасть туда. Он предложил, чтобы я помещал в таком месте кого-нибудь, кого я знаю, предпочтительно женщину, преследуя две цели: во-первых

Отметить слабые изменения, которые могут указать на то, что я действительно был там в сновидении, и, во-вторых, найти ту незаметную деталь, которая окажется как раз тем, на что настраивается мое второе внимание.

Наиболее серьезной проблемой, с которой встретится в этом аспекте сновидящий, является неуклонная фиксация его второго внимания на такой детали, которая всегда останется незамеченной вниманием повседневной жизни, создавая таким образом почти непреодолимое препятствие для оценки. То, что ищешь в сновидении, оказывается совсем не тем, чему уделяешь внимание в повседневной жизни.

По словам дона Хуана, только в периоде обучения приходится прилагать усилия к тому, чтобы сделать неподвижным второе внимание. После этого приходится выдерживать почти неодолимое давление второго внимания и лишь мимоходом бросать взгляды на окружающее. В сновидении следует удовлетворяться самыми краткими видениями всего, так как если на чем-нибудь сфокусируешься, то мгновенно теряешь контроль.

Последней обобщенной задачей, которую он мне дал, было выходить из тела. Я частично преуспел в этом и все время считал это свои единственным реальным достижением в сновидении. Дон Хуан исчез прежде, чем я усовершенствовал ощущение в сновидении, что я могу обращаться с миром обычных вещей, находясь тем временем в сновидении. Его уход прервал то, что, по моему мнению, должно было быть проникновением периода сновидения в мир повседневной жизни.

Чтобы объяснить контроль второго внимания, дон Хуан ввел идею воли. Он сказал, что воля может быть представлена в виде максимального контроля свечения тела как поля энергии, или о ней можно говорить как об уровне профессионализма, или как о таком состоянии бытия, которое внезапно входит в повседневную жизнь воина в определенное время. Она ощущается как сила, излучающая из средней части тела вслед за моментом абсолютной тишины, или моментом сильного ужаса, или моментом глубокой печали, но не после момента счастья, потому что счастье слишком опустошающе и поэтому не дает воину той концентрации, которая нужна, чтобы использовать свечение тела и обратить его в молчание.

— Нагваль говорил мне, что печаль человеческого существа так же мощна, как и испуг, — сказала Горда. — печаль заставляет воина лить кровавые слезы. И то и другое может привести к моменту молчания, или же молчание приходит само по себе из-за того, что воин стремится к нему в течение всей своей жизни.

— Ты сама когда-нибудь испытывала такой момент молчания? — спросил я.

— Испытывала, конечно, но я не могу припомнить теперь, на что это похоже, — сказала она. — мы с тобой оба уже испытывали его, но никто из нас не может теперь ничего об этом вспомнить. Нагваль говорил, что это момент печали — момент еще более тихий, чем момент выключения внутреннего диалога.

Эта печаль, эта тишина дали возможность подняться намерению направить второе внимание, управлять им, заставлять его делать то или это. Именно поэтому оно называется волей. Намерение и его результат являются волей. Нагваль говорил, что они связаны вместе. Он говорил мне все это, когда я пыталась научиться летать в сновидении. Намерение летать производит результат полета.

Я рассказал ей, что уже отбросил всякую надежду на возможность когда-нибудь испытать волю.

— Ты ее испытываешь, — сказала Горда. — беда в том, что мы с тобой не обладаем достаточно острым умом, чтобы знать, что же происходит с нами. Мы не ощущаем нашей воли, потому что думаем, что она должна быть чем-то таким, о чем мы сможем знать наверняка, как например, злость. Воля очень тиха, незаметна. Воля принадлежит другому «я».

— Какому другому «я»? — спросил я.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — резко сказала она. — мы находимся в нашем другом «я», когда выполняем сновидение. К настоящему времени мы уже входили в наше другое «я» бесчисленное количество раз, но мы еще не являемся цельными.

Последовала длинная пауза. Я признался себе, что она права, утверждая, что мы еще не цельны. Я понимал это в том значении, что мы были только учениками неисчерпаемого искусства. Но затем мне пришла в голову мысль, что, возможно, она имела в виду нечто другое. Это не была разумная мысль. Я ощутил сначала нечто вроде щекотки в солнечном сплетении, а затем была готовая мысль, что она вероятно, говорит о чем-то совсем другом. Затем я также ощутил ответ. Он пришел ко мне готовым, своего рода отливкой. Я весь целиком ощутил его сначала на кончике своей грудины, а затем в уме. Моей проблемой было то, что я не мог распутать то, что я знал, чтобы обратить это в слова.

Горда не прерывала моих мыслительных процессов ни дальнейшими комментариями, ни жестами. Она оставалась совершенно спокойной, ожидая. Она, казалось, была внутренне соединена со мной до такой степени, что нам не нужно было говорить словами.

Мы еще немного поддержали состояние общности друг с другом, а затем оно затопило нас обоих. Постепенно мы с Гордой успокоились. Я в конце концов начал говорить. Не потому, что у меня была необходимость произнести то, что мы и так знали оба, а просто для того, чтобы восстановить опору нашей дискуссии. Я ей сказал, что знаю, в каком смысле мы не являемся цельными, но мне трудно перевести это знание в слова.

— Есть масса и масса вещей, которые мы знаем, — сказала она, — и все же мы не можем заставить их работать на себя, потому что не имеем представления, как вытащить их из себя на поверхность. Ты только что начал ощущать это давление. Я ощущаю его уже несколько лет. Я знаю и в то же время не знаю. Я все время странствую по самой себе и когда пытаюсь сказать, что знаю, это звучит идиотски.

Я понял, что она имеет в виду, и я понял ее на физическом уровне. Я знал что-то чрезвычайно практическое и очевидное о воле и о том, что Горда назвала другим «я», и в то же время я не мог произнести ни единого слова о том, что я знал, и не потому, что я был скрытен и смущен, а просто потому, что я не знал, с чего начать и как организовать мое знание.

— Воля является настолько полным контролем второго внимания, что это называется «другое я», — сказала Горда после длинной паузы. — Несмотря на все, что мы сделали, мы знаем лишь ничтожную частицу нашего другого «я». Нагваль предоставил нам самим завершить наше знание. В этом наша задача воспоминания.

Она шлепнула себя ладонью по лбу, как если бы ей что-то внезапно пришло в голову.

— Господи! Мы же вспоминаем другое «я», — воскликнула она почти на грани истерики. Затем она успокоилась и продолжала говорить приглушенным тоном.

— Очевидно, мы уже там были, и единственный способ вспомнить, — это тот способ, которым мы пользуемся, то есть выстреливать наши тела сновидения во время совместного сновидения.

— Что ты имеешь в виду? Что это такое — выстреливание наших тел сновидения? — спросил я.

— Ты и сам был свидетелем того, как Хенаро выстреливал свое тело сновидения, — сказала она. — оно выскакивает, как медленная пуля. Оно фактически приклеивается и отталкивается от физического тела с громким треском. Нагваль говорил мне, что у Хенаро тело сновидения может делать большинство вещей, которых мы можем делать обычно. Он приходил к тебе таким образом, чтобы встряхнуть тебя.

Я знаю теперь, чего добивались нагваль и Хенаро. Они хотели, чтобы ты вспомнил, и с этой целью Хенаро совершал невероятные действия перед твоими глазами, выстреливая свое тело сновидения, но все было напрасно.

— Но я совсем не знал, что он был в своем теле сновидения, — сказал я.

— Ты не знал, потому что не следил, — сказала она. — Хенаро пытался дать тебе знать, делая попытки выполнить то, чего тело сновидений делать не может, например, есть, пить и т. п. Нагваль рассказывал мне, что Хенаро обычно подшучивал над тобой, говоря, что он пойдет срать и заставит горы трястись.

— Потому что тело сновидения не может делать этих вещей? — спросил я.

— Потому что тело сновидения не владеет намерениями есть и пить, — ответила она.

— Что ты хочешь этим сказать, Горда? — спросил я.

— Великим достижением Хенаро было то, что в своем сновидении он обучился намерению тела, — объяснила она. — он закончил то, что ты начал делать. Он может создавать в сновидении свое тело настолько совершенным, насколько оно вообще может быть. Но у тела сновидения и у физического тела намерения различны. Например, тело сновидения может проходить сквозь стену, потому что знает намерение растворяться в воздухе. Физическое тело знает намерение еды и питья, но не исчезания. Для физического тела Хенаро пройти сквозь стену было столь же невозможно, как для его тела сновидения поесть.

Горда немного помолчала, как бы оценивая то, что она только что сказала; я хотел подождать, прежде чем задавать ей какие-либо вопросы.

— Хенаро довел до мастерства только намерение своего тела сновидений, — сказала она мягким голосом. — Сильвио Мануэль, с другой стороны, был абсолютным хозяином намерения. Теперь я знаю, что причина, по которой мы не можем припомнить его лица, состоит в том, что он был не таким, как все остальные.

— Что заставляет тебя так говорить, Горда? — спросил я.

Она начала говорить, что она имела в виду, но была неспособна говорить вразумительно. Внезапно она улыбнулась. Глаза ее зажглись.

— Поймала! — сказала она. — нагваль говорил мне, что Сильвио Мануэль был мастером намерения, потому что он постоянно находился в своем другом «я». Он был настоящим руководителем. Он стоял позади всего, что делал нагваль. Фактически именно благодаря ему нагваль стал заботиться о нас.

Я испытал большое физическое неудобство, слушая, как Горда говорит это. У меня чуть не расстроился живот, и я делал огромные усилия, чтобы она не заметила этого. Я повернулся к ней спиной и отдувался. Она на секунду остановилась, а затем продолжала, как будто приняв решение не обращать внимание на мое состояние. Вместо этого она начала на меня кричать. Она сказала, что сейчас время развеять наши огорчения. Она напомнила мне о моих чувствах отстраненности после того, что произошло в городе мекхико. Она сказала, что горечь я чувствовал не потому, что она примкнула к другим ученикам, встав против меня, а потому, что она приняла участие в срывании с меня маски. Я объяснил ей, что все эти чувства у меня уже прошли. Она была непреклонна. Она настаивала на том, что если я не встречу с этими чувствами лицом к лицу, они обязательно вернуться ко мне снова, но только как-нибудь иначе. Она настаивала на том, что мои близкие отношения с Сильвио Мануэлем были причиной всего этого.

Я сам не мог поверить тем сменам настроения, через которые я прошел, услышав такое заявление. Я как бы стал сразу двумя людьми: один разъяренный, с пеной у рта, другой — спокойный, наблюдающий. Последовал последний, конечный спазм живота, и мне стало плохо. Однако этот спазм вызвала не тошнота, это скорее была неудержимая ярость.

Когда я, наконец, успокоился, я был раздражен своим поведением и горевал по тому поводу, что подобный инцидент может случиться со мной вновь и вновь, в другое время.

— Как только ты воспримешь свою истинную природу, ты освободишься от ярости, — сказала Горда равнодушным тоном.

Я хотел с ней поспорить, но видел тщетность этого; кроме того, мой приступ ярости оставил меня совсем без энергии. Я рассмеялся при мысли, что буду знать, что делать, если окажется, что она права. Затем мне пришла в голову мысль, что все было бы возможным, если бы я смог забыть о женщине-нагваль. У меня было странное ощущение не то тепла, не то раздражения к Горде, как если бы я поел очень острой пищи.

Я ощутил в теле тревогу, как если бы я увидел, что кое-кто крадется у меня за спиной, и в тот момент я уже знал нечто такое, чего не знал моментом раньше: Горда была права — ответственным за меня был Сильвио Мануэль.

Горла громко рассмеялась, когда я рассказал ей это. Она сказала, что тоже вспомнила кое-что о Сильвио Мануэле.

— Я не помню его как личность, — так, как я помню женщину-нагваль, — продолжала она, — но я помню, что мне говорил о нем нагваль.

— Что он тебе говорил? — спросил я.

— Он говорил, что когда Сильвио Мануэль был на этой земле, он был такой, как Элихио. Он исчез однажды, не оставив следа, и вошел в другой мир. Он отсутствовал много лет, а затем, однажды вернулся. Нагваль говорил, что Сильвио Мануэль не помнил ни где он был, ни что он делал, но его тело не изменилось: он вернулся назад в этот мир, но вернулся в своем другом «я».

— Что еще он говорил, Горда? — спросил я.

— Я не могу больше вспомнить, — ответила она. — это так, будто я смотрю сквозь туман.

Я знал, что если бы достаточно сильно напряглись, то вспомнили бы, кем же был Сильвио Мануэль. Я сказал ей об этом.

— Нагваль говорил, — сказала она, — что намерение присутствует всюду.

— Что это значит? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — я просто произношу то, что приходит мне в голову. Нагваль сказал также, что именно намерение создает мир.

Я знал, что уже слышал эти слова раньше. Я подумал, что дон Хуан, видимо, говорил мне эти слова тоже, но я просто забыл.

— Когда дон Хуан говорил тебе это? — спросил я.

— Не могу вспомнить, когда, — сказала она, — но он говорил мне, что люди и все живые существа являются рабами намерения. Мы находимся в его клетках. Оно заставляет нас делать все, что захочет. Оно заставляет нас действовать в этом мире. Оно даже заставляет нас умирать. Он сказал, что когда мы становимся воинами, намерение становится нашим другом. Оно позволяет на м секунду быть свободными, иногда даже приходит к нам, как если бы оно поджидало поблизости. Он сказал мне, что сам он был только другом намерения. Сильвио Мануэль был хозяином его.

Целые громады скрытых воспоминаний бились во мне, чтобы вырваться наружу. Казалось, они вот-вот выйдут на поверхность. Я испытал на минуту ужасное замешательство, а затем что-

то во мне внезапно сдалось. Я успокоился. Я больше не интересовался открытиями о Сильвио Мануэле.

Горда интерпретировала мою смену настроений как признак того, что мы не готовы лицом к лицу встретить воспоминания о Сильвио Мануэле.

— Нагваль всем нам показывал, что он может делать со своими намерениями, — внезапно сказала она. — он мог заставлять вещи появляться. Он говорил мне, что если я хочу летать, то должна призвать намерение акта полета. Он затем сам показал мне, как он может его призывать, прыгнув в воздух и пролетев круг надо мной, как огромный воздушный змей. Или же он заставлял предметы появляться в его руке. Он сказал, что знал намерение многих вещей и мог вызывать эти вещи, направляя на них намерение. Различие между ним и Сильвио Мануэлем было в том, что Сильвио Мануэль, будучи хозяином намерения, знал намерение всего.

Я сказал ей, что ее объяснение требует дальнейших объяснений. Она, казалось, из всех сил пыталась организовать слова в своем мозгу.

— Я научилась намерению летать, — сказала она, — повторяя все чувства, которые имела, летая в сновидении. Это было только одно. Нагваль за всю свою жизнь научился намерению сотен вещей, но Сильвио Мануэль пришел к самому источнику, он коснулся его, ему не надо было учиться намерению чего бы то ни было. Он был одним целым с намерением. Проблема была в том, что у него не осталось больше желаний, потому что намерение не имеет собственных желаний, поэтому ему пришлось положиться на желания нагваля. Иными словами, Сильвио Мануэль мог делать все, чего нагваль ни захотел. Нагваль направлял намерение Сильвио Мануэля, но поскольку нагваль тоже не имел желаний, они большую часть времени не делали вообще ничего.

8. ПРАВая И ЛЕВАЯ СТОРОНА ОСОЗНАНИЯ

Наше обсуждение сновидения оказалось очень полезным не только потому, что вывело нас из тупика с нашим совместным сновидением, но и потому, что вывело его концепции на интеллектуальный уровень. Разговор о сновидении давал нам занятость и позволил нам воспользоваться короткой паузой, чтобы снять свое возбуждение.

Однажды, когда я был по делам в городе, я позвонил Горде из автомата. Она сказала, что была в универсаме и у нее там возникло ощущение, что я прячусь среди манекенов в витрине. Она была уверена, что я ее специально разыгрываю, и рассердилась. Она бросилась через магазин, чтобы поймать меня и показать мне, насколько она сердита. Затем она сообразила, что действительно вспоминает нечто такое, что она очень часто делала в моем присутствии, когда сердилась.

Тогда мы оба высказали предположение опять попробовать наше совместное сновидение. Пока мы разговаривали, мы ощутили новый прилив оптимизма. Я немедленно поехал домой.

Я очень легко вошел в состояние спокойного бодрствования. Это было ощущение телесного удовольствия, приятного излучения из солнечного сплетения, которое преобразовалось в мысль, что мы сейчас добьемся прекрасных результатов. Эта мысль превратилась в нервное возбуждение. Я обнаружил, что мысли мои идут от точки покалывания в центре моей груди, однако, в то мгновение, как я обратил на это внимание, покалывание прекратилось. Это было похоже на электрический ток, который я мог включать и выключать.

Покалывание началось опять, даже еще более сильное, чем раньше, и внезапно я оказался лицом к лицу с Гордой. Это было так, как если бы я завернул за угол и натолкнулся на нее. Я погрузился в наблюдение за ней. Она была настолько реальной, настолько сама собой, что меня подмывало прикоснуться к ней. Предельно чистая, неземная привязанность к ней вырвалась из меня в эту минуту; я непроизвольно стал всхлипывать. Горда быстро попыталась сцепить наши руки и тем прекратить мое индугирование, но она совсем не могла двигаться. Мы осмотрелись кругом. Не было никакой застывшей картины и никаких объектов. Меня внезапно осенило и я сказал Горде, что мы пропустили появление сцены сновидения, потому что приковали внимание друг к другу.

Лишь окончив говорить, я понял, что мы уже в новой ситуации. Звук моего голоса испугал меня. Это был чужой голос — резкий, неприятный; он вызывал у меня физическое отвращение.

Горда ответила, что мы ничего не пропустили, что наше второе внимание захвачено чем-то еще. Она улыбнулась и подвигала губами с выражением удивления и недовольства звуками собственного голоса.

Я нашел совершенно очаровательным разговаривать во сне, ибо нам не снились сцены, где мы разговариваем, а мы в действительности вели разговор. Это потребовало совсем особых усилий, вроде тех, которые мне потребовались в моей первоначальной попытке спуститься по лестнице.

Я спросил ее, смешно ли звучит мой голос по ее мнению. Она кивнула и громко рассмеялась. Звуки ее смеха были потрясающими. Я вспомнил, как Хенаро производил чрезвычайно странные и пугающие звуки. Смех Горды относился к той же категории. Меня потрясло сознание того, что мы с Гордой совсем спокойно вошли в свои тела сновидений.

Я хотел взять ее за руку, но не смотря на попытки, не смог двинуться. Поскольку у меня был какой-то опыт в движениях при таком состоянии, я пожелал себе передвинуться к Горде. Моим желанием было обнять ее, но вместо этого я передвинулся настолько близко, что наши тела слились в одно. Я осознавал себя как индивидуальное существо, но в то же время был частью Горды. Мне это ощущение бесконечно понравилось. Мы оставались слитыми, пока что-то не разорвало нашу связь. Я ощутил приказ осмотреть окрестности. Посмотрев, я ясно вспомнил, что уже видел все это раньше. Нас окружали небольшие круглые холмики, очень походившие на песчаные дюны. Они были вокруг нас во всех направлениях, насколько охватывал глаз. Казалось, они состояли из чего-то вроде светло-желтого песчаника или круглых крупинки серы. Небо было того же цвета и выглядело очень низким, давящим. В некоторых местах с неба висали клочья желтоватого тумана или каких-то желтых испарений.

Тут я заметил, что мы с Гордой дышим как-будто нормально. Я не мог пощупать свою грудь руками, но чувствовал, как она вздымалась при вдохе. Желтые испарения, очевидно, не вредили нам.

Мы вместе начали двигаться. Медленно, осторожно. Через несколько шагов я очень устал. Горда тоже. Мы скользили над самой землей, и очевидно, подобный способ передвижения был очень утомительным для нашего второго внимания — он требовал чрезвычайной степени концентрации. Мы не подражали намеренно нашей обычной ходьбе, но результат был такой, как будто именно этим мы и занимались. Движение требовало зарядов энергии, чего-то вроде микровзрывов, с паузами между ними. У нас не было другой цели, кроме самого движения, поэтому в конце концов мы остановились.

Горда заговорила со мной таким слабым голосом, что он был едва слышен. Она сказала, что мы неразумно идем в сторону большей тяжести и что если мы будем продолжать идти туда, то давление станет столь велико, что мы погибнем.

Автоматически мы повернулись и пошли в том направлении, откуда шли, но чувство усталости нас не оставляло. Мы оба настолько выдохлись, что больше не могли удерживаться в стоячем положении. Мы повалились на землю и непроизвольно приняли позу сновидения.

Я мгновенно проснулся у себя в комнате. Горда проснулась у себя в спальне.

Первое, что я сказал ей после пробуждения, это что я уже бывал в этой пересеченной местности несколько раз раньше. Я видел ее по крайней мере в двух аспектах: совершенно плоской и покрытой маленькими дюноподобными холмиками. Пока я разговаривал, мне пришло в голову, что я даже не стал уточнять, видели ли мы одну и ту же картину. Остановившись, я сказал, что позволил себе увлечься собственным возбуждением, и приступил к описанию того, что видел, как если бы мы сравнивали свои впечатления от совместной воскресной прогулки.

— Слишком поздно, чтобы мы вели между собой подобные разговоры, — сказала она со вздохом, — но если это сделает тебя счастливым, я расскажу тебе то, что я видела.

Она терпеливо описала все, что мы видели, говорили и делали. Она сказала, что тоже бывала раньше в этой пустынной местности и что она знает наверняка — эта земля не принадлежит людям, — это пространство между этим миром и тем, другим.

— Это пространство между параллельными линиями, — продолжала она. — мы можем приходить туда в сновидении, но для того, чтобы покинуть этот мир и пройти в тот, нам надо пройти через эту область со всем своим телом целиком.

Я ощутил озноб при мысли о том, чтобы войти в это странное место в этом физическом теле.

— Мы с тобой уже были там вместе в наших физических телах, — продолжала Горда. — разве ты не помнишь?

Я сказал, что все, что могу вспомнить, так это что я дважды видел уже этот ландшафт под руководством дона Хуана.

Оба раза я отбрасывал этот опыт потому, что он следовал за приемом внутрь галлюциногенных растений. Следуя своему рассудку, я рассматривал этот опыт как совершенно частные видения, а не как достоверные явления. Я не помнил, чтобы когда-нибудь при других обстоятельствах видел этот ландшафт.

— Когда мы с тобой попадали туда в наших телах? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она, — смутная память об этом просто мелькнула у меня в голове, когда ты сказал, что видел этот ландшафт раньше. Я полагаю, что теперь твоя очередь помочь мне закончить то, что я начала вспоминать. Я не могу пока на этом сфокусироваться, но припоминаю, что Сильвио Мануэль брал женщину-нагваль, тебя и меня в это пустынное место, но я не знаю, зачем он брал нас туда. Мы не были тогда в сновидении.

Я уже не слышал, что она говорила дальше. Мой ум стал настраиваться на что-то, пока еще не произносимое. Я постарался привести свои мысли в порядок. Они бесцельно разбредались.

На секунду я почувствовал, будто вновь вернул годы и то время, когда не мог останавливать свой внутренний диалог. Затем туман стал рассеиваться. Мои мысли пришли в порядок без моего сознательного вмешательства, и в результате всплыли законченные воспоминания о событии, которое я уже частично припоминал в одной из трех бесформенных вспышек памяти, которые у меня бывали. Горда была права: нас уже брали однажды в область, которую дон Хуан называл «чистилищем», взяв этот термин, как очевидно, из религиозной догмы. Я знал, что Горда была права и в том, что мы были там не в сновидении.

В тот раз по просьбе Сильвио Мануэля дон Хуан собрал вместе женщину-нагваль, Горду и меня. Дон Хуан объяснил мне, что причиной нашего сбора послужило то, что я своими собственными средствами, неосознанно, вошел в особое состояние осознания, которое явилось самой тонкой формой внимания. Я уже входил в это состояние, которое дон Хуан называл «левое левой стороны», но на слишком короткое время и всегда с его помощью. Одной из основных его черт, — той, которая представляла наибольшее значение для всех нас, связанных с доном Хуаном, было то, что в этом состоянии мы могли воспринимать колоссальную массу желтоватого тумана, нечто такое, что дон Хуан называл «стеной тумана».

Всегда, когда я мог ее воспринимать, она находилась справа от меня, распространяясь вперед от горизонта и вверх до бесконечности, разделяя мир надвое.

Стена тумана поворачивалась или направо или налево, когда я поворачивал голову, поэтому я никогда не имел возможности повернуться к ней лицом.

В тот день, о котором идет речь, и дон Хуан, и Сильвио Мануэль говорили со мной о стене тумана. Я помню, что, окончив говорить, Сильвио Мануэль схватил Горду за загривок, как если бы она была котенком, и исчез с ней в массе тумана. У меня была доля секунды, чтобы увидеть их исчезновение, потому что дон Хуан каким-то образом добился того, что я был повернут лицом к туману, и уже следующее, что я видел, была пустынная равнина. Дон Хуан, Сильвио Мануэль, женщина-нагваль и Горда тоже были там. Меня не интересовало, что они делают; я был занят неприятнейшим и угрожающим ощущением придавленности, усталости, сводящей с ума затрудненностью дыхания. Я ощущал, что стою внутри душной желтой пещеры с низким потолком. Физическое ощущение давления стало таким сильным, что я больше не мог дышать. Казалось, что все мои физические функции остановились. Я уже не мог чувствовать ни одну из частей своего тела, но все еще мог двигаться, ходить, поднимать руки, поворачивать голову. Я положил руки на бедра, но ни бедра, ни ладони ничего не чувствовали. Мои руки и ноги зрительно были здесь, но наощупь отсутствовали.

Движимый безграничным страхом, который я ощущал, я схватил женщину-нагваль за руку и сбил ее с ног, но толкнула ее не моя мускульная сила. Это была сила, которая хранилась не в моих мышцах, не в скелете, а в центре моего тела.

Захотев опробовать эту силу еще раз, я схватил Горду. Она повалилась на землю от моего рывка. Тут я понял, что энергия, которой я их сбил, исходит из стержневого протуберанца, который действует на них, как щупальце. Оно балансировало у центра моего тела. Все это заняло лишь секунду. В следующий момент я уже опять вернулся к своему физическому дискомфорту и страху.

Я посмотрел на Сильвио Мануэля с молчаливой просьбой о помощи. Ответный его взгляд показал мне, что я пропал: его глаза были холодны и безразличны.

Дон Хуан отвернулся от меня, и я затрясся изнутри от невыразимого физического ужаса. Мне казалось, что кровь в моем теле кипит, — не потому, что я чувствовал жару, а потому, что внутреннее давление приближалось к точке взрыва.

Дон Хуан приказал мне расслабиться и отдаться смерти. Он сказал, что я останусь здесь, пока не умру, и что у меня есть шанс умереть мирно, если я сделаю сверхусилие и позволю своему страху завладеть мною, или я умру в агонии, если стану с ним бороться.

Сильвио Мануэль заговорил со мной, что он делал очень редко. Он сказал, что энергия, необходимая мне для того, чтобы принять мой ужас, находится в центре моего тела, и что единственным способом добиться успеха, будет сдаться, не сдаваясь.

Женщина-нагваль и Горда были совершенно спокойны. Я был тут единственным умирающим. Сильвио Мануэль сказал, что судя по тому, как я теряю энергию, мой конец отделяют какие-то мгновения и что я могу считать себя уже мертвым.

Дон Хуан сделал знак женщине-нагваль и Горде следовать за ним. Они повернулись ко мне спиной. Я не видел, что еще они делали. Я почувствовал мощную вибрацию, идущую сквозь меня. Я решил, что это мои смертные судороги. Моя борьба окончилась. Меня больше ничего не тревожило. Я отдался тому неодолимому ужасу, который меня убивал. Мое тело или образование, которое я считал своим телом, расслабилось, отдав себя смерти. Как только я позволил давящему ужасу войти, или пожалуй, выйти из меня, я почувствовал и увидел, как давящий тяжелый туман или беловатое испарение на фоне сернисто-желтого окружения покидает мое тело.

Дон Хуан вернулся ко мне обратно и с любопытством осмотрел мое тело.

Сильвио Мануэль отошел, опять схватил Горду за загривок, и я ясно видел, как он швырнул ее, словно огромную тряпичную куклу, в массу тумана. Затем он вошел туда сам и исчез.

Женщина-нагваль сделала мне жест, приглашая меня войти в туман. Я двинулся к ней, но прежде, чем я подошел, дон Хуан дал мне мощный толчок в спину, который понес меня через толстую стену тумана. Я нигде не задержался и, проскочив стену, упал на землю в повседневном мире.

Горда вспомнила все это событие, когда я рассказывал ей его. Затем она добавила еще детали.

— Мы с женщиной-нагваль не боялись за твою жизнь, — сказала она. — нагваль говорил нам, что тебя надо заставить отпустить все, за что ты держишься, но что тут ничего нет нового. Каждого воина-мужчину нужно заставлять страхом.

Сильвио Мануэль уже протаскивал меня через эту стену трижды, чтобы я научилась расслабляться. Он сказал, что если ты увидишь, что я чувствую себя там свободно, то на тебя это окажет впечатление. Так и было: ты сдался и расслабился.

— Тебе тоже было трудно научиться расслабляться? — спросил я.

— Нет, у женщин с этим проще, — сказала она. — в этом наше преимущество. Проблема лишь в том, что нас надо протаскивать сквозь туман, — мы не можем сделать это самостоятельно.

— Но почему, Горда? — спросил я.

— Надо быть очень тяжелым, чтобы пройти туман, а женщина легкая, — сказала она. — фактически, слишком легкая.

— А как насчет женщины-нагваль? Я не видел, чтобы ее кто-нибудь протаскивал, спросил я.

— Женщина-нагваль была особенной, — сказала Горда. — она все могла самостоятельно. Она могла взять туда меня или тебя. Она могла пройти через ту долину, которая, как говорил нагваль, обязательна для путников, идущих в неизвестное.

— Почему женщина-нагваль пошла туда со мной? — спросил я.

— Сильвио Мануэль взял нас, чтобы поддержать тебя, — сказала она. — Он считал, что тебе нужна защита двух женских и двух мужских сопровождающих от тех сущностей, которые рыскают там. Они приходят из этой пустынной долины. И олли приходят из этой пустынной долины. И другие твари, еще более свирепые.

— Ты тоже была защищена? — спросил я.

— Я не нуждаюсь в защите, — сказала она. — Я женщина. Я свободна от всего этого. Но все мы считали, что ты находишься в ужасном положении. Ты был нагваль и очень глупый нагваль. Мы считали, что все эти свирепые олли или, если хочешь, называй их демонами, могут разорвать тебя на части.

— Так именно сказал Сильвио Мануэль. Он взял нас, чтобы замкнуть тебя с четырех сторон, но забавным моментом было то, что ни нагваль, ни Сильвио Мануэль не знали, что ты в нас не нуждаешься.

Предполагалось, что пройдет немного времени, пока ты не потеряешь свою энергию. Затем Сильвио Мануэль собирался напугать тебя, показав тебе олли и пригласив их напасть на тебя. Он и нагваль планировали помогать тебе понемножку. Таково правило. Но что-то нарушилось. В ту же минуту, как ты попал туда, ты взбесился. Ты не двинулся ни на дюйм и уже умирал. Ты был до смерти напуган, даже не увидев олли.

— Сильвио Мануэль рассказывал мне, что он не знал, что делать, поэтому сказал тебе на ухо то, что должен был сказать в самую последнюю очередь, — отжаться, сдаться, не сдаваясь. Ты успокоился сразу, сам собой, и им не понадобилось делать всего того, что они планировали. Нагвалю и Сильвио Мануэлю ничего не оставалось делать, как забрать нас оттуда.

Я рассказал Горде, что когда я вернулся назад в этот мир, то кто-то был рядом со мной, кто помог мне подняться. Это все, что я мог вспомнить.

— Мы были в доме Сильвио Мануэля, — сказала она. — сейчас я могу очень многое вспомнить об этом доме. Кто-то говорил мне, не помню, кто, что Сильвио Мануэль нашел этот дом и купил его, потому что дом был построен на месте силы. Но еще кто-то говорил, что Сильвио Мануэль нашел этот дом, полюбил его, купил, а потом перенес в него место силы. Лично я чувствую, что Сильвио Мануэль принес силу. Я чувствую, что его неуязвимость удерживала место силы на этом доме, пока он и его компаньоны жили там.

— Когда им пришло время уходить, место силы исчезло вместе с ними и дом стал таким же, каким он был до того, как Сильвио Мануэль купил его, — обычным домом.

Пока Горда говорила, мой ум прояснился, казалось, еще больше, но не настолько, чтобы открыть, что случилось с нами в этом доме такое, что наполняло меня такой печалью. Не зная, почему, я был уверен, что это связано с женщиной-нагваль. Где она?

Горда не ответила, когда я спросил ее об этом. Она извинилась, сказав, что должна приготовить завтрак. Уже было утро. Она оставила меня наедине с самим собой с очень болезненным, тяжелым сердцем. Я позвал ее назад. Она рассердилась и побросала кастрюли на пол. Я ее понимал.

=====

В следующей серии совместного сновидения мы пошли еще глубже в тонкости второго внимания. Это произошло несколько дней спустя. Мы с Гордой без особых усилий и ожиданий оказались стоящими вместе. Она 3-4 раза безрезультатно пыталась сцепить наши руки. Она заговорила со мной, но речь ее была невнятной, однако, я знал, — она говорит, что мы опять находимся в своих телах сновидения. Она предупредила меня о том, что все движения должны делаться из средней точки тела.

Никакой сцены сновидения, как при нашей последней попытке, для нашего обследования не появилось, однако, я, казалось, узнавал физическую местность, которую я видел в сновидениях почти ежедневно в течение года. Это была долина саблезубого тигра.

Мы прошли несколько метров, и на этот раз наши движения не были ни порывистыми, ни дергаными. Мы действительно шли из животах, не напрягая никаких мышц. Трудность была только в отсутствии у меня практики. Это походило на первую поездку на велосипеде. Я легко уставал и терял ритм, стал нерешительным и неуверенным в себе. Мы остановились. Горда тоже потеряла синхронность движения.

Тут мы начали осматривать то, что нас окружало.

Все имело неоспоримую реальность, по крайней мере, для глаза. Мы находились в пересеченной местности с пышной растительностью. Я не мог определить вид тех странных кустов, которые видел. Они походили на маленькие деревья. У них было немного листьев, плоских и толстых, зеленоватокоричневого цвета, и огромные темно-коричневые с золотистыми полосками цветы. Стебли не были одеревенелыми и казались легкими и упругими, как водоросли. Они были покрыты длинными, устрашающими угловидными шипами.

Несколько погибших растений, которые высохли и упали на землю, дали мне впечатление, что стебли были пустотелыми.

Почва была очень темной и казалась сырой. Я попытался нагнуться, чтобы потрогать ее, но мне не удалось двинуться. Горда показала знаком, чтобы я использовал среднюю часть тела. Когда я это сделал, мне не понадобилось нагибаться, чтобы коснуться земли, — во мне было что-то вроде щупальца, которым я мог чувствовать, однако, я не мог разобрать, что именно я чувствую. Не было каких-либо ощутимых качеств, на которых можно было бы основывать различия. Земля, которой я коснулся, казалась почвой, черноземом, но не наощупь, а по зрительному восприятию. Тут я погрузился в интеллектуальную дилемму.

Почему сновидение кажется продуктом моих зрительных способностей? Может быть, потому, что зрение доминирует у нас в повседневной жизни? Вопросы были бессмысленны, я не был в том состоянии, когда мог бы отвечать на них, и все, к чему мои размышления привели, — поколебали мое второе внимание.

Горда выбила меня из моих рассуждений, хорошенько боднув. Я ощутил как бы удар. Дрожь пробежала по всему моему телу. Она показала вперед. Как обычно, саблезубый тигр лежал на каменном выступе, на котором я его всегда видел. Мы приблизились, пока не оказались в каких-то двух метрах от камня, так что нам приходилось поднимать головы, чтобы смотреть на тигра. Мы остановились. Он поднялся. Его размеры были поразительны, особенно ширина. Я знал, что Горда хочет пройти со мной вокруг тигра на другую сторону холма. Я хотел ей сказать, что это может быть опасно, но не мог придумать, как передать ей это. Тигр казался сердитым, возбужденным. Он присел на задние ноги, как бы готовясь прыгнуть на нас. Я испугался.

Горда повернулась ко мне, улыбаясь. Я понял, что она говорит, чтобы я не поддавался панике, потому, что тигр был только картиной, подобной привидению. Движением головы она подталкивала меня идти вперед, однако на неизмеримо более глубоком уровне я знал, что тигр является сущностью, возможно, не в таком фактическом смысле, как в нашем повседневном мире, но тем не менее реальной, а поскольку мы с Гордой были в сновидении, то потеряли нашу собственную реальность — от мира. В этот момент мы с тигром были на равных: наше существование тоже было призрачным.

Мы сделали еще один шаг из-за неуклонных наставлений Горды. Тигр прыгнул с камня. Я видел, как в воздухе метнулось его огромное тело, направляясь прямо на меня. Я потерял ощущение, что я в сновидении, — для меня тигр был реальным, а сам я через мгновение должен был быть разорван. Какой каскад огней, картин и самых интенсивных спектральных цветов, какие только я либо видел, замелькал вокруг меня! Я проснулся в своем кабинете.

После того, как мы добились большого искусства в наших сновидениях, у меня появилась уверенность, что мы ухитрились сохранить свою отрешенность и более никуда не торопились. Нас заставили действовать не результаты наших усилий, это скорее было какое-то всеохватывающее побуждение, которое давало нам толчок действовать неуязвимо и без мысли о награде. Наши последующие сеансы были такими же, как и первый, кроме быстроты и легкости, с которыми мы теперь входили во второе состояние сновидения — динамическое бодрствование.

Наше мастерство в совместном сновидении было таким, что мы с успехом повторяли его каждую ночь. Без всякого подобного намерения с нашей стороны наше совместное сновидение сфокусировалось наугад на трех областях: песчаные дюны, место обитания саблезубого тигра и, самое важное, — на забытых прошлых событиях.

Когда перед нами появлялись сцены, имевшие отношение к забытым событиям, в которых я и Горда играли важную роль, она без всякого труда сцепляла свою руку с моей. Это действие давало мне обоснованное чувство безопасности. Горда объяснила, что этот акт необходим для того, чтобы рассеять абсолютное одиночество, которое вызывает второе внимание. Она сказала, что смыкание рук вызывает чувство объективности и в результате этого мы можем следить за действиями, происходящими в каждой сцене.

Временами мы были склонны принимать участие в этой деятельности. В другое время мы бывали полностью объективны и наблюдали за сценой, как если бы мы находились в кинотеатре.

Когда мы посещали песчаные дюны или саблезубого тигра, мы не могли сомкнуть рук. В этих случаях наши действия никогда не повторялись; они никогда не бывали предусмотренными, но всегда казались спонтанными реакциями на новые ситуации.

Согласно Горде большинство наших совместных сновидений распадалось на три категории. Первая и самая большая состояла из повторного участия в событиях, которые мы уже когда-то пережили. Вторая — когда мы оба наблюдали за действиями, которые один когда-то «прожил»; страна саблезубого тигра была в этой категории. Третья — действительное посещение области, которая существовала такой, какой мы ее видели в момент нашего посещения. Она утверждала, что эти желтые холмы существуют здесь и сейчас и что именно так они выглядят и так расположены для воина, который приходит туда.

В одном пункте мне хотелось с ней поспорить. Мы с ней имели странные встречи с людьми, которых мы забывали по непонятным для нас причинам, но которых мы, тем не менее, знали наверняка. Саблезубый тигр, с другой стороны, был существом из моего сновидения. Я не мог воспринимать и его и тех людей, как относящихся к одной и той же категории.

Прежде, чем я успел произнести свой вопрос, я уже имел ее ответ. Казалось она действительно находится в моем мозгу, читая его как текст книги.

— Они все одного класса, — сказала она и нервно засмеялась. — мы не можем найти объяснения, почему мы забыли или почему вспоминаем теперь. Мы ничего не можем объяснить. Саблезубый тигр там, где-то. Мы никогда не узнаем, где именно, но почему мы должны горевать из-за придуманных несоответствий? Сказать, что это факт, а вот это — сновидение, не имеет ни малейшего смысла для другого «я».

=====

Мы с Гордой обычно занимались совместным сновидением как средством достижения невообразимого мира скрытых воспоминаний. Совместное сновидение позволяло нам поднимать на поверхность события, до которых мы неспособны были добраться при помощи нашей повседневной памяти. Когда мы перебирали эти события в часы бодрствования, это вызывало еще более детальные воспоминания. Подобным способом мы освободили массу воспоминаний, погребенных в нас. Почти два года невероятных усилий и концентрации потребовалось от нас, чтобы добраться до самого начала понимания того, что с нами произошло.

Дон Хуан говорил нам, что человеческое существо поделено надвое. Правая часть, которую он называл тонал, охватывает все, что может воспринимать интеллект.

Левая сторона, называемая нагваль, — это область, черты которой неопишутемы, это мир, который невозможно заключить в слова. Левая сторона, пожалуй воспринимается, если восприятие имеет место, нашим телом целиком, отсюда и ее сопротивление построению концепций.

Дон Хуан говорил нам также, что все способности, возможности и достижения магии от самых простых до наиболее поразительных — это само человеческое тело.

Взяв за основу концепцию, что мы разделены надвое и что все вообще заключено в самом теле, Горда предложила объяснение наших воспоминаний.

Она считала, что в течение времени нашей связи с нагвалем Хуаном Матусом наше время было разделено между состояниями нормального осознания в правой части, тонале, где преобладает первое внимание, и состояниями повышенного осознания в левой части, нагвале, или на стороне второго внимания.

Горда считала, что усилия нагваля Хуана Матуса были направлены на то, чтобы привести нас к другому «я» при помощи самоконтроля и второго внимания путем сновидения, однако, он вводил нас в прямой контакт со вторым вниманием через манипуляции с телом. Горда припомнила, что он заставлял ее переходить от одного края к другому, толкая ее в спину или массируя ей спину. Она говорила, что он иногда наносил ей сильный удар в правую лопатку или около нее.

Результатом бывало вхождение ее в состояние необычной ясности. Горде казалось, что в этом состоянии все идет быстрее и в то же время ничего в мире не меняется.

Прошли недели после того, как Горда рассказала мне это, и я вспомнил, что точно так же бывало со мной: в любой определенный момент дон Хуан мог нанести мне сильный удар в спину. Я всегда ощущал этот удар между лопаток и чуть выше.

За ударом следовала необычайная ясность. Мир оставался тем же, но более четким. Все остальное само по себе, но мои способности рассуждать и резонировать, видимо, оглушались ударом дон Хуана и не мешали мне больше воспринимать мир.

Я мог оставаться с ясным восприятием неопределенно долго или до тех пор, пока дон Хуан не наносил мне другого удара в то же место, чтобы вернуть мне нормальное состояние осознания. Он никогда не толкал и массировал меня, это всегда был прямой и сильный удар — не удар кулаком, а скорее шлепок, который на секунду останавливал мое дыхание.

Я в таких условиях обычно задышался и начинал мелко часто дышать, пока дыхание не восстанавливалось.

Горда рассказала мне о таком же эффекте: весь воздух вылетал у нее из легких от удара нагваля, и она была вынуждена дышать сверхусиленно, чтобы наполнить их вновь. Горда считала, что основным по важности фактором здесь было дыхание; по ее мнению, те судорожные глотки воздуха, которые она делала, получив удар, были именно тем, что вызывало перемену, однако она не могла объяснить, каким образом дыхание могло воздействовать на ее восприятие и осознание.

Она сказала также, что ей никогда не наносили удар, чтобы вернуть ее назад к нормальному состоянию. Она возвращалась обратно своими собственными средствами, хотя и не знала как.

Ее замечания казались мне уместными. Будучи ребенком и даже взрослым, я иногда испытывал ощущение, что весь воздух сразу выходит из груди, когда я нечаянно падал на спину, но последствия удара дон Хуана, хотя и оставляли меня бездыханным, были совсем другими. Тут не было никакой боли; вместо этого возникало ощущение, описать которое невозможно. Пожалуй, наиболее точно будет сказать, что внутри меня возникала внезапно сухость. Удары в мою спину, казалось, высушивали мои легкие и затягивали туманом все вокруг. Затем как наблюдала Горда, все, что затуманивалось после удара нагваля, становилось кристально чистым одновременно с возобновлением дыхания, как если бы дыхание было катализатором, фактором первостепенной важности.

То же самое происходило со мной на пути обратно к осознанию повседневной жизни. Воздух бывал у меня выбит, мир становился затуманенным, а затем он очищался, когда я наполнял воздухом легкие.

Еще одной чертой этих состояний повышенного осознания было ни с чем не сравнимое богатство личностных взаимодействий — богатство, которое наше тело понимало, как ощущение ускорения. Наши двусторонние перемещения между правой и левой сторонами облегчали нам понимание того, что на правой стороне слишком много энергии и времени поглощалось поступками и взаимодействиями нашей повседневной жизни. На левой стороне, напротив, существует врожденная потребность в экономии и скорости.

Горда не могла описать, чем в действительности была эта скорость; не мог и я. Лучше всего я мог сказать, что на левой стороне я мог схватывать значение всего с отличной точностью и направленностью.

Любая грань деятельности была свободна от отступлений или введений. Я действовал и отдыхал. Я шел вперед и отступал без всяких мыслительных процессов. Столь обычных для меня. Именно это мы с Гордой понимали как ускорение.

В какой-то момент мы с Гордой выяснили, что богатство нашего восприятия на левой стороне проявлялось «пост фактум», то есть наши взаимодействия оказывались такими богатыми в свете нашей возможности запоминать их. Мы поняли, что в этих состояниях повышенного осознания мы все воспринимали одним цельным куском, одной монолитной массой неотделимых деталей. Мы называли эту способность воспринимать все сразу «интенсивностью». Мы годами считали невозможным рассмотреть отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта; мы не могли расположить эти части в такую непрерывную последовательность, которая имела бы какой-нибудь смысл для интеллекта. Поскольку мы были неспособны на такой синтез, мы не могли и вспомнить. Наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью расположить наши воспоминания в линейной последовательности. Мы не могли разложить наши воспоминания, так сказать, перед собой и собрать их последовательно одно за другим. Полученный опыт был доступен для нас, но в то же самое время мы не могли до него добраться, так как он был замурован стеной интенсивности.

Следовательно, задачей воспоминания была задача соединения наших левой и правой сторон в объединение этих двух различных форм восприятия в единое целое. Это была задача

по закреплению нашей целостности путем преобразования интенсивности в линейную последовательность.

Для нас стало ясно, что та деятельность, в которой мы принимали участие, могла занимать очень мало времени по часам. По причинам нашей неспособности воспринимать в терминах интенсивности мы могли иметь только подсознательное восприятие больших отрезков времени. Горда считала, что если бы мы смогли расположить интенсивность в линейной последовательности, то могли бы честно считать, что прожили тысячу лет.

Тот прагматический шаг, который предпринял дон Хуан, чтобы облегчить нам задачу воспоминания, состоял в том, что он вводил нас в контакты с различными людьми, пока мы находились в состоянии повышенного осознания.

Он тщательно следил за тем, чтобы мы не видели этих людей, пока находились в состоянии обычного осознания; так он создал подходящие условия для воспоминания.

Закончив наши воспоминания, мы с Гордой вошли в очень смутное состояние. У нас было детальное знание о социальных взаимодействиях, которые мы разделяли с доном Хуаном и его компаньонами.

Это не были воспоминания в том смысле, как я мог бы вспомнить эпизод из своего детства; это были более чем живые детальнейшие воспоминания о событиях. Мы восстановили разговоры, которые, казалось, еще звучали у нас в ушах, как если бы мы одновременно слушали это.

Мы оба чувствовали, что излишним было бы стараться разобраться в том, что с нами происходило.

Все то, что мы вспоминали с точки зрения нашего опыта, происходило прямо сейчас. Таков был характер наших воспоминаний. Наконец-то мы с Гордой могли ответить на те вопросы, что так нас мучили. Мы вспомнили, кем была женщина-нагваль, какое место она среди нас занимала, какова была ее роль. Мы скорее вычислили, чем вспомнили, что провели одинаковое количество времени с доном Хуаном и доном Хенаро в состоянии нормального осознания — и с доном Хуаном и его другими компаньонами в состоянии повышенного осознания. Мы восстановили каждый нюанс этих взаимоотношений, которые были скрыты интенсивностью.

После вдумчивого обзора всего того, что мы обнаружили, мы соединили, хоть и в минимальной степени, две стороны своего существа. Затем мы обратились к другим темам и новые вопросы встали на месте старых.

Существовало три предмета, три вопроса, которые суммировали все то, что нас волновало. Кто такой был дон Хуан и кем были его компаньоны? Что они в действительности делали с нами? И куда все они ушли?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДАР ОРЛА

9. ПРАВИЛО НАГВАЛЯ

Дон Хуан был очень скупым на информацию о своем прошлом и своей личной жизни. Его сдержанность была главным образом дидактическим средством; насколько это касалось его самого, то его время начиналось с того момента, когда он стал воином. Все, что случилось с ним раньше, имело очень мало значения.

Все, что мы с Гордой знали о его ранней жизни, — это что он родился в аризоне от родителей индейских племен яки и юма. Когда он был еще ребенком, его родители перевезли его жить к индейцам яки, в северную мексикку. В 10-летнем возрасте он был вовлечен в водоворот войн яки. Его мать была убита, а отец захвачен в плен мексиканской армией. И дон Хуан, и его отец были сосланы в центр для перемещенных лиц на крайний юг штата Юкатан. Там он и вырос.

О том, что происходило с ним в течение этого периода, он нам никогда не рассказывал.

Дон Хуан считал, что нет необходимости говорить нам об этом. Я считал иначе. То значение, которое я придавал этому отрезку его жизни, исходило из моего убеждения, что все отличительные черты и характер его лидерства закладывались в том опыте, который он приобрел именно в то время.

Однако не этот опыт, каким бы важным он ни был, делал его столь неизмеримо важной фигурой в наших глазах и в глазах его других компаньонов.

Его выдающееся положение покоилось на том случайном акте, путем которого он вошел в «правило».

Быть вовлеченным в правило все равно, что жить в мифе. Дон Хуан и жил мифом — мифом, который поймал его и сделал нагвалем. Он сказал, что когда правило поймало его, он был агрессивным и ненадежным человеком, живущим в изгнании, как тысячи других индейцев яки северной мексикки жили в то время. Он работал на табачной плантации в южной мексикке.

Однажды после работы во время чуть ли не роковой стычки из-за денег со своим товарищем по работе он получил пулевое ранение в грудь. Когда он пришел в себя, над ним стоял старый индеец, ощупывающий ранку в его груди. Пуля застряла в мышцах ребра, не пробив грудь. Дон Хуан 2-3 раза терял сознание от шока, потери крови и, как он говорил, от страха перед смертью. Старик-индеец вынул пулю, и поскольку дону Хуану некуда было идти, взял его к себе домой и выхаживал в течение месяца.

Старый индеец был добрым, но жестким. Однажды, когда дон Хуан достаточно окреп и почти выздоровел, старик дал ему сильный удар в спину и заставил войти в состояние повышенного осознания. Затем, без всяких дальнейших церемоний, он открыл дону Хуану часть правила, относящуюся к нагвалю и его роли.

Дон Хуан проделал в точности ту же самую вещь со мной и Гордой: он заставил нас смещать уровни осознания и рассказал нам правило нагваля в следующей форме:

Сила, которая правит судьбой всех живых существ, называется орлом, но не потому, что это орел, или имеет что-либо общее с орлом, или как-то к нему относится, а потому, что для видящего она выглядит, как неизмеримый иссиня-черный орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой достигая бесконечности.

Когда видящий смотрит на черноту, которая является орлом, 4 вспышки света освещают то, чем он является. Первая вспышка, подобная молнии, помогает видящему охватывать контуры тела орла. Тогда можно видеть белые мазки, которые выглядят, как перья. Вторая вспышка молнии освещает колышущуюся, создающую ветер черноту, которая выглядит, как крылья орла. С третьей вспышкой света видящий замечает пронзительный нечеловеческий глаз. А четвертая и последняя вспышка открывает то, что орел делает.

Орел пожирает осознание всех существ, которые жили на земле мгновение назад, а сейчас мертвые прилетели к клюву орла, словно бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина, и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывает их, как скорняк шкурки, а затем съедает всех живых существ, видит все эти существа сразу и совершенно одинаково, поэтому нет никакого способа человеку молить орла, просить у него милостей, надеяться на жалость. Человеческая часть орла слишком мала и незначительна, чтобы тронуть целое.

Только судя по действиям орла, видящий может сказать, чего орел хочет. Хотя орла и не затрагивают обстоятельства жизни любого живого существа, он каждому из них дал дар.

По-своему и своими средствами каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить огонь сознания, власть не повиноваться призыву смерти и тому, чтобы быть пожранным. Каждой живой твари была дарована власть, если она того пожелает, искать лазейку к свободе и пройти сквозь нее. Для того видящего, который видит эту лазейку, и для тех существ, которые сквозь нее прошли, совершенно очевидно, что орел дар этот дал для того, чтобы увековечить сознание.

С целью проводить живых существ к этой лазейке орел создал нагваля. Нагваль — это двойное существо, которому было открыто правило. Будь он в форме человека, животного, растения или чего угодно живого, нагваль уже по своей природе стремится искать этот проход.

Нагваль приходит в двух частях — мужской и женской. Двойник-мужчина и двойник-женщина становятся нагвалем только после того, как правило было открыто каждому из них и каждый из них понял и принял его полностью.

Глазу видящего нагваль-мужчина или нагваль-женщина видится как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от обычных человеческих существ, которые имеют только два отдела, левый и правый, у нагваля левая сторона разделена на две длинных секции и точно так же надвое разделена правая сторона.

Орел создал первых нагваля-мужчину и нагваля-женщину видящими и тотчас отправил их в мир видеть.

Он снабдил их четырьмя женскими воинами, которые были сталкерами, тремя мужскими воинами и одним мужским курьером, которых они должны были питать, заботиться о них и вести их к свободе.

Женские воины называются четырьмя направлениями, четырьмя углами квадрата, четырьмя темпераментами, четырьмя ветрами, четырьмя различными женскими личностями, которые существуют в человеческой расе.

Первая — это восток. Она называется порядком. Она оптимистична, беззаботна, бдительна, постоянна, как устойчивый бриз.

Вторая — это север. Она называется силой. Она находчива, невозмутима, пряма, несгибаема, как сильный ветер.

Третья — это запад. Она называется чувством. Она интроспективна, совестлива, артистична, лукава, подобно холодному порыву ветра.

Четвертая — это юг. Она называется ростом. Она питает. Она шумна, застенчива, тепла, как горячий ветер.

Три мужских воина и курьер представляют собой четыре типа мужской деятельности и темперамента.

Первый тип — это познающий человек, ученый, благородный, на которого можно положиться, спокойный, полностью преданный выполнению своей задачи, какая бы она ни была.

Второй тип — человек действия, очень переменчивый, большой юморист и ненадежный компаньон.

Третий тип — организатор за сценой, загадочный, неосознаваемый человек. О нем ничего нельзя сказать, так как сам он никакой информации о себе не открывает.

Курьер — четвертый тип. Он помощник, неразговорчивый, бесстрастный, тот кто действует очень хорошо, если его должным образом направить, но не может действовать совсем самостоятельно.

Чтобы облегчить задачу, орел показал мужчине-нагвалю и женщине-нагвалю, что каждый из этих типов мужчин и женщин на земле имеет особые черты в своем светящемся теле.

Ученый имеет своего рода небольшую зазубрину, яркую вмятину у солнечного сплетения. У некоторых людей она выглядит лужицей интенсивного свечения, иногда гладкой и сияющей, как зеркало без отражения.

У человека действия есть волокна, выходящие из точки воли. Количество волокон варьирует от 3 до 5, их толщина бывает от простой струны до толстого кнутовидного щупальца и до 2,5 метра длины. У некоторых в такие щупальца развивается до 3 волокон.

Человека за сценой можно узнать не по отличительным чертам, а по его способности создавать совершенно произвольно вспышки энергии, которые эффективно блокируют внимание видящего. Находясь в присутствии такого человека видящий оказывается погруженным скорее во внешние детали, чем в виденье.

Помощник не имеет явных очертаний. Видящему он кажется ясным свечением в безукоризненной оболочке свечения.

В женском царстве восток узнается по почти непроницаемым пятнам в светимости, что-то вроде небольших обесцвеченных пятен.

Север имеет всестороннее излучение. Она излучает красноватое свечение, почти как жар.

Запад охвачена вся как бы тонкой пленкой, которая заставляет ее казаться темнее остальных.

Юг имеет перемежающееся сияние. Она секунду светится, а затем тухнет, чтобы вспыхнуть опять.

У нагваля-мужчины и нагваля-женщины заметны два различных движения в их светящихся телах. Их правые стороны колышутся, а левые вращаются.

В личностном смысле нагваль-мужчина является опорой — постоянным, неизменным. Женщина-нагваль всегда воюет и в то же время расслаблена; всегда осознает, но без напряжения. Оба они отражают 4 типа их пола, как 4 характера поведения.

Первой командой, которую дал орел нагвалю-мужчине и нагвалю-женщине, было разыскать своими силами другой набор четырех женских воинов, четырех направлений, которые были бы точной копией сталкеров, но которые были бы сновидящими.

Сновидящие кажутся видящему как бы с передничком волосовидных волокон средней части своего тела. У сталкеров такое же похожее на передник образование, но состоит оно не из волокон, а из бесчисленных мелких округлых протуберанцев.

Восемь женских воинов делятся на две группы, которые называются правой и левой планетами. Правую планету составляют 4 сталкера, а левую — 4 сновидящих. Воины каждой планеты были обучены орлом правилу их конкретной задачи; сталкеры обучались искусству красться; сновидящие — искусству сновидения. Два женских воина живут вместе. Они так похожи, что являются зеркальным отражением друг друга и лишь через безупречность могут они найти утешение и опознать в отражении друг друга.

Четыре сновидящих и 4 сталкера собираются вместе только тогда, когда им надо выполнить очень трудную задачу, но лишь при исключительных обстоятельствах станут эти четверо соединять свои руки, потому что их прикосновение сливает их в единое существо и должно совершаться только в случае крайней нужды или в момент покидания этого мира.

Два женских воина каждого направления связаны с одним из мужчин в любой необходимой комбинации, таким образом они образуют 4 дома, которые способны включать в себя столько воинов, сколько необходимо.

Мужские воины и курьер тоже могут образовывать независимую единицу или же действовать как отдельные существа в зависимости от обстоятельств.

Следующий приказ, полученный нагвалем и его партией состоял в том, чтобы найти еще трех курьеров. Они могли все быть женщинами или мужчинами или же составлять смешанную группу, но все мужчины должны были быть четвертого типа — помощниками, а женщины должны были быть югом.

Чтобы быть уверенным, что мужчина-нагваль поведет свою партию к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращенным, орел поместил женщину-нагваль в другой мир, чтобы она служила маяком, ведя всю партию к выходу.

Затем нагвалю и его воинам было приказано забыть. Они были брошены в тьму и им были даны новые задачи: вспомнить самих себя и вспомнить орла.

Приказ забыть был настолько сильным, что все разделились. Они уже не помнили, кто они такие. В намерение орла входило, что если они окажутся способными вспомнить самих себя вновь, то они найдут целостность самих себя. Только тогда у них была бы сила и отрешенность, необходимые для того, чтобы искать и встретить лицом к лицу свое конечное путешествие.

Их последней задачей — после того, как они восстановят целостность самих себя, было добыть новую пару двойных существ и преобразовать их в нового нагваля-мужчину и новую женщину-нагваль, открыв им правило. И точно так же, как первый нагваль-мужчина и первая женщина-нагваль были снабжены минимальной партией, они должны были снабдить новую пару нагвалей четырьмя женскими воинами, которые были бы сталкерами, тремя мужскими воинами и одним курьером.

Когда первый нагваль и его партия были готовы пройти через проход, первая женщина-нагваль ждала, чтобы провести их. Потом им было приказано взять новую женщину-нагваль с собой в другой мир для того, чтобы она служила маяком людям, оставляющим нового нагваля-мужчину в мире, чтобы повторить цикл.

В мире минимальное количество воинов под руководством нагваля равно 16:8 женских воинов, 4 мужских воина, считая нагваля, и 4 курьера. В момент покидания мира, когда новая женщина-нагваль с ними, число партии нагваля 17. Если его личная сила позволяет ему иметь больше воинов, то должно быть добавлено число, кратное четырем.

Я потребовал у дона Хуана ответ, как стало правило известно человеку. Он объяснил, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление подтверждений правила является работой видящих, чьей единственной задачей из века в век было видеть орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений видящие заключили, что при условии, если светящаяся скорлупа, заключающая человечность, будет сломана, появится возможность найти в орле слабое отражение человека. Непроизнесенные указания орла могут тогда быть восприняты видящими, правильно истолкованы ими и собраны в форме свода правил.

Дон Хуан объяснил, что правило — это не сказка и что перескочить к свободе не означает вечную жизнь в том смысле, как обычно понимается вечность, то есть жить всегда. Правило утверждает только то, что возможно сохранить сознание, которое обычно распадается в момент умирания. Дон Хуан не мог объяснить, что это значит — сохранить такое сознание, возможно, он даже не понимал этого.

Его бенефактор говорил ему, что в момент переходаходишь в третье внимание и тело во всей его полноте вспыхивает знанием. Каждая клетка мгновенно осознает саму себя и также осознает целостность тела.

Его бенефактор говорил ему также, что это сознание бессмысленно для нашего многокомнатного ума, поэтому критическая точка борьбы воина состоит не столько в том, чтобы осознать, что переход, о котором говорит правило, означает переход к третьему вниманию, сколько в том, что существует такое осознание вообще.

Дон Хуан сказал, что сначала правило было для него чем-то таким, что находится исключительно в царстве слов. Он не мог вообразить, каким образом правило может входить в фактический мир и его законы, однако под эффективным руководством его бенефактора и после очень большой работы он в конце концов ухватил истинную природу правила и принял его как ряд прагматических указаний, а не как миф. С этого момента у него не было проблем во всем, что касалось третьего внимания. Единственная преграда на его пути выросла из его полной убежденности, что правило — это карта, с которой он должен сверяться, чтобы найти в буквальном смысле проход в мир, лазейку. Каким-то образом он без всякой надобности задержался на первом уровне развития воина.

В результате собственная работа дона Хуана как лидера и учителя была направлена на то, чтобы помочь ученикам, в особенности мне, избежать повторения его ошибки. В чем он добился успеха, работая с нами, так это в том, что он пробовал нас через три стадии развития воина, не делая чрезмерного удара ни на одной из них.

Сначала он вел нас к принятию правила как карты, затем он вел нас к пониманию того, что можно достичь всеобщего осознания, если такое осознание существует, и, наконец, он провел нас к фактическому проходу в другой скрытый мир осознания.

Чтобы провести нас через первую стадию принятия правила как карты, дон Хуан взял раздел, относящийся к нагвалю и его роли, и показал нам, что там все соответствует неоспоримым фактам.

Он добился этого, позволив нам иметь, пока мы находились в состоянии повышенного осознания, неограниченные контакты с членами его собственной группы, которые были живым воплощением восьми типов людей, описанных правилом. Пока мы с ними общались, нам были открыты еще более сложные и содержательные аспекты правила, и, наконец, мы поняли, что включены в работу чего-то такого, что мы сначала рассматривали как миф, но что в действительности было картой.

Дон Хуан рассказал нам, что в этом аспекте его случай был идентичен нашему. Его бенефактор помог ему пройти через эту стадию, разрешив ему точно такое же общение. С этой целью он непрестанно переводил его то в левое, то в правое осознание, так же как поступал дон Хуан с нами.

На левой стороне он познакомил его с членами своей группы — с восемью женскими, тремя мужскими воинами и четырьмя курьерами, которые были, как полагается, точнейшими образцами типов, описанных правил.

Эффект знакомства и общения с ними был потрясающим для дон Хуана.

Это не только заставило его рассматривать правило как фактическое руководство, но и дало ему понять масштаб наших неизвестных возможностей.

Он сказал, что к тому времени, когда все члены его группы были собраны, он уже настолько основательно стоял на пути воина, что воспринял как само собой разумеющееся тот факт, что без каких-либо особых усилий с чьей-нибудь стороны они оказались копией воинов партии его бенефактора. Сходство их личных вкусов, пристрастий и т. п. Не было результатом подражания. Дон Хуан сказал, что они принадлежали, как отмечено правилом, к особым группам людей, которые имеют одни и те же входы и выходы. Единственным различием среди членов одной и той же группы были высота и тембр голоса и звук их смеха.

Стараясь объяснить мне последствия общения с воинами его бенефактора, дон Хуан затронул момент очень значительной разницы между его бенефактором и им самим и то, как они истолковывали правило, а также то, как они вели и учили других воинов принимать его как карту.

Он сказал, что существует два типа интерпретации — универсальная и индивидуальная. Универсальное толкование принимает установки основного отдела правила такими, как они есть. Для примера можно сказать, что орлу нет никакого дела до человеческих действий и все же он предоставил человеку лазейку к свободе.

Индивидуальная интерпретация, с другой стороны, является тем заключением, к которому приходят видящие, используя универсальные интерпретации как исходные данные.

Для примера можно сказать, что, поскольку орлу нет до меня никакого дела, я должен убедиться в том, что мои шансы достичь свободы возросли, благодаря, возможно, моей самоотверженности.

Согласно дону Хуану, он и его бенефактор были совершенно разными в отношении тех методов, которыми они пользовались, чтобы вести своих подопечных. Дон Хуан сказал, что основной чертой его бенефактора была жестокость. Он вел железной рукой и следуя своему убеждению, что с орлом ни о каких послаблениях не может быть и речи, он ничего никому не делал прямо. Вместо этого он активно помогал каждому действовать самостоятельно. Он считал, что дар свободы, пожалованный орлом — не исполненная благодать, а только шанс иметь это.

Дон Хуан, хотя и признавал достоинства метода своего бенефактора, не соглашался с ним. Позднее, когда он уже был самостоятельным, он сам увидел, что при этом методе тратится драгоценное время. Для него более уместным было поставить каждого перед определенной ситуацией и заставить его принять ее, а не ожидать, пока он будет готов принять ее самостоятельно. В этом состоял его метод со мной и другими учениками.

Пример, когда эта разница в руководстве сказалась наиболее сильно, был для дон Хуана в той обязательной встрече, которая у него была с воинами своего бенефактора. Заповедь правила состояла в том, что его бенефактор должен был найти для него сначала женщину-нагваль, а затем четырех женщин и четырех мужчин, которые составляли бы его группу воинов. Его бенефактор видел, что дон Хуан еще не имеет достаточной личной силы, чтобы принять на себя ответственность за женщину-нагваль. Поэтому он изменил последовательность и попросил женщин своей группы найти дону Хуану, сначала четырех женщин, а затем четырех мужчин.

Дон Хуан признался, что был захвачен идеей такой перестановки. В его понимании эти женщины предназначались ему, а в его уме это означало сексуальные отношения. Он, однако, необдуманно поделился своими предвкушениями с бенефактором и тот немедленно ввел дон Хуана в контакт с мужчинами и женщинами своей партии, оставив его одного общаться с ними.

Для дон Хуана встреча с этими воинами была настоящим испытанием и не только потому, что они намеренно контактировали с трудом, но и потому, что сама природа такой встречи должна быть прорывом.

Дон Хуан сказал, что взаимодействия в левостороннем осознании не произойдет, если не все ученики разделяют это состояние. Именно поэтому он переводил нас в левостороннее осознание только в тех случаях, когда мы должны были взаимодействовать с его воинами. Этой процедуре следовал и его бенефактор с ним.

Дон Хуан кратко рассказал мне о том, что произошло во время его первой встречи с членами группы его бенефактора. Он считал, что я, возможно, смогу использовать его опыт, хотя бы как пример того, что ожидать. Он сказал, что мир его бенефактора имел изумительную правильность. Членами его партии были индейские воины со всех концов мексикки. В то время когда он их встретил, они жили в отдаленном горном районе южной мексикки.

Когда дон Хуан добрался до их дома, его встретили две одинокие женщины — самые крупные индейские женщины, каких он когда-либо видел. Они были угрюмыми, мрачными, но с очень приятными чертами лица. Когда он попытался пройти между ними, они зажали его между своими огромными животами, схватили его за руки и стали избивать. Они бросили его на землю и уселись на него, чуть не раздавив ему грудную клетку. Они продержали его без движения почти 12 часов, тут же на месте торгуясь с его бенефактором, который должен был без остановки говорить всю ночь, пока, наконец, они не отпустили дон Хуана в середине утра. По его словам, больше всего его испугала непреклонность в глазах этих женщин. Он уже думал, что с ним все кончено, что они будут сидеть на нем, пока он не умрет, это, по их словам они и собирались делать.

В нормальных условиях после этого должен был последовать перерыв в несколько недель, прежде чем знакомиться с другими воинами, но из-за того, что бенефактор хотел оставить его в их среде одного, дон Хуан был немедленно отведен на встречу с другими. Он встретился со всеми в один день и все они относились к нему, как к грязи. Они утверждали, что он человек, не подходящий для работы, что он слишком неотесан и глуп, молод годами, но уже некоторым образом одряхлел и износился. Его бенефактор блестяще выступал в его защиту. Он говорил им, что они могут изменить эти условия и, что, как для них, так и для дон Хуана должно быть высшим удовольствием принять такой вызов.

Дон Хуан сказал, что его первое впечатление было правильным. Для него с этих пор была только работа и нескончаемые трудности. Женщины видели, что дон Хуан был ненадежным и что ему нельзя было доверить выполнение такой сложной и деликатной задачи, как вести четырех женщин. Поскольку они сами были видящими, они создали свою собственную интерпретацию правила и решили, что дону Хуану будут вначале полезны четыре мужчины, а затем уже четыре женщины.

Дон Хуан сказал, что их видение было верным, потому что для того, чтобы иметь дело с женскими воинами, нагваль должен находиться в состоянии всепоглощающей личной силы, в состоянии возвышенности и контроля, где человеческие чувства играют минимальную роль, а это такое состояние, которое в то время было невообразимо для него.

Его бенефактор поместил его под непосредственное наблюдение двух западных женщин — самых свирепых и бескомпромиссных воинов из всех. Дон Хуан сказал, что западные женщины, в полном соответствии с правилом, безумствуют и о них надо заботиться.

Под нагрузкой искусства сновидения и искусства сталкинга они теряют свою правую сторону — свой рассудок. Их ум легко воспламеняется из-за того, что их левостороннее осознание необыкновенно обострено. Потеряв свою рассудочную сторону, они становятся безупречными сновидящими и сталкерами, поскольку их не тормозит и не сдерживает больше никакой рациональный балласт.

Дон Хуан сказал, что эти женщины излечили его от похоти. В течение 6 месяцев он большую часть времени проводил в корсете, подвешенный к потолку их сельской кухни, как коптящийся окорок, пока он не очистился основательно от мыслей о достижениях и личном удовлетворении.

Дон Хуан объяснил, что кожаный корсет — превосходное приспособление для излечения некоторых заболеваний, которые не являются физическими.

Идея состоит в том, что чем выше человек подвешен и чем дольше он не имеет возможности коснуться земли, болтаясь в воздухе, тем больше возможность по-настоящему очищающих последствий. В то время как дон Хуан очищался западными воинами, остальные женщины были заняты розысками мужчин и женщин для его партии. Чтобы выполнить это, потребовались годы.

Тем временем дон Хуан был вынужден самостоятельно взаимодействовать со всеми воинами своего бенефактора. Присутствие этих воинов и его контакт с ними оказались настолько подавляющими для дон Хуана, что он уже считал, что никогда не выберется из-под их гнета. Результатом явилось его полное и буквальное принятие правила. По словам дон Хуана, он тратил невосполнимое время, размышляя о существовании действительного прохода в другой мир. Он считал это ошибкой, которую следует избегать, во всяком случае, чтобы уберечь меня

от нее, он позволил, чтобы требуемое взаимодействие с членами его группы проходило тогда, когда я был защищен присутствием Горды или любого другого ученика.

В моем случае встреча с воинами дона Хуана была конечным результатом длительного процесса. Они никогда не упоминались в случайных разговорах с доном Хуаном.

Я знал об их присутствии единственно из требований правила, которые дон Хуан открывал мне по частям. Позднее он признал, что они существуют и что в должное время мне будет нужно встретиться с ними. Он подготовил меня к столкновению с ними, дав общие инструкции и указания.

Он предупредил меня против общей ошибки в переоценке левостороннего осознания — в ослеплении его ясностью и силой. Он сказал, что находиться в левостороннем осознании совсем не означает немедленного освобождения от собственной глупости. Оно означает только расширенную способность воспринимать, большую легкость понимания и обучения и превыше всего большую возможность забывать.

Когда приблизилось мое время встретиться с воинами дона Хуана, он дал мне общее описание партии своего бенефактора, опять в виде вех, которые я мог бы использовать сам. Он сказал, что для внешнего наблюдателя мир его бенефактора казался бы временами состоящим из четырех домов.

Первый был образован южными женщинами и курьером нагваля, второй — восточными женщинами, ученым и мужчиной-курьером, третий — северными женщинами, человеком действия и другим мужчиной-курьером, четвертый — западными женщинами, человеком за сценой и третьим мужским курьером.

В другое время этот мир мог бы казаться состоящим из групп. Там была группа совершенно непохожих друг на друга пожилых мужчин, которыми были бенефактор дона Хуана и его три мужские воина. Затем была группа четырех очень похожих друг на друга мужчин, которые были курьерами, группа, состоящая из двух пар внешне идентичных женщин-близнецов, которые жили вместе и являлись южными и восточными женщинами, и две другие пары, по внешности сестер, которые были северными и западными женщинами.

Эти женщины не были родственниками — они просто выглядели одинаково из-за того огромного количества личной силы, которой обладал бенефактор дона Хуана.

Дон Хуан описывал южных женщин как двух мастодонтов пугающего вида, но очень дружелюбных и теплых.

Восточные женщины были очень красивы, свежи и забавны — истинное наслаждение для глаз и ушей.

Северные женщины были исключительно женственными, пустыми, кокетливыми, озабоченными своим возрастом, но в то же самое время ужасно прямыми и нетерпеливыми.

Западные женщины временами бывали безумны, но в другое время были воплощением жесткости и целенаправленности. Именно они больше всего беспокоили дона Хуана, потому что он не мог совместить тот факт, что они, будучи столь трезвы, добры и дружелюбны, могут в любой момент потерять свою выдержку и буквально обезуметь.

Мужчины, с другой стороны, ничем не запомнились дону Хуану. Он считал, что в них не было ничего столь замечательного. Он, казалось, были целиком поглощены потрясающей силой устремленности женщин и всеподавляющей личностью его бенефактора.

Насколько это касалось его собственного пробуждения, дон Хуан говорил, что, будучи брошенным в мир своего бенефактора, он осознал, насколько легко и удобно ему было идти по миру без всяких ограничений. Он понял, что его ошибкой было считать, будто его цели являются единственно стоящими из всех, какие может иметь человек. Всю свою жизнь он был марионеткой и поэтому его всепоглощающая амбиция состояла в том, чтобы иметь материальные блага, чтобы быть кем-нибудь. Он был настолько занят своим желанием вырваться вперед и своим отчаянием, оттого, что это не удастся, что у него не было времени осмотреться и проверить хоть что-нибудь. Он с радостью примкнул к своему бенефактору, потому что понял, что ему предоставляется возможность что-то сделать из самого себя. Он думал, что тут по крайней мере есть возможность научиться быть магом, если уж ничего нет иного.

Он признался, что погружение в мир своего бенефактора для него было подобно эффекту воздействия испанского завоевания на индейскую культуру — оно разрушило все, но в то же время заставило сделать перепроверку самих себя.

Моей реакцией на подготовку к встрече с партией воинов дона Хуана были, как это ни странно, не благоговение и страх, а мелочная интеллектуальная озабоченность по двум вопросам. Первое было заявление, что в мире существует только четыре типа мужчин и четыре типа женщин. Я возражал дону Хуану, что размах индивидуальной изменчивости в людях слишком велик для такой простой схемы. Он не согласился со мной.

Он сказал, что правило окончательно и что в нем нет места для определенного числа типов людей.

Вторым вопросом была культурная подоплека знания дона Хуана. Он и сам не знал ее. Он рассматривал это знание как продукт своего рода всеиндейский. Его предположение относительно происхождения этого знания было то, что в какое-то время в мире индейцев, задолго до завоевания, ожило искусство управления вторым вниманием. Оно, вероятно, развивалось в течение тысячелетий без всяких помех и развилось до такой точки, что потеряло свою силу.

Практики того времени не могли испытывать надобности в контроле и, таким образом, не имея препятствия, второе внимание, вместо того, чтобы становиться сильнее, становилось слабее в силу своей возросшей усложненности. Затем явились испанские завоеватели и своей превосходящей технологией уничтожили индейский мир. Дон Хуан сказал, что его бенефактор был убежден, что лишь горстка этих воинов выжила, смогла вновь собрать свое знание и изменить свою тропу. Все, что дон Хуан и его бенефактор знали о втором внимании, было лишь реставрированной версией, новой версией, которая имеет встроенные ограничения, потому что она выковывалась в условиях жесточайшего угнетения.

10. ПАРТИЯ ВОИНОВ НАГВАЛЯ

Когда дон Хуан решил, что мне пришло время впервые столкнуться с его воинами, он изменил у меня уровень осознания, затем он дал мне ясно понять, что он сам никак не будет влиять на то, как меня встретят. Он предупредил меня, что если они решат меня избить, то он не сможет их остановить. Они могут делать все, что хотят, только не могут меня убить. Он вновь и вновь подчеркивал, что воины его партии являются точной копией тех, что были у его бенефактора, с тем исключением, что некоторые женщины более свирепы, а все мужчины уникальны и могущественны, поэтому моя первая встреча с ними может походить на падение вниз головой.

Я был встревожен и нервничал с одной стороны, но с другой меня одолевало любопытство. У меня в уме бешено сменяли друг друга мысли, главным образом о том, как будут выглядеть эти воины.

Дон Хуан сказал, что у него есть выбор: или направить меня на запоминание ритуала, как было сделано с ним самим, или сделать встречу предельно произвольной. Он ожидал знака, чтобы решить, какой выбор принять. Его бенефактор делал нечто подобное, только он настоял, чтобы дон Хуан научился ритуалу раньше, чем показался знак. Когда дон Хуан открыл свои мечты о том, как он будет спать с четырьмя женщинами, его бенефактор истолковал это как знак, избрал ритуал и кончил тем, что торговался, как свиноторговец, из-за жизни дона Хуана.

В моем случае дон Хуан хотел получить знак прежде, чем он научит меня ритуалу. Этот знак пришел, когда мы с доном Хуаном проезжали пограничный городок в аризоне и полицейский остановил машину. Полицейский решил, что я незаконно въехавший иностранец. Лишь после того, как я показал ему свой паспорт, который он заподозрил в подделке, и другие документы, он разрешил мне ехать дальше. Все это время дон Хуан находился на переднем сиденье рядом со мной, и полицейский не уделил ему ни одного взгляда. Он был занят только мной. Дон Хуан решил, что этот случай и есть тот знак, которого он ждал. Его интерпретацией было то, что для меня будет очень опасно привлекать к себе внимание, и он заключил, что мой мир должен быть миром совершенной простоты и открытости. Сложный ритуал и помпезность должны быть в данном случае изъяты. Он заметил, однако, что минимальное соблюдение ритуальных правил будет в порядке вещей при моем знакомстве с его воинами. Я должен начать с приближения к ним со стороны юга, потому что именно в этом направлении идет непрекращающийся поток энергии.

Жизненная сила течет к нам с юга и оставляет нас, уходя на север. Он сказал, что единственный вход в мир нагваля идет с юга и что ворота образованы двумя женскими воинами, которые будут приветствовать меня и позволят мне пройти, если они того захотят.

Он привел меня к дому на окраине городка в центральной мексике. Когда мы приблизились к нему пешком со стороны юга, я увидел двух массивных индианок, стоящих в полутора метрах от дверей дома, стоя на твердой, спекшейся почве грунтовой дороги.

Эти две женщины были необыкновенно мускулисты и крепко сбиты. У обеих были длинные иссиня-черные волосы, собранные в одну толстую косу. Выглядели они как сестры. Они были примерно одного роста и веса, я прикинул, что их рост был примерно 160 см, а вес около 75 кг. Одна была с исключительно темным лицом, другая намного светлее. Одеты они были как типичные индейские женщины из центральной мексики — длинное свободное платье, шаль и самодельные сандалии.

Дон Хуан остановил меня в метре от них. Он повернулся к женщине слева от нас и заставил меня повернуться к ней. Он сказал, что ее зовут Сесилия и что она сновидящая. Затем он резко повернулся, не дав мне времени что-нибудь сказать и заставил меня обратиться лицом к более

темной женщине он сказал, что ее имя Делия и что она сталкер. Женщины кивнули мне. Они не улыбались, не двигались пожать мне руку и не сделали ни одного приглашающего жеста.

Дон Хуан прошел между ними, как если бы они были двумя колоннами, отмечающими ворота. Он сделал пару шагов и обернулся, как бы ожидая, что женщины пригласят меня пройти между ними. Женщины секунду спокойно смотрели на меня, затем Сесилия попросила меня войти, как если бы я был на пороге настоящего дома.

Дон Хуан показывал дорогу к дому. У передней двери мы обнаружили мужчину. Он был очень худощав. На первый взгляд он казался исключительно молодым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что ему, видимо, около 60. Он казался мне старым ребенком небольшого роста, худощавым, с проникновенными темными глазами. Он был подобен альфу, подобен тени. Дон Хуан представил его мне как Эмилито, сказав, что это его курьер и помощник во всех делах, который будет рад приветствовать меня сам.

Мне казалось, что Эмилито действительно наиболее подходящее существо для того, чтобы приветствовать кого бы то ни было. Его улыбка излучала радушие, его мелкие зубы были совершенно ровными. Он пожал мне руку, вернее он скрестил свои руки, схватив ими обе мои. Казалось, что он был переполнен удовольствием. Можно было поклясться, что он в экстазе от радости видеть меня. Его голос был очень мягким, а глаза сверкали.

Мы прошли в большую комнату. Там была еще одна женщина. Дон Хуан сказал, что ее имя Тереза и что она является курьером Сесилии и Делии.

Ей, вероятно, было слегка за 20 и выглядела она определенно как дочка Сесилии.

Она была очень спокойна и молчалива, но очень дружелюбна. Мы прошли за доном Хуаном в заднюю часть дома, где находилась крытая веранда. Там мы сели за стол и после скудного обеда разговаривали, пока время не перевалило за полночь.

Эмилито был за хозяина. Он очаровывал и развлекал всех своими экзотическими рассказами. Женщины раскрылись. Они были для него прекрасными слушателями. Слушать смех женщин было исключительным удовольствием. Они были поразительно мускулистыми, смелыми и материальными. В одном месте, когда Эмилито сказал, что Сесилия и Делия являются для него двумя матерями, а Тереза дочкой, они подняли его и подкинули в воздух, как ребенка.

Из двух женщин Делия казалась более рассудительной, более близкой к земле. Сесилия была, наверное, более «не от мира сего», но она, казалось, имела большую внутреннюю силу. Она дала мне впечатление более трудновыносимой или более беспокойной. Ее, казалось, раздражали некоторые из рассказов Эмилито.

Тем не менее, она определенно настораживалась, когда он рассказывал свои так называемые «легенды вечности». Перед каждым рассказом он вставлял: «а знаете ли вы, дорогие друзья, что...». Рассказ, который оказал на меня наибольшее впечатление, был о неких существах, которые, как он сказал, существуют во вселенной и которые теснейшим образом напоминают человеческие существа, но людьми не являются, существа, все интересы которых захвачены движением и которые способны заметить малейшее колебание внутри себя или снаружи. Эти существа настолько чувствительны к движению, что все их устремления направлены на поиски покоя.

Эмилито пересыпал свои сказки вечности самыми неприличными, грязными анекдотами. Из-за его необычайного дара рассказчика я понимал каждую из его историй как метафору или притчу, которой он учил нас чему-нибудь.

Дон Хуан сказал, что дон Эмилито просто докладывает о том, чему он был свидетелем в своих путешествиях по бесконечности. Роль курьера состояла в том, чтобы путешествовать впереди нагваля, подобно лазутчику в военных операциях. Эмилито уходил за границы второго внимания и все, чему он был свидетелем, он передавал остальным.

Моя вторая встреча с воинами дона Хуана прошла так же без осложнений, как и первая.

Однажды дон Хуан сместил у меня уровень осознания и сказал мне, что меня ждет вторая встреча.

Он велел мне ехать в г. Закатекас в Северной Мексике. Мы прибыли туда очень рано утром. Дон Хуан сказал, что здесь у нас будет просто остановка и что нам надо передохнуть до завтрашнего дня, когда нам предстоит прибыть на мою вторую формальную встречу, чтобы познакомиться с восточными женщинами и воином-ученым из его партии. Потом он объяснил мне тонкий и запутанный момент выбора. Он сказал, что мы встретили юг и курьера в середине второй половины дня, потому что он сделал индивидуальную интерпретацию правила и выбрал этот час как отражающий ночь. Юг в действительности был ночью — теплой, дружелюбной, уютной ночью, и по правилам мы должны были идти на встречу с теми двумя южными женщинами после полуночи, это оказалось бы для меня нежелательным, потому что моя общая направленность была к свету, к оптимизму — тому оптимизму, который гармонично сам собой перерабатывается в загадку тьмы. Он сказал, что именно это мы и проделали в тот день: мы

наслаждались компанией друг друга и разговаривали, пока не стало совершенно темно. Я еще удивлялся тогда, почему никто не зажег лампу.

Дон Хуан сказал, что восток, напротив, является утром, светом, и восточных женщин мы будем встречать завтра в середине утра.

Перед завтраком мы пошли на площадь и сели на скамейку. Дон Хуан сказал мне, что он оставит меня здесь подождать его, пока он сделает еще кое-какие свои дела. Он ушел, а вскоре после его ухода подошла женщина и села на другой конец скамейки. Я не обратил на нее никакого внимания и стал читать газету. Через минуту еще одна женщина присоединилась к первой. Я хотел пересесть на другую скамейку, но вспомнил, что дон Хуан специально подчеркнул, чтобы я сидел здесь и никуда не уходил. Я повернулся к женщинам спиной и уже позабыл даже об их существовании, так тихо они сидели, когда с ними поздоровался какой-то мужчина и остановился лицом ко мне. Из разговора я понял, что женщины ждали его. Мужчина извинился за опоздание. Он явно хотел сесть. Я отодвинулся, давая ему место. Он пышно меня поблагодарил и извинился, что причинил мне беспокойство. Он сказал, что они, будучи сельскими жителями, совершенно теряются в городе, и что однажды, когда они ездили в город мексико, они чуть не погибли из-за транспорта. Он спросил меня, живу ли я в Экатекасе. Я сказал «нет» и уже хотел оборвать всякий разговор, когда заметил в его улыбке какую-то хитринку. Он был пожилым человеком, замечательно сохранившимся для своего возраста. Он не был индейцем. Выглядел он благородным фермером из какого-нибудь сельского местечка. На нем был костюм и соломенная шляпа. Черты его лица были очень тонкими, кожа казалась почти прозрачной, окаймленной тщательно подстриженной бородкой. Здоровье, казалось, переполняло его, и в то же самое время он казался хрупким. Роста он был среднего, но казался худощавым, почти тощим.

Он поднялся и представился, сказав, что его зовут Висенте Медрано и что он приехал в город по делам только на один день. Затем он указал на женщин и сказал, что это его сестры. Женщины встали и повернулись к нам. Они были очень худенькими, а их лица темнее, чем у брата. Они были также намного моложе его. Одна из них могла бы быть его дочерью.

Я заметил, что кожа у них не такая, как у него: у них она была сухой. Обе женщины были очень хорошенькими. Как и у мужчины, у них были тонкие черты лица, а глаза их были чистыми и спокойными. Рост обеих был около 160 см. Одеты они были в прекрасно сшитые платья, но со своими шальями, туфлями на низком каблуке и темными хлопчато-бумажными чулками они выглядели зажиточными селянками. Старшей, казалось, было уже за 50, а младшей — между 40 и 50.

Мужчина представил их мне. Старшую звали Кармела, а младшею Гермелинда. Я поднялся и пожал им руки. Я спросил, есть ли у них дети. Обычно этот вопрос я употреблял как верную завязку разговора. Женщины засмеялись и одновременно провели руками по своим животам, показывая, какие они стройные. Мужчина спокойно объяснил мне, что его сестры — старые девы, а он сам старый холостяк. Он поведал мне полушутливым тоном, что его сестры, к сожалению, слишком мужеподобны, не имея той женственности, которая делает женщин желанными, они не смогли найти себе мужей.

Я сказал, что тут они выгадали, если учесть роль женщины в нашем обществе, как полуприслуги. Женщины не соглашались со мной, сказав, что они ничего не имели бы против того, чтобы быть служанками, как полагается женщинам. Мужчина со вздохом пожаловался, что их отец был просто деспотом, что даже ему помешал жениться тем, что намеренно не учил его, как быть женихом. Они все трое вздохнули и помрачнели. Мне хотелось засмеяться.

После долгого молчания мы опять уселись и мужчина сказал, что если я посижу немного на этой скамейке, то у меня будет шанс встретиться с их отцом, который еще очень бодр для своего преклонного возраста. Он добавил смущенным тоном, что их отец собирается повести их позавтракать, так как у них самих никогда не бывает никаких денег. Тесемки кошелька всегда были в руках их отца.

Я опешил. Эти старые люди, которые выглядели так бодро, в действительности были подобны слабым зависимым детям. Я попрощался с ними, чтобы уйти. Мужчина и его сестры настаивали, чтобы я остался. Они заверили меня, что их отцу будет приятно, если я составлю им компанию за завтраком. Я не хотел встречаться с их отцом и в то же время меня одолевало любопытство. Я сказал им, что сам жду кое-кого. При этих словах женщины начали посмеиваться, а затем разразились хохотом. Мужчина тоже всецело отдался хохоту. Я чувствовал себя в глупом положении. Я хотел отсюда убраться. В этот момент показался дон Хуан, и я понял их маневр. Я не находил его забавным.

Мы все поднялись. Они еще продолжали смеяться, когда дон Хуан говорил мне, что эти женщины были восток, что Кармела — сталкер, а Гермелинда — сновидящая и что Висенте является воином-ученым и его старейшим компаньоном.

Когда мы покидали площадь, к нам присоединился еще один человек — высокий, темный индеец, его возраст был, вероятно, больше 40 лет. Он был одет в джинсы и ковбойскую шляпу.

Выглядел он ужасно сильным и мрачным. Дон Хуан представил его мне как Хуана Туму, курьера и помощника в изысканиях Висенте.

Мы прошли несколько кварталов до ресторана. Женщины держали меня между собой. Кармела сказала, что надеется, что я не обиделся на их шутку, так как у них был выбор прямо представиться мне или подурочить меня немного.

К последнему варианту их склонило мое снобистское к ним отношение и то, что я повернулся к ним спиной и даже хотел пересест на другую скамейку.

Гермелинда добавила, что следует быть предельно смиренным и не иметь ничего, что требовалось бы защищать, — даже собственную личность. Собственная личность должна быть защищенной, но не защищаемой. Проявляя к ним высокомерие, я не был защищенным, а просто защищался.

Я был в склочном настроении. Их маскарад вышиб меня из колеи. Я стал спорить, но прежде, чем успел высказать свое мнение, ко мне подошел дон Хуан. Он сказал женщинам, что им следует простить мою задиристость, так как нужно очень много времени, чтобы счистить те отбросы, которые прилипают к светящемуся яйцу в мире.

Хозяин ресторана, куда мы пришли, знал Висенте и приготовил нам изысканный завтрак. Все были в прекрасном настроении, но я никак не мог освободиться от своего недовольства. Тогда, по просьбе дона Хуана, Хуан Тума начал рассказывать о своих путешествиях. Он был очень детален. Я был загипнотизирован его сухими отчетами о вещах, выходявших за границы моего понимания. Мне наиболее захватывающим показалось его описание неких лучей света или энергии, которые, пересекаясь, постоянно держат в точке пересечения землю. Он сказал, что эти лучи не колеблются и не изменяются, как вообще все во вселенной, но фиксированы в определенном порядке. Этот порядок совпадает с сотнями точек светящегося тела. Гермелинда поняла так, что все эти точки находятся в нашем физическом теле, но Хуан Тума объяснил, что поскольку светящееся тело относительно велико, некоторые из точек удалены чуть ли не на метр от физического тела. В каком-то смысле они вне нас, но в то же самое время это не так: они находятся на периферии нашей светимости и, таким образом, все еще относятся к общему телу. Самая важная из этих точек находится в 30 см от живота, на 40 вправо от воображаемой линии, идущей прямо вперед. Хуан Тума сказал нам, что это центр сбора второго внимания и что этим центром можно манипулировать, мягко похлопывая воздух ладонями рук. Слушая Хуана Туму, я забыл о своем гневе.

Моей следующей встречей с миром дона Хуана был запад. Он пространно меня предупредил, что встреча с западом — наиболее важное событие, потому что именно западу решать так или иначе, что я буду делать впоследствии. Он также насторожил меня, сказав, что это будет испытанием, особенно для меня, поскольку я такой негибкий и чувствую себя столь важной персоной. Он сказал, что к западу естественно приближаться в сумерках — время дня, трудное само по себе, и что его воины запада очень могущественны, отважны, но временами безумны. В то же самое время я встречаюсь там с мужским воином, который является человеком за сценой. Дон Хуан призывал меня сохранять крайнюю осторожность и крайнее терпение, потому что там женщины не только безумствовали временами, но как они, так и тот мужчина являлись самыми могущественными воинами, каких он когда-либо знал. По его мнению, они были совершеннейшими авторитетами во втором внимании. Дальше эту мысль дон Хуан не развивал.

Однажды, как бы под влиянием внезапного решения, он сказал, что теперь самое время для нас отправиться в поездку для встречи с западными женщинами. Мы доехали до какого-то городка в северной мексике.

Как раз перед тем, как стемнело, дон Хуан велел мне остановить машину перед большим неосвещенным домом на окраине города. Мы вышли из машины и подошли к главной двери. Дон Хуан несколько раз постучал, но никто не ответил. У меня было ощущение, что мы приехали не вовремя. Дом казался пустым.

Дон Хуан продолжал стучать, пока не устал. Он сказал, чтобы я продолжал стучать без остановки, потому что люди, которые там живут, плохо слышат. Я спросил его, не будет ли лучше вернуться позже или на следующий день. Он велел мне продолжать барабанить в дверь.

После бесконечного, казалось, ожидания, дверь начала медленно растворяться.

Какая-то невообразимо мрачная женщина высунула голову и спросила, не является ли моим намерением проломить дверь или разбудить всех соседей и собак.

Дон Хуан сделал шаг вперед, чтобы что-то сказать. Женщина вышла наружу и с силой отмела его в сторону. Она стала грозить мне пальцем, вопя, что я веду себя так, будто весь мир принадлежит только мне и будто никто, кроме меня, и не существует вовсе. Я запротестовал, что делал только то, что велел мне дон Хуан. Женщина спросила, было ли мне велено проламывать дверь. Дон Хуан попытался вмешаться, но опять был отметен в сторону.

Женщина выглядела так, будто только что встала с постели. Она была в полном беспорядке. Наш стук, наверное, разбудил ее и она, видимо, надела платье из корзины с грязным бельем. Она была босая. Волосы ее были с сединой и страшно всклокоченные. У нее были красные

глаза, похожие на пуговицы. Она была домашней женщиной, но каким-то образом страшно внушительной и довольно высокой, около 170 см, темной и ненормально мускулистой. Ее голые руки были покрыты буграми мышц. Я заметил, что у нее очень красивой формы колени. Она мерила меня глазами с ног до головы, возвышаясь надо мной, и кричала, что не слышит моих извинений. Дон Хуан прошептал, что мне следует извиниться громко и ясно.

Как только я это сделал, женщина улыбнулась и, повернувшись к дону Хуану, обняла его, как ребенка. Она укоряла его, что не нужно было разрешать мне стучать, так как мои прикосновения к двери слишком скользкие и беспокоящие. Она взяла дону Хуана за руку и повела его в дом, помогая ему перешагнуть высокий порог. Она называла его «миленький старикашка». Дон Хуан смеялся. Мне было страшно видеть, что он ведет себя так, будто ему приятен тот вздор, что говорит эта ужасная женщина. Как только она завела «милейшего старикашку» внутрь дома, она повернулась ко мне и сделала знак рукой, как бы отгоняя прочь прилюдную собаку. Она рассмеялась над моим удивлением, ее зубы были большими, неровными и грязными. Затем она, казалось, переменяла свое решение и сказала, чтобы я вошел.

Дон Хуан направился к двери, которую я едва мог видеть в конце темного зала. Женщина выбрала его за то, что он идет, куда не следует. Она провела нас через другой темный холл. Дом казался огромным, и во всем доме не было света нигде. Женщина открыла дверь в очень большую комнату, почти пустую, кроме двух старых кресел в центре под самой тусклой электрической лампочкой, какую я когда-либо видел. Это была старомодная длинная лампочка.

Еще одна женщина сидела в одном из кресел. Первая женщина села на маленький соломенный половичок на полу и прислонилась спиной к другому креслу, затем она прижала колени к груди, совершенно при этом обнажившись. Она не носила трусов. Я уставился на нее, совершенно ошеломленный.

Отвратительно грубым тоном женщина спросила меня, почему я так уставился в ее влагище. Я не знал, что сказать, и поэтому стал отнекиваться. Она поднялась и, казалось, собиралась ударить меня. Она требовала, чтобы я признался, что глазел на нее с разинутым ртом, потому что никогда в своей жизни не видел влагища. Я чувствовал себя виноватым. Я был страшно раздражен и в то же время недоволен тем, что меня поймали в такой ситуации.

Женщина спросила дону Хуана, что это я за нагваль, если никогда не видел влагища. Она повторяла это вновь и вновь, выкрикивая это во весь голос. Она обежала вокруг комнаты и остановилась около той женщины, что сидела. Она потрясла ее за плечи и, указывая на меня, сказала, что я — мужчина, который ни разу не видел влагища за всю свою жизнь. Она смеялась надо мной и преследовала меня.

Я был обижен. Я чувствовал, что дон Хуан должен был что-нибудь сделать, чтобы спасти меня от этого посмешища. Я вспомнил, как он говорил мне, что эти женщины бывают совершенно безумны. Он еще недооценил их: эта женщина была готова для психбольницы. Я взглянул на дону Хуана, ища поддержки и совета. Он смотрел в сторону. Он казался таким же растерянным, хотя мне показалось, что я поймал злорадную улыбку, которую он быстро скрыл, отвернув голову. Женщина легла на спину и задрала юбку, приказав мне смотреть, сколько моей душе угодно, вместо того, чтобы бросать взгляды украдкой. Должно быть, лицо у меня покраснело, судя по тому, каким жаром облило мне голову и шею. Я был так раздражен, что чуть не потерял контроль над собой. Мне хотелось разбить ей голову. Та женщина, что сидела в кресле, внезапно поднялась и, схватив первую за волосы, рывком поставила ее на ноги, совершенно без видимых усилий. Она уставилась на меня через полуприкрытые глаза, придвинув свое лицо на расстояние 5-7 см от моего. Ее запах был на удивление свежим. Очень высоким голосом она сказала, что мы должны перейти к делу. Обе женщины стояли теперь рядом со мной под электрической лампочкой. Они не были похожими. Вторая женщина была старше и ее лицо было покрыто толстым слоем косметической пудры, что придавало ей вид клоуна. Ее волосы были ровно уложены в шиньон. Она казалась спокойной, разве что у нее постоянно дрожала нижняя губа и подбородок. Обе женщины были одинаково высокими и сильными на вид. Они угрожающе нависали надо мной и долгое время пристально на меня смотрели. Дон Хуан ничего не предпринимал, чтобы прервать их пристальное разглядывание. Старшая женщина кивнула головой, и дон Хуан сказал мне, что ее имя Зулейка и что она сновидящая. Женщину, которая открыла нам дверь, звали Зойла и она была сталкером. Зулейка повернулась ко мне и голосом попугая спросила, верно ли то, что я никогда еще не видел влагища. Дон Хуан не мог больше сдерживаться и начал хохотать. Жестом я дал ему знать, что не знаю, как отвечать. Он прошептал мне на ухо, что для меня будет лучше, если я скажу, что не видел, а иначе я должен быть готов описать влагище, потому что именно это Зулейка потребует от меня затем. Я так и ответил, и Зулейка сказала, что ей жалко меня. Затем она приказала Зойле показать мне влагище. Зойла улеглась на спину под электрической лампочкой и раздвинула ноги. Дон Хуан смеялся и кашлял от смеха. Я попросил вывести меня из этого сумасшедшего дома. Он прошептал мне на ухо, что мне лучше будет смотреть

хорошенько и казаться при этом внимательным и заинтересованным, потому что иначе нам придется оставаться здесь до прихода царствия небесного. После моего тщательного и внимательного осмотра Зулейка сказала, что я знаток, и что если я когда-нибудь еще натолкнусь на женщину без трусов, то не буду настолько грубым и грязным, чтобы позволять своим глазам выскакивать на лоб, потому что я теперь-то видел влагилице. Зулейка очень тихо провела нас во внутренний дворик. Она прошептала, что тут есть некто, ожидающий встречи со мной. Во дворике было совершенно темно. Я едва различал силуэты остальных. Затем я видел темные очертания человека, стоящего в нескольких футах от меня. Мое тело испытало произвольный толчок. Дон Хуан заговорил с этим человеком очень тихим голосом, говоря, что привел меня для встречи с ним. Он назвал этому человеку мое имя. После секундного молчания дон Хуан сказал мне, что имя этого человека Сильвио Мануэль и что он воин темноты и фактически лидер всей партии воинов. Затем Сильвио Мануэль заговорил со мной. Я подумал, что у него, видимо, какой-то дефект речи. Его голос был приглушенным и слова вылетали зарядами, словно мягкое покашливание. Он приказал мне подойти поближе. Когда я попытался приблизиться к нему, он отделился так, будто висел в воздухе. Он провел меня в еще более темный конец зала, двигаясь неслышно назад. Он пробормотал что-то, чего я не мог понять. Я хотел заговорить, но в горле першило и пересохло. Он еще 2-3 раза повторил мне что-то, пока до меня не дошло, что он велит мне раздеться. В его голосе и в окружающей темноте было что-то могущественное; я был не способен послушаться. Сняв с себя одежду, я стоял совершенно голый, трясаясь от холода и страха. Было настолько темно, что я не мог сказать, здесь ли дон Хуан и те две женщины. Я услышал тихое продолжительное шипение из какого-то источника в нескольких футах от меня и, ощутив холодный ветерок, понял, что Сильвио Мануэль, выдыхая воздух, обдувает им все мое тело. Затем он попросил меня сесть на мою одежду и смотреть на яркую точку, которую я легко мог различать в темноте — точку, которая, как мне казалось, излучала слабый желтоватый свет. Я смотрел на эту точку, помоему, бесконечно долго, пока не сообразил внезапно, что точкой яркости был левый глаз Сильвио Мануэля. После этого я уже мог различить контуры его лица и тела. В холле не было настолько темно, как казалось. Сильвио Мануэль приблизился ко мне и помог мне подняться. Мысль о том, что можно с такой ясностью видеть в темноте, захватила меня. Мне даже было все равно, что я раздет, или, то, что, как я теперь видел, обе женщины наблюдали за мной. Очевидно, они тоже могли видеть в темноте, так как они в упор смотрели на меня. Я хотел надеть штаны, но Зойла вырвала их у меня из рук. Обе женщины и Сильвио Мануэль долгое время смотрели на меня, затем дон Хуан, подойдя из ниоткуда, вручил мне мои туфли, и Зойла провела нас по коридору к открытому дворику с деревьями. Я различил темный силуэт женщины, стоящей в центре дворика. Дон Хуан заговорил с ней, и она что-то пробормотала в ответ. Он сказал мне, что она южная женщина, что ее имя Марта и что она является курьером двух западных женщин. Марта сказала, что она могла бы поспорить, что я никогда еще не знакомился с женщиной, будучи голым, и что нормальным является сначала знакомиться, а уже потом раздеваться. Она громко рассмеялась. Ее смех был таким приятным, таким чистым и молодым, что по мне пошла дрожь. Этот смех перекачивался по всему дому, усиливаясь темнотой и тишиной вокруг. Я взглянул на дону Хуана, ища его поддержки, но его не было; не было и Сильвио Мануэля. Я остался один с тремя женщинами. Забеспокоившись, я спросил у Марты, не знает ли она, куда ушел дон Хуан. Как раз в этот момент кто-то схватил кожу на моих запястьях; я взвыл от боли. Я знал, что это был Сильвио Мануэль. Он поднял меня так, будто я вообще ничего не весил, и стряхнул с меня туфли. Затем он поставил меня в низкий бак с ледяной водой и опустил к моим коленям. Я оставался в баке долгое время, пока все они пристально меня изучали. Затем Сильвио Мануэль опять поднял меня и поставил рядом с моими туфлями, которые кто-то аккуратно установил рядом с баком. Дон Хуан опять вышел из ниоткуда и вручил мне мою одежду. Он прошептал, что мне следует одеться и оставаться еще некоторое время, чтобы быть вежливым. Марта подала мне полотенце вытереться. Я оглянулся, ища остальных двух женщин и Сильвио Мануэля, но их нигде не было видно. Марта, дон Хуан и я оставались в темноте, разговаривая долгое время. Она, видимо, говорила в основном дону Хуану, но мне казалось, что именно я был ее действительным слушателем. Я ждал, что дон Хуан подаст знак, когда уходить, но он, казалось, наслаждался оживленным разговором Марты. Она рассказала ему, что Зойла и Зулейка в этот день были в высшей точке своего безумия. Затем она добавила для меня, что почти все время они бывают совершенно разумны. Как бы открывая секрет, Марта рассказала нам, что причиной того, что волосы Зойлы были в таком растрепанном виде, было то, что по крайней мере треть их была волосами Зулейки. Случилось так, что обе они прониклись вдруг друг к другу исключительными дружескими чувствами и помогали друг другу делать прическу. Зулейка укладывала волосы Зойлы так же, как она уже делала сотни раз, но находясь теперь вне контроля, она вплела волосы Зойлы в свои, Марта сказала, что когда они поднялись, то тут же повалились наземь. Она бросилась им на помощь, но пока она успела войти в комнату, Зулейка одержала верх и, будучи более рассудительной,

чем Зойла в этот день, решила отрезать ту часть волос Зойлы, которая была сплетена с ее волосами. В путанице волос она ошиблась и вместо Зойлиных обрезала свои. Дон Хуан смеялся так, будто это было забавнейшей вещью в мире. Я слышал мягкий кашель, подобный смеху, из темноты в дальнем конце двора. Марта добавила, что ей придется импровизировать шиньон до тех пор, пока у Зулейки отрастут волосы. Я смеялся вместе с доном Хуаном. Мне нравилась Марта. Две другие женщины были мне отвратительны. Они вызывали у меня чувство тошноты. Марта, с другой стороны, казалось, была проводником спокойной и молчаливой целенаправленности. Я не мог видеть черты ее лица, но воображал ее очень красивой. Звук ее голоса увлекал. Очень вежливо она осведомилась у дон Хуана, не хочу ли я поесть что-нибудь. Я ответил, что не чувствую себя удобно в присутствии Зулейки и Зойлы и у меня может разболеться живот. Марта заверила меня, что обе женщины ушли и, взяв меня за руку, провела через абсолютно темный зал в неожиданно хорошо освещенную кухню. Контраст оказался слишком сильным для моих глаз. Я остановился в дверях, пытаюсь привыкнуть к свету. Кухня имела очень высокий потолок, была вполне современной и удобной. Мы уселись. Марта была молодой и очень сильной. У нее была полная чувственная фигура, круглое лицо, небольшие нос и рот. Ее иссиня-черные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы. Я подумал, что ей, наверно, так же любопытно было посмотреть на меня, как мне на нее. Мы сидели, ели и разговаривали очень долго. Я был очарован ею. Она была необразованной женщиной, но своим разговором очаровывала меня. Она развлекала нас подробными отчетами о тех необычайных поступках, которые совершали Зойла и Зулейка, когда были сумасшедшими. Когда мы отъехали, дон Хуан выразил свое восхищение Мартой. Он сказал, что она, пожалуй, наилучший пример из всего, что он знает, как целеустремленность может влиять на человеческое существо. Без опыта и без всякой подготовки, благодаря лишь неслышаемому намерению, Марта успешно справлялась с самой трудной из всех вообразимых задач, взяв на себя заботу о Зулейке, Зойле и Сильвио Мануэле. Я спросил дон Хуана, почему Сильвио Мануэль не пожелал, чтобы я взглянул на него при свете. Он ответил, что Сильвио Мануэль находился в своей среде, в темноте, и что у меня еще будут бесчисленные возможности увидеть его. Во время первой встречи, чтобы он оставался в границах своей силы, полагается, однако, ему быть в темноте ночи. Сильвио Мануэль и эти две женщины жили вместе, потому что они являлись слитой группой потрясающих шагов. Дон Хуан посоветовал мне не делать скороспелых выводов о западных женщинах. Я встретил их в тот момент, когда они были вне контроля, но это отсутствие контроля относится только к внешнему поведению. У них есть внутреннее ядро, которое, неизменно, поэтому даже в минуты самого глубокого безумия они способны смеяться над своим поведением, как будто идет представление, поставленное кем-то другим. С Сильвио Мануэлем дело обстоит иначе. Он не был сумасшедшим ни в какой степени. Фактически, именно его глубокая трезвость давала ему возможность столь эффективно действовать с этими женщинами, потому что он и они находились на разных полюсах. Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль таким родился, и все окружающие признавали его отличие от них. Даже его бенефактор, который был жестким и непреклонным со всеми, уделял очень много внимания Сильвио Мануэлю. Дону Хуану потребовались годы, чтобы понять причину такого предпочтения. Благодаря чему-то необъяснимому в своей природе Сильвио Мануэль, войдя однажды в левостороннее осознание, уже никогда оттуда не вышел. Его постоянное нахождение в состоянии повышенного осознания вместе с руководством его бенефактора позволило ему придти прежде, чем кому-либо другому, не только к заключению, что правило является картой, но также и к действительному проходу в другой мир осознания. Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль неуязвимейшим образом уравновесил свои чрезмерные достижения тем, что поставил их на службу общей цели. Он стал молчаливой силой за спиной дон Хуана.

Последняя моя вводная встреча была с северными воинами дон Хуана. Чтобы провести эту встречу, дон Хуан поехал со мной в город Гуадалахара. Он сказал, что место встречи находится рядом с центром города и что встреча должна иметь место в полдень, потому что север был серединой дня. Мы вышли из гостиницы примерно в 11 часов утра и не торопясь пошли через центр города.

Я шел не глядя, куда иду, озабоченный предстоящей встречей, и с размаху налетел на какую-то даму, которая выходила из магазина. Она несла кучу пакетов с покупками, которые разлетелись по всему тротуару. Я извинился и стал помогать ей собирать их. Дама, казалось еще не пришла в себя от моего могучего толчка. Я поддержал ее за руку. Она была очень худенькой, высокой женщиной, вероятно в возрасте около 60 лет, очень элегантно одетая. Она казалась дамой из общества. Она была изысканно вежлива и приняла вину на себя, сказав, что была отвлечена, высматривая своего слугу. Она спросила, не могу ли я помочь ей отыскать его в толпе. Я повернулся к дону Хуану. Он сказал, что наименьшее, что я могу сделать после того, как чуть не убил ее, это помочь ей.

Я взял ее покупки, и мы вернулись в универмаг. Неподалеку я заметил индейца, который с растерянным видом стоял в толпе, жалкий и неуместный. Дама окликнула его, и он подошел к ней, как потерявшийся щенок. Вид у него был такой, будто он собирался лизать ей руки.

Дон Хуан ожидал нас у магазина. Он объяснил даме, что мы торопимся, а затем назвал ей мое имя. Дама мило улыбнулась и протянула мне руку, здороваясь. Я подумал, что в молодости она была, вероятно, восхитительна, если даже сейчас она так красива и привлекательна. Дон Хуан повернулся ко мне и внезапно сказал, что ее имя Нелида, что она с севера и сновидящая. Затем он повернул меня к слуге и сказал, что его зовут Хенаро Флорес и что он человек действия, — воин действия в партии. Мое удивление было полным. Они все трое расхохотались. Чем больше было мое замешательство, тем больше оно их, видимо, забавляло.

Дон Хенаро роздал покупки детям, сказав им, что его хозяйка, та добрая леди, которая разговаривает, купила это все как подарки для них — это ее добрый поступок на этот день. Затем мы молча прошли примерно половину квартала. У меня язык не повиновался. Внезапно Нелида указала на магазин и попросила нас минутку подождать, потому что она выбрала там коробку нейлоновых чулок, которые для нее отложили. Она посмотрела прямо на меня, улыбаясь, с сияющими глазами, и сказав мне, что если отбросить шутки в сторону, то магия там или не магия, но ей нужно носить нейлоновые чулки и тонкие трусики. Дон Хуан и дон Хенаро засмеялись, как два идиота. Я уставился на Нелиду, потому что ничего больше делать не мог. В ней было что-то чрезвычайно земное и в то же время она была почти небесным созданием.

Ребячась, она попросила дона Хуана поддержать меня, потому что я собираюсь шлепнуться в обморок. Затем она попросила Хенаро забежать в магазин и взять ее заказ у такого-то клерка, но когда он входил, Нелида, казалось, изменила свое решение и позвала его обратно, но он, видимо, не услышал и исчез внутри магазина. Она извинилась и побежала за ним.

Дон Хуан нажал мне на спину, чтобы вывести из ступора. Он сказал, что я встречаюсь с другой северной женщиной, чье имя Флоринда, наедине и в другое время, потому что она будет звеном, связующим меня с другим циклом, с другим настроением. Он описал Флоринду как негативную копию Нелиды или наоборот.

Я заметил, что Нелида настолько избалована и стильна, что я не удивился бы, встретив ее в салоне мод. Тот факт, что она так красива и изящна и, вероятно, родом из Франции или северной Италии, удивил меня. Хотя Висенте тоже не был индейцем, его сельская внешность не так выделялась. Я спросил у дона Хуана, почему в его мире присутствуют неиндейцы. Он сказал, что воинов партии нагваля выбирает сила, а ее планы узнать невозможно.

Мы ожидали у дверей магазина около получаса. Дон Хуан, казалось, потерял терпение и попросил меня пройти внутрь и попросить их поторопиться. Я вошел в магазин. Это было небольшое помещение, в котором не было никакого заднего хода, и все же их нигде не было видно. Я спросил у приказчиков, но и они ничем не могли мне помочь. Я бросился к дону Хуану и потребовал объяснений того, что произошло. Он сказал, что они или испарились в воздухе, или улизнули, пока он похлопывал меня по спине.

Я разъярился, сказав ему, что большинство его людей шуты и фокусники. Он смеялся до тех пор, пока у него по щекам не потекли слезы. Он сказал, что я идеальный объект для розыгрышей. Моя собственная важность сделала из меня презабавнейшего субъекта. Он так хохотал над моим раздражением, что вынужден был прислониться к стене.

Горда дала мне описание своей первой встречи с членами партии дона Хуана. Ее версия отличалась только содержанием, — форма была одной и той же. Воины были с нею, пожалуй, чуточку жестче, но она поняла это как попытку их стряхнуть с нее ее сон, а также как естественную реакцию на то, что она считала своей отвратительной личностью.

Когда мы пересмотрели мир дона Хуана, то поняли, что он был копией мира его бенефактора. Его можно было рассматривать состоящим или из групп, или из домов. Была группа из четырех независимых пар, по внешности сестер, которые жили и работали вместе; другая группа из трех мужчин одного с доном Хуаном возраста, которые были очень близки к нему; группа из двух явно более молодых мужчин, курьеров Эмилито и Хуана Тумы; и, наконец, группа молодых южных женщин, которые казались родственницами друг друга, Марты и Терезы. В другое время этот мир казался состоящим из четырех отдельных домов, расположенных весьма далеко один от другого в различных районах Мексики. Один был составлен из двух западных женщин Зулейки и Зойлы, Сильвио Мануэля и их курьера Марты. Второй состоял из восточных женщин Кармелы и Гермелинды, Висенте и их курьера Хуана Тумы. Еще один из южных женщин Сесилии и Делии, курьера дона Хуана Эмилито и курьера Терезы. Последний — из северных женщин Нелиды и Флоринды и дона Хенаро.

Согласно дону Хуану, его мир не имел такой гармонии и равновесия, как у его бенефактора. Единственные две женщины, которые полностью уравнивали друг друга и выглядели, как две двойняшки, были его северные воины Нелида и Флоринда. Нелида однажды в случайном разговоре рассказала мне, что они так похожи, что даже группа крови у них одинаковая.

Для меня одним из самых приятных сюрпризов в наших взаимоотношениях явилась трансформация Зулейки и Зойлы, которые показались мне столь отвратительными при первом знакомстве. Они оказались, как и говорил дон Хуан, самыми трезвыми и преданными своему делу воинами, каких только можно было себе представить. Я не мог поверить своим глазам, когда увидел их вновь. Их период безумия прошел и они выглядели хорошо одетыми мексиканскими дамами, высокими, темными и мускулистыми, со сверкающими темными глазами, подобными осколкам блестящего черного обсидиана. Они смеялись и подшучивали надо мной по поводу того, что произошло в ночь нашей первой встречи, как если бы участниками там были другие, а сами они не имели к этому никакого отношения. Я легко мог представить себе кошмар дона Хуана с западными воинами его бенефактора. Я абсолютно не мог себе поверить, что Зулейка и Зойла могут превращаться в тех невыносимых тошнотворных существ, которых я встретил в первый раз. Мне пришлось потом неоднократно быть свидетелем их метаморфоз, однако я никогда не мог судить о них так сурово, как делал это при нашей первой встрече. Их выходы вызывали у меня потом главным образом печаль.

Но самым большим сюрпризом для меня оказался Сильвио Мануэль. В темноте нашей первой встречи я представлял его себе внушительным мужчиной, сверхсильным гигантом. На самом деле он был малюткой, хотя и ширококостным малюткой. Его тело было телом жокея — небольшое, но очень пропорциональное. Мне он показался похожим на гимнаста. Его физический контроль над телом был таким замечательным, что он мог, как лягушка, раздуться почти вдвое толще, чем был на самом деле, сокращая все мышцы своего тела. Он делал поразительные демонстрации того, как он мог разъединять свои суставы и ставить их на место без малейших признаков боли. Глядя на Сильвио Мануэля, я всегда испытывал глубокое, в чем-то незнакомое чувство страха. Мне он казался похожим на выходца из другого времени. Окраска его кожи была темной, как у бронзовой статуи. Черты его лица были острыми; его горбатый нос, толстые губы и широко расставленные щелочки глаз делали его похожим на стилизованную фреску майя. Большую часть дня он был дружелюбным и теплым, но как только сгущались сумерки, он становился неизмеримо далеким. Его голос изменялся. Он садился в темном углу и позволял темноте поглотить себя. Все, что оставалось от него видно, — это его левый глаз, который оставался открытым и приобретал странное сияние, подобно глазам кошек.

Второй темой, которая всплыла в процессе наших общений с воинами дона Хуана, был вопрос о контролируемой глупости. Дон Хуан однажды дал мне краткие объяснения, когда рассказывал о двух категориях, на которые по правилу делятся все женские воины, сновидящие и сталкеры. Он сказал, что все члены его партии применяют искусство сновидения и искусство красться как часть своей повседневной жизни, но те женщины, которые являются светилем сновидящих, и те, что являются светилем сталкеров, — это главные авторитеты в соответствующей деятельности. Сталкеры — это те, кто берет на себя заботы повседневного мира. Они ведут все дела и именно они имеют дело с людьми. Все, что как-либо относится к миру обычных дел, проходит через них. Сталкеры практикуют контролируемую глупость точно так же, как сновидящие практикуют искусство сновидения. Другими словами, контролируемая глупость является основой искусства сталкеров, как сны являются основой искусства сновидения. Дон Хуан сказал, что вообще самое большое достижение воина во втором внимании — это искусство сновидения, а самое большое его достижение в первом внимании — это искусство красться, искусство сталкинга. Я неправильно понял то, что делали по отношению ко мне воины дона Хуана при нашей первой встрече. Я принял их действия за трюкачество и это мнение так бы и осталось у меня до сего дня, если бы не идея контролируемой глупости. Дон Хуан сказал, что их действия со мной были мастерскими уроками в искусстве сталкинга. Он сказал мне, что этому искусству обучал его бенефактор раньше, чем чему-либо другому. Чтобы выжить среди воинов своего бенефактора, ему приходилось учиться этому искусству быстро. В моем случае, по его словам, поскольку мне не пришлось сталкиваться постоянно с его воинами, я был вынужден сначала учиться сновидению. Когда настанет нужный момент, на свет выйдет Флоринда и введет меня в сложности искусства красться. Никто другой не может разговаривать со мной об этом обдуманно, — они могут только давать мне прямые демонстрации, что они и делали при нашей первой встрече. Дон Хуан подробно объяснил мне, что Флоринда является одним из самых выдающихся практиков искусства красться, поскольку она была обучена каждой тонкости этого искусства его бенефактора и его четырьмя женскими воинами-сталкерами. Флоринда была первым женским воином, попавшим в мир дона Хуана, и из-за этого она станет моим личным проводником не только в искусстве красться, но и в загадку третьего внимания, если я когда-нибудь туда попаду. Дон Хуан не углублялся далее в этот вопрос. Он сказал, что все это подождет до тех пор, пока я не буду готов сначала учиться искусству красться, а затем войти в третье внимание. Он говорил, что его бенефактор тратил добавочное время с ним и с другими воинами на все, что относилось к овладению мастерством сталкинга. Он применял сложные

розыгрыши, чтобы создать подходящий контекст для гармоничного соответствия между буквой правила и поведением воина в повседневном мире, когда он взаимодействует с людьми. Он считал это единственным способом убедить их в том, что при отсутствии самомнения есть только один способ, которым воин может взаимодействовать с социальной средой — это контролируемая глупость. Разрабатывая свои ситуации, бенефактор дона Хуана сталкивал обычно действия людей и действия воинов с требованиями правила, а затем отходил в сторону и позволял естественной драме разворачиваться самостоятельно. Глупость людей некоторое время занимает главенствующее положение и вовлекает в свое течение воинов, как и полагается по естественному ходу событий, но в конце обязательно бывает побеждена более широким планом правила.

Дон Хуан рассказывал, что сначала он противился контролю своего бенефактора над игроками в ситуациях. Он даже высказывал это ему в лицо. Его бенефактор это не задело. Он возразил, что его контроль — не более, как иллюзия, созданная орлом. Он только неуязвимый воин, и его действия — не более, как смиренная попытка отразить, как в зеркале, орла.

Дон Хуан сказал, что та сила, с которой его бенефактор приводил в исполнение свои разработки, исходила из его знания того, что орел реален и конечен и что все, что делают люди, является абсолютной глупостью. То и другое вместе составляет источник контролируемой глупости, которую бенефактор дона Хуана описывал как единственный мостик между глупостью людей и тем, что диктует орел.

11. ЖЕНЩИНА-НАГВАЛЬ

Дон Хуан говорил, что когда он был помещен под надзор двух западных женщин, чтобы те его очистили, он был также поставлен под руководство северной женщины, сравнимой с Флориндой, — сталкером номер один, которая обучала его принципам этого искусства. Она и его бенефактор дали ему настоящие средства для того, чтобы взять его под опеку трех мужских воинов, одного курьера и четырех воинов-сталкеров, которые должны были составить его партию.

Восемь женщин-видящих из группы его бенефактора выискивали отличительные конфигурации светимости и не встретили никаких затруднений в поисках мужских и женских воинов для партии дона Хуана. Дону Хуану оставалось применять на практике принципы сталкинга и взять их под свое крыло.

Первым воином явился Висенте. У дона Хуана не хватало мастерства в искусстве красться, чтобы завлечь его. Его бенефактор и северный сталкинг были вынуждены проделать основную работу. Затем пришел Сильвио Мануэль, потом Хенаро и наконец Эмилито, курьер.

Флоринда была первым женским воином, за ней последовали Зойла и Делия, а потом Кармела.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор непреклонно настаивал, чтобы все взаимодействие с миром шло в терминах контролируемой глупости. Конечным результатом явилась потрясающая команда воинов, которая обдумывала и выполняла самые сложные задачи.

Когда все они достигли определенного мастерства в искусстве красться, его бенефактор решил время найти для них женщину-нагваль. Придерживаясь своей политики — помогать каждому действовать самостоятельно, он не спешил вводить ее в их мир не только до тех пор, пока они не стали мастерами-сталкерами, но и пока дон Хуан не научился видеть. Хотя дон Хуан и жалел о времени, потраченном на выжидание, он признавал, что их совместное усилие в том, чтобы заполучить ее, создало более крепкие узы между ними. Оно влило вторую жизнь в их решение посвятить себя поиску собственной свободы.

Его бенефактор начал развертывать свою стратегию по вовлечению в группу женщины-нагваль с того, что стал преданным католиком. Он потребовал, чтобы дон Хуан, будучи наследником его знания, вел себя, как его сын, и ходил в церковь вместе с ним. Он водил его к мессе почти ежедневно. Дон Хуан говорил, что его бенефактор, будучи очень привлекательным и разговорчивым, знакомил его в церкви со всеми, как своего сына, продолжателя рода.

Дон Хуан, по его собственным словам, в то время неотесанный деревенщина, был подавлен тем, что оказавшись в обществе, был вынужден разговаривать и рассказывать о себе. Он утешал себя мыслью, что у его бенефактора должны быть высшие причины для всего, что он делает. Он попытался, наблюдая за ним, определить, что это за причины. Действия его бенефактора были постоянны и казались совершенно открытыми. Как образцовый католик, он завоевал расположение множества людей, в особенности самого ксэндза, который оказывал ему большое доверие, считая своим другом и доверенным лицом. Дон Хуан не мог себе представить, зачем ему все это нужно. Ему даже пришла в голову мысль, что, возможно, его бенефактор искренне принял католицизм. Он еще не понимал того, что воин никогда не теряет ума, — ни при каких обстоятельствах.

Недовольство дона Хуана вынужденным посещением церкви прошло, когда его бенефактор стал знакомить его с дочерьми тех людей, с которыми он уже был знаком. Это ему понравилось, хотя он и чувствовал себя не в своей тарелке. Дон Хуан решил, что его бенефактор помогает ему улучшить свою речь. Он не был ни привлекательным, ни разговорчивым, а его бенефактор говорил ему, что нагваль должен быть и тем, и другим.

Однажды в воскресенье во время мессы, после почти целого года чуть ли не ежедневного хождения в церковь, дон Хуан узнал, зачем в действительности они ходили сюда. Он стоял на коленях рядом с девушкой по имени Олинда, дочерью одного из знакомых его бенефактора. Он повернулся, чтобы обменяться с ней взглядом, что стало уже обычным после почти месячного контакта. Их глаза встретились, и внезапно дон Хуан стал видеть ее как светящееся существо и тут же увидел ее двойное строение. Олинда была двойной женщиной. Его бенефактор знал об этом с самого начала и избрал труднейший путь для того, чтобы привести дона Хуана в соприкосновение с ней. Дон Хуан признался нам, что тот момент был для него ошеломляющий. Его бенефактор знал, что дон Хуан увидел. Его миссия по сведению двойных существ вместе была закончена успешно и безупречно. Он поднялся и его глаза пробежали по всей церкви. Затем он вышел не оглядываясь: там ему больше нечего было делать.

Дон Хуан сказал, что когда его бенефактор вышел посреди мессы, все головы повернулись. Дон Хуан хотел последовать за ним, но Олинда смело схватила его за руку и удержала на месте. Тогда он понял, что сила виденья принадлежала не ему одному. Что-то пробежало через них обоих и они оказались связанными. Дон Хуан вдруг сообразил, что не только месса уже окончилась, но что они уже были вне церкви. Его бенефактор пытался успокоить мать Олинды, которая была оскорблена и опозорена их неожиданным и непозволительным проявлением привязанности.

Дон Хуан не представлял себе, что делать дальше. Он знал, что его заботой является разработать план. У него были для этого возможности, но важность события заставила его потерять уверенность в своих силах. Он забыл о своей тренировке сталкера и ушел в интеллектуальную проблему о том, следует или нет обращаться с Олиндой в рамках контролируемой глупости. Его бенефактор сказал, что ничем помочь ему не может. Его долгом было только столкнуть их, и на этом его ответственность кончалась. Теперь делом дона Хуана было предпринять необходимые шаги для того, чтобы вытащить ее из социума. Он предложил, чтобы дон Хуан учел возможность даже женитьбы на ней, если это будет то, что здесь поможет. Только после того, как она сама, по своей воле, придет к нему, он сможет помочь дону Хуану тем, что вступит с ней в контакт как нагваль. Дон Хуан попробовал формальное ухаживание. Он не был хорошо принят ее родителями, которые не могли и подумать о ком-либо из другого общественного класса, как о паре для своей дочери. Олинда не была индеанкой. Ее родители были горожанами среднего достатка, хозяевами небольшого дела. У отца были другие планы относительно своей дочери. Он пригрозил отослать ее подальше, если дон Хуан не бросит своего желания жениться на ней.

Дон Хуан сказал, что двойные существа, а особенно женщины, необычайно консервативны, даже робки. Олинда не была исключением. После их первоначальной вспышки в церкви, она была охвачена осторожностью, а затем страхом. Ее собственные реакции испугали ее. В качестве стратегического маневра его бенефактор велел дону Хуану отступать так, чтобы это выглядело, будто он уступает желанию своего отца, которому поведение девушки не понравилось, это было общим убеждением всех, бывших свидетелями инцидента в церкви. Люди сплетничали, что их выходки были настолько неприятны его отцу, что будучи столь ярым католиком, он даже перестал ходить в церковь.

Его бенефактор сказал дону Хуану, что воин не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничем нельзя угрожать. Тем не менее в битве за собственную жизнь вроде той, которую вел дон Хуан, чтобы заполучить женщину-нагваль, воин должен стратегически использовать все доступные средства. Поэтому дон Хуан решил использовать все крупинки знания искусства сталкинга, какие он имел, чтобы получить эту девушку. В конце концов он привлек Сильвио Мануэля, чтобы тот применил свое искусство мага, которое даже на той ранней стадии было поразительно, чтобы вытащить девушку.

Сильвио Мануэль и Хенаро, которые были двумя отчаянными смельчаками, пробрались в дом девушки, переодевшись старухами-прачками. Была середина дня и в доме все готовили пищу для большой группы родственников и друзей, собиравшихся приехать к обеду. Должны были состояться неофициальные проводы Олинды. Сильвио Мануэль рассчитал, что люди, увидев двух незнакомых прачек с узлами белья, решат, что это связано с отъездом Олинды, и ничего не заподозрят. Дон Хуан снабдил его предварительно и Хенаро всей необходимой информацией относительно расположения комнат в доме. Он рассказал им, что прачки обычно несут узлы выстиранного белья внутрь дома и оставляют их в кладовой комнате для глаженья. Неся

здоровенные узлы белья, Сильвио Мануэль и Хенаро прошли прямо в эту комнату, зная, что Олинда в это время будет там.

Дон Хуан рассказывал, что Сильвио Мануэль, подойдя к Олинде, использовал свои гипнотические силы, заставив ее тут же потерять сознание. Они положили ее в мешок, обернули мешок простынями с ее постели и вышли, оставив тот узел, который принесли. В дверях они столкнулись с ее отцом. Тот не обратил на них никакого внимания.

Бенефактор дона Хуана чуть не вышел из себя из-за их маневра. Он приказал дону Хуану немедленно вернуть девушку домой. Он сказал, что совершенно обязательно, чтобы двойная женщина пришла в дом бенефактора по своей свободной воле, пусть без мысли присоединиться к ним, но хотя бы из-за любопытства. Дон Хуан считал, что все пропало. Вероятность пронести ее назад в ее дом назамеченными была слишком мала, однако Сильвио Мануэль нашел решение. Он предложил, чтобы 4 женщины из партии дона Хуана понесли девушку по пустынной дороге, где дон Хуан спасет ее. Сильвио Мануэль хотел, чтобы женщины притворились, будто похищают ее ради выкупа. Где-нибудь на дороге кто-либо увидит их и бросится в погоню. Преследователь нагонит их, и они бросят мешок с достаточной силой, чтобы это было убедительным. Преследователем, конечно же, будет дон Хуан, который чудесным образом окажется как раз в нужном месте и в нужное время.

Сильвио Мануэль требовал действий предельно жизненных. Он велел женщинам заткнуть девушке рот, так как к тому времени она, конечно, уже очнется и будет верещать в мешке, а затем бежать несколько миль по дороге, неся мешок. Наконец после действительно утомительной гонки, они должны бросить мешок таким образом, чтобы девушка могла быть свидетелем отчаянной схватки между доном Хуаном и четырьмя женщинами. Сильвио Мануэль сказал женщинам, что все должно быть предельно реалистичным. Он вооружил их палками и велел побить дона Хуана поубедительней прежде, чем тот прогонит их прочь. Среди женщин Зойла особенно легко поддавалась истерии. Как только они начали колотить дона Хуана, она вошла в роль, и представление получилось дух захватывающим. Она наносила дону Хуану такие могучие удары, что у того на плечах и спине все тело стало раной. В какой-то момент казалось, что похитители одержат победу. Сильвио Мануэль был вынужден выйти из своего укрытия и, притворившись прохожим, напомнить им, что это лишь розыгрыш и им пора убегать. Так дон Хуан оказался спасителем и защитником Олинды. Он сказал ей, что не сможет сам отвести ее назад к ее дому, так как сильно ранен, но он пошлет ее туда со своим набожным отцом. Она сама помогла ему дойти до дома его бенефактора.

Дон Хуан рассказывал, что ему не требовалось изображать раненого: он весь обливался кровью и еле дошел до дверей дома. Когда Олинда рассказывала его бенефактору о том, что произошло, его желание рассмеяться было столь сильным, что ему пришлось скрывать смех, притворившись рыдающим.

Дону Хуану перевязали раны и уложили в постель. Олинда стала объяснять, почему ее отец был против него, но не закончила. Бенефактор дона Хуана вошел в комнату и сказал ей, что ему ясно, судя по походке, что похитители повредили ей спину. Он предложил выправить ее, прежде чем возникнут осложнения. Олинда колебалась. Бенефактор дона Хуана напомнил ей, что похитители не шутили, — они чуть не убили его сына. Это замечание подействовало. Она прошла на половину бенефактора и позволила ему нанести ей хороший удар по лопатке. Лопатка щелкнула, Олинда вошла в состояние повышенного осознания. Он открыл ей правило, и она приняла его полностью, так же как дон Хуан. Не было ни сомнений, ни колебаний.

Женщина-нагваль и дон Хуан нашли друг в друге завершенность и спокойствие. Дон Хуан говорил, что то чувство, которое они испытывали друг к другу, не имело ничего общего ни с привязанностью, ни с потребностью. Это было скорее разделяемое физическое ощущение, что некий конечный барьер сломан внутри них и они являются одним и тем же существом.

Дон Хуан и его женщина-нагваль несколько лет работали вместе, как предписывало правило, чтобы собрать группу из четырех женщин-сновидящих, которыми оказались Нелида, Зулейка, Сесилия и Гермиллинда, и трех курьеров: Хуана-Тумы, Терезы и Марты. Это явилось еще одним случаем, когда прагматическая природа стала ясной для дона Хуана: все они были как раз такими, какими они должны были оказаться согласно правилу. Их приход означал новый цикл для каждого, включая бенефактора дона Хуана и его партию. Для дона Хуана и его воинов это означало цикл сновидения, а для его бенефактора и его воинов — период ни с чем не сравнимой безупречности в поступках.

Его бенефактор объяснил дону Хуану, что когда он был молодым и был впервые познакомлен с правилом, как средством освобождения, то он был на седьмом небе — весь переполнен радостью. Свобода была для него реальностью за ближайшим углом. Когда он дорос до понимания природы правила, как карты, его надежды и оптимизм удвоились. Позднее трезвость затопила его жизнь. Чем старше он становился, тем меньше шансов он видел для своего успеха и успеха своей партии. В конце концов он убедился, что вне зависимости от того, что они делают, шансы против были слишком велики, чтобы их скованное человеческое

сознание когда-нибудь полетело свободным. Он смирился с самим собой и со своей судьбой и сдался поражению. Он сказал орлу из самой глубины, что он рад и Гордится тем, что его осознание будет съедено. Он приглашает орла к этому. Дон Хуан рассказывал нам, что такое же настроение разделялось всеми членами партии его бенефактора. Свобода, о которой говорилось в правиле, была чем-то таким, что они считали недостижимым. Они уловили отблески той уничтожающей силы, которой был орел, и чувствовали, что у них нет ни единого шанса выстоять против нее. Все они, тем не менее, согласились, что проживут свои жизни безупречно без всяких причин, кроме самой безупречности.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор со своей партией, несмотря на чувство своей неадекватности или, может быть, по причине такого чувства, нашли свою свободу. Они вошли в третье внимание, хотя и не группой, а один за другим. Тот факт, что они нашли проход, был конечным подтверждением истины, содержащейся в правиле. Последним покидал мир осознания повседневной жизни его бенефактор. Действуя в соответствии с правилом, он взял с собой и женщину-нагваль. Когда они оба растворились в полном осознании, дон Хуан и все его воины как бы взорвались изнутри, — он не мог найти другого сравнения, чтобы описать чувство при насильственном забвении всего, чему они были свидетелями в мире его бенефактора.

Кто никогда ничего не забывал, так это Сильвио Мануэль. Именно он привлек дону Хуана к непосильному труду по вторичному сведению вместе всех членов их группы, которые рассеялись, кто куда. Затем он погрузил их в задачу отыскания целостности самих себя. У них ушли годы на то, чтобы выполнить обе эти задачи.

Дон Хуан очень много говорил на тему о забывании, но только в связи с их огромными трудностями в том, чтобы вновь собраться и начать все с начала уже без своего бенефактора. Он никогда не объяснял нам, что это значит — забыть или найти целостность самого себя. В этом отношении он был верен учению своего бенефактора — только помогать нам действовать самостоятельно. Для этого он обучил Горду и меня совместному видению и сумел показать нам, что хотя человеческие существа и кажутся видящему светящимися яйцами, яйцевидная форма — лишь внешний кокон, скорлупа светимости, которая скрывает в себе крайне интригующую, захватывающую, гипнотизирующую сердцевину, состоящую из концентрических колец желтоватой светимости, цвета пламени свечи. Во время нашего последнего сеанса он позволил нам видеть людей, спящих вокруг церкви. Был конец дня, почти сумерки, но существа внутри своих прочных, светящихся коконов излучали достаточно света, чтобы предельно ясно освещать все вокруг. Зрелище было чудесным.

Дон Хуан объяснил, что та яйцевидная скорлупа, которая казалась такой яркой, на самом деле была тусклой. Светимость исходила из блестящей сердцевины. Фактически скорлупа, наоборот, притупляла их светимость. Дон Хуан сказал нам, что скорлупа должна быть сломана для того, чтобы освободить существо. Она должна быть сломана изнутри и в нужное время, точно так же, как проламывают свою скорлупу те существа, что выводятся из яйца.

Если им не удастся этого сделать, они задыхаются и погибают. И так же, как существа, которые вылупливаются из яйца, воин не может проломить скорлупу своей светимости раньше положенного срока.

Дон Хуан сказал нам, что потеря человеческой формы является единственным средством проломить эту скорлупу — единственным средством освобождения той захватывающей, светящейся сердцевины — сердцевины осознания, которая является пищей орла. Сломить эту скорлупу означает вспомнить другого себя и прийти к целостности самого себя.

Дон Хуан и его воины пришли к целостности самих себя и затем обратились к своей последней задаче, которая состояла в том, чтобы найти новую пару светящихся двойных существ.

По словам дона Хуана, они считали это простым делом, — все остальное было пока для них относительно легким. Они не представляли себе, что кажущаяся легкость их достижений была следствием мастерства и личной силы бенефактора.

Их попытки найти новую пару двойных существ оказались бесплодными. Во всех своих поисках они ни разу не натолкнулись на двойную женщину. Они нашли несколько двойных мужчин, но все они были хорошо обеспеченными, занятыми, процветающими и настолько довольными своей жизнью, что было бесполезно и подходить к ним. Им не было нужды искать целей жизни: они считали, что уже нашли ее. Дон Хуан сказал, что однажды понял, что и он сам и его группа старятся и казалось, что у них не было никакой надежды выполнить свою задачу. Это было первый раз, когда они ощутили жало отчаяния и бессилия.

Сильвио Мануэль настоял на том, что им следует взять себя в руки и жить безупречно без надежды найти свою свободу. Дон Хуан считал допустимым, что это действительно может быть ключом ко всему. В этом аспекте он оказался идущим по следам своего бенефактора. Он пришел к признанию того, что неодолимый пессимизм побеждает воина в определенной точке

его пути. Чувство поражения или, может быть, более точно — чувство своей недостойности — находит на него почти незаметно.

Дон Хуан сказал, что раньше он, бывало, посмеивался над намерениями своего бенефактора и никак не мог поверить, что тот горюет всерьез.

Несмотря на протесты и предупреждения Сильвио Мануэля, дон Хуан считал все это гигантским розыгрышем, призванным научить их чему-то.

Поскольку он не мог поверить, что сомнения его бенефактора реальны, то не мог поверить и тому, что решение его бенефактора жить безупречно без надежды на свободу было искренним.

Когда до него, наконец, дошло, что его бенефактор со всей серьезностью признал свое поражение, то ему стало ясно и то, что решение воина жить безупречно, несмотря ни на что, нельзя рассматривать как стратегию, направленную на достижение успеха. Дон Хуан и его партия сами подтвердили эту истину, когда они поняли, как непреложный факт, что шансы против них невероятны. Он сказал, что в такие моменты верх берет тренировка в течение всей жизни, и воин входит в состояние абсолютного смирения.

Когда истинная нищета его человеческих ресурсов становится неоспоримой, воину не остается ничего другого, как отступить назад и склонить голову. Дон Хуан поражался, что такое решение не оказывало, казалось, никакого влияния на женских воинов партии. Казалось, что поражение оставляло их незатронутыми. Он сказал нам, что заметил это в партии своего бенефактора: женщины никогда не были так озабочены и так мрачны из-за своей судьбы, как мужчины. Они, казалось, просто присоединились к суждению бенефактора дона Хуана и последовали за ним, не показывая ни эмоциональной усталости, ни измотанности. Если женщины и были задеты на каком-то уровне, они оставались к этому безразличны. Быть занятыми — вот все, что имело для них значение. Казалось, только мужчины бросали вызов свободе и ощутили ответный удар.

В своей группе дон Хуан наблюдал такой же контраст. Женщины охотно согласились с ним, когда он сказал, что ресурсов у него недостаточно. Он мог сделать единственное заключение: что женщины, хотя они никогда не упоминали об этом, с самого начала никогда и не верили, что у них есть какие-либо ресурсы. Как следствие этого, они никак не могли чувствовать разочарование или отчаяние, обнаружив, что они бессильны. Они знали это с самого начала.

Он рассказал нам, что причина, по которой орел требовал вдвое больше женских воинов, чем мужских, была как раз в том, что женщины имеют врожденное равновесие, которого нет у мужчин. В критический момент именно мужчины впадают в истерику и совершают самоубийство, если они решат, что все потеряно. Женщина может убить себя из-за направления к цели, но не из-за падения той системы, к которой она окажется принадлежащей.

После того, как дон Хуан и его партия воинов отказались от надежды или скорее, как это выразил дон Хуан, когда мужские воины достигли каменистого дна, а женщины нашли подходящие способы успокоить их, дон Хуан, наконец, наткнулся на двойного мужчину, к которому он мог подойти. Этим двойным мужчиной был я. Он сказал, что поскольку никто в своем здравом уме не пойдет добровольно на такое противоестественное дело, как битва за свободу, ему пришлось последовать учению своего бенефактора в истинном стиле stalking заманить меня, так же как он заманил членов своей партии. Ему нужно было быть со мной одному в таком месте, где бы он мог бы применить физическое давление на мое тело, причем было совершенно необходимо, чтобы я пришел туда по своей воле. Он заманил меня в свой дом с большой легкостью. Как он говорил, захватить двойного мужчину никогда не бывает большой проблемой. Трудность состоит в том, чтобы найти такого, который был бы доступен.

Этот первый визит в его дом прошел, с моей повседневной точки зрения, без всяких событий. Дон Хуан был очарователен и шутил со мной. Он привел разговор к теме усталости, которую испытывает тело водителя, когда тот долго пробудет за рулем; эта тема мне, как студенту-антропологу, казалась совсем посторонней. Затем он бросил случайное замечание, что моя спина выглядит чуть искривленной, и, не говоря больше ни слова, положил руку мне на грудь, выпрямил меня и нанес мне мощный хлопок по спине. Он застал меня настолько врасплох, что я потерял сознание. Когда я вновь открыл глаза, я чувствовал так, как если бы он сломал мне спину, но я знал, что я другой. Я был кем-то другим, а не тем мной, которого я знал. С этих пор, когда бы я ни встречал его, он смещал меня из правостороннего осознания в левое, а затем раскрывал мне правило. Почти сразу же после того, как он нашел меня, дон Хуан встретился с двойной женщиной. Он не приводил меня с ней в соприкосновение путем какой-либо схемы, как поступил с ним его бенефактор, а изобрел розыгрыш, такой же эффективный и разработанный, как у его бенефактора, путем которого он сам заманил и вовлек двойную женщину. Он взял на себя этот труд, потому что считал обязанностью бенефактора вовлечь обоих двойных существ сразу после нахождения, а уж затем свести их вместе, как партнеров по невообразимому предприятию.

Он рассказывал мне, что однажды, живя в аризоне, он пришел в правительственное учреждение, чтобы заполнить какое-то прошение. Дама в справочном окне отправила его к служащей в другом секторе и, не глядя, показывала налево. Он проследил за направлением ее вытянутой руки и увидел двойную женщину. Когда он принес свое прошение к ней, то понял, что это еще совсем молоденькая девушка. Она сказала, что к прошениям никакого отношения не имеет, однако из симпатии к бедному старому индейцу она уделила время, чтобы помочь ему оформить прошение. Требовались определенные юридические документы — документы, которые находились у дона Хуана в кармане, но он изобразил полное невежество и беспомощность. По его поведению выходило, что бюрократическая организация является для него полной загадкой. По словам дона Хуана, ему совсем нетрудно было изображать полную безмозглость: все, что для этого требовалось, так это вернуться к тому, что когда-то было его нормальным сознанием.

В его задачи входило продлить контакт с этой девушкой столь долго, сколько удастся. Его наставник говорил ему, что двойные женщины очень редки, и он убедился в этом сам в своих поисках. Он предупреждал также, что такие женщины имеют внутренние ресурсы, делающие их очень изменчивыми. Дон Хуан опасался, что если не станет вести свою игру мастерски, она может просто сбежать.

Он играл на ее симпатии, чтобы выиграть время. Он создал дальнейшие отсрочки, притворившись, что юридические документы потеряны. Почти каждый день он приносил ей разные бумажки; она прочитывала их и с сожалением говорила ему, что эти справки не те, какие нужны. Она была настолько тронута его жалким положением, что вызвалась даже заплатить адвокату, чтобы тот оформил удостоверение об утрате документов.

Через 3 месяца таких хождений дон Хуан решил, что пришло время извлечь документы на свет. К этому времени она уже привыкла к нему и чуть ли не ждала его появления каждый день. Он пришел в последний раз, чтобы выразить свою благодарность и попрощаться. Он сказал, что был бы рад преподнести ей подарок, чтобы выразить свою признательность, но у него нет денег даже на еду. Она была тронута его прямоотой и пригласила его к ленчу. Пока они ели, он говорил, что подарок не обязательно должен быть предметом, который покупают; это может быть нечто такое, что дают только глазам получателя, — нечто, о чем скорее можно помнить, чем владеть этим. Она была заинтригована его словами.

Он напомнил ей, что она выразила сочувствие к индейцам и их нищенскому существованию. Он спросил ее, не хочет ли она взглянуть на индейцев в другом свете — не как на нищих, а как на артистов. Он сказал ей, что знаком с одним стариком, который является последним в династии танцоров силы. Он заверил ее, что этот человек станцует для нее по его просьбе и, более того, пообещал ей, что она никогда в жизни не видела ничего подобного и не увидит вновь. Этот танец — нечто такое, чему свидетелями бывают лишь индейцы.

Ей такая идея понравилась. Она посадила его в свою машину после работы и они поехали к холмам, где, по словам дона Хуана, жил тот индеец. Он направил ее к своему дому; он попросил ее остановить машину в отдалении и остаток пути они пошли пешком.

Прежде чем они достигли дома, он остановился и начертил на мягкой песчаной дорожке носком ноги линию. Он сказал ей, что эта линия граница и стал уговаривать ее перейти ее. Сама женщина-нагваль рассказывала мне, что вплоть до этого момента она была очень заинтересована возможностью посмотреть на настоящего индейского танцора, но когда старый индеец начертил на земле линию и назвал ее границей, она стала колебаться. Затем она уже действительно встревожилась, когда он сказал ей, что эта граница для нее одной и что однажды переступив через нее, теряешь всякую возможность вернуться.

Индеец явно видел ее напряженность и попытался успокоить ее. Он вежливо погладил ее по руке, заверив, что с ней не случится ничего плохого, пока он рядом. Границу можно считать, сказал он, как бы символической платой танцору, потому что он не хочет денег. Ритуал заменил деньги и требовал, чтобы она по своему желанию переступила границу. Старый индеец весело переступил линию и сказал ей, что для него это просто индейская чепуха, но что танцору, наблюдавшему за нами из дома, следует польстить, если она хочет увидеть его танец.

Она говорила, что внезапно ощутила такой испуг, что не могла двинуться с места, чтобы переступить линию. Старый индеец сделал попытку убедить ее, говоря, что переступание через эту границу благотворно сказывается на теле: переступая ее, он не только чувствует себя моложе, но и действительно делается моложе, — такую силу имеет эта граница.

Чтобы продемонстрировать это, он перешел обратно — и немедленно его плечи опустились, углы рта упали, глаза потеряли свой блеск. Женщина-нагваль не могла отрицать тех различий, которые производил переход линии. Дон Хуан перешел линию в третий раз. Он глубоко дышал, расправляя грудь, его движения стали смелыми и четкими.

Женщина-нагваль сказала, что тут ей пришла в голову мысль, не стоят ли за всем этим какие-либо сексуальные намерения. Ее машина осталась слишком далеко позади, чтобы

броситься бежать к ней. Единственное, что она могла сделать, так это убеждать саму себя, что глупо так бояться старика-индейца. Тогда старик еще раз воззвал к ее разуму и ее чувству юмора. Заговорщицким тоном, как бы с неохотой открывая ей секрет, он сказал ей, что просто притворился молодым, чтобы сделать приятное танцору, и что если она не поможет ему, перейдя линию, он может в любую минуту свалиться без сил от того перенапряжения, которое от него потребовалось, чтобы ходить, не сгорбившись.

Он прошел туда и обратно через линию, чтобы показать ей, каких невероятных усилий требует от него такая пантомима.

Женщина-нагваль говорила, что в его умоляющих глазах отражалась боль, которую испытывало старое тело, подражая молодости. Она перешагнула линию, чтобы помочь ему и разделаться со всем этим; она хотела ехать домой.

В тот момент, когда она пересекла линию, дон Хуан сделал невероятный прыжок и заскользил над крышей дома. Женщина-нагваль сказала, что он летел, как огромный бумеранг. Когда он приземлился рядом с ней, она упала на спину. Ее испуг превосходил все, что она когда-либо испытывала, но таким же было и ее возбуждение от того, что она была свидетельницей такого чуда. Она даже не спрашивала, каким образом он выполнил такой великолепный подвиг. Ей хотелось побежать обратно к своей машине и мчаться домой. Старик помог ей подняться и извинился за то, что подшутил над ней. В действительности, сказал он, танцором являлся он сам и его полет над домом как раз и был его танцем. Он спросил ее, обратила ли она внимание на направление его полета. Она повела рукой против часовой стрелки. Он отечески погладил ее по голове и сказал, что это очень примечательно, что она была столь внимательна.

Затем он сказал, что она, возможно, повредила себе спину при падении и он не может отпустить ее просто так, не убедившись, что все в порядке. Он смело распрямил ей плечи, поднял ее подбородок и затылок, как бы указывая, как распрямить спину. Затем он нанес ей мощный шлепок между лопатками, буквально выбив весь воздух у нее из легких. Какое-то мгновение она не могла дышать и потеряла сознание.

Придя в себя, она увидела, что оказалась внутри его дома. Из носа у нее шла кровь, в ушах звенело, дыхание было ускоренным, глаза она не могла сфокусировать. Он посоветовал ей делать глубокие вдохи на счет 8. Чем дольше она дышала, тем больше все прояснялось.

Она рассказывала мне, что в какой-то момент вся комната засветилась. Все засияло желтоватым светом. Она застыла и больше не могла дышать глубоко; желтый свет к тому времени так сгустился, что стал напоминать туман, затем туман превратился в желтоватую паутину. В конце концов он рассеялся, но весь мир оставался еще некоторое время однородно желтоватым.

Затем дон Хуан заговорил с ней. Он вывел ее из дома и показал ей, что весь мир разделен на две половины: левая сторона была чистой, а правая затянута желтоватым туманом. Он сказал ей, что чудовищно думать, будто мир познаваем или что мы сами являемся познаваемыми. Он сказал ей, что то, что она воспринимает, загадка, неразрешимая задача, которую можно воспринимать лишь со смирением и почтением. Затем он открыл ей правило. Ее ясность мысли была столь интенсивной, что она поняла все, что он говорил. Правило казалось ей само собой разумеющимся и очевидным. Он объяснил ей, что две половины человеческого существа полностью отделены и чтобы сорвать печать и пройти с одной стороны на другую, требуется огромная дисциплина и целеустремленность. Двойные существа имеют огромное преимущество: состояние двойственности позволяет легко передвигаться между отделами на правой стороне. Невыгодность положения двойственных существ в том, что, имея два отдела, они оседлы, консервативны и боятся перемены. Дон Хуан сказал ей, что его намерением было заставить ее передвинуться из ее крайнего правого отдела в ее более светлый и острый левый отдел правой стороны, но вместо этого по какой-то необъяснимой причине его удар послал ее через всю ее двойственность из ее повседневного крайнего правого отдела в ее крайний левый отдел. Он 4 раза пытался вернуть ее назад к обычному состоянию осознания, но безуспешно, однако его удары помогли ей включать и выключать по желанию свое восприятие стены тумана.

Хотя у дон Хуана и не было такого намерения, он был прав, говоря, что та линия была односторонней границей для нее. Перейдя ее однажды, она, точно так же как и Сильвио Мануэль, уже никогда не вернулась.

Когда дон Хуан свел женщину-нагваль и меня лицом к лицу, никто из нас не знал о существовании другого, однако мы мгновенно почувствовали, что знакомы друг с другом.

Дон Хуан знал по своему опыту, что равновесие, которое двойные существа испытывают в компании друг друга, неопишимо и уж слишком коротко. Он сказал нам, что мы были сведены вместе силой, невосприимчивой для нашего разума, и что единственное, чего мы не имеем, — это времени. Каждая минута может быть последней, поэтому проживать ее надо одухотворенно.

После того, как дон Хуан свел нас вместе, все, что оставалось ему и воинам, — найти четырех женщин-сталкеров, трех мужских воинов и одного мужчину-курьера, чтобы создавать нашу партию. Для этого дон Хуан нашел Лидию, Жозефину, Горду, Розу, бениньо, Нестора, Паблито и курьера Элихио. Каждый из них был копией в недоразвитой форме членов собственной партии дона Хуана.

12. НЕДЕЛАНИЕ СИЛЬВИО МАНУЭЛЯ

Дон Хуан и его воины отстранились, дав место женщине-нагвалю и мне претворить в действие правило, то есть вести к свободе, питать и поддерживать 8 воинов. Все, казалось, было в совершенном порядке и то же время что-то было не так.

Первая группа женских воинов, которых нашел дон Хуан, была сновидящими, тогда как им полагалось быть сталкерами. Он не знал, чем объяснить такую аномалию. Он мог только сделать заключение, что сила поставила его на тропу этих воинов так, что отказаться от них было невозможно.

Была еще одна поразительная аномалия, которая еще больше озадачивала дона Хуана и его воинов: трое женских и трое мужских воинов были неспособны войти в состояние повышенного сознания, несмотря на титанические усилия дона Хуана. У них замутнялось сознание, сбивался фокус зрения, но они не могли сломать печать, мембрану, разделяющую две половины. Их прозвали пьяницами, потому что они начинали качаться, теряя мышечную координацию. Только курьер Элихио и Горда были с необычайной степенью осознания, особенно Элихио, который был на равных с любым из людей дона Хуана.

Трое девушек сблизились между собой и образовали непоколебимую единицу. Так же сделали трое мужчин.

Группы из трех человек, когда правило предписывало 4, — были чем-то зловещим. Число 3 — это символ динамики, изменения движения и превыше всего символ ревитализации.

Правило не служило больше картой, и тем не менее было совершенно невообразимым, чтобы где-то вкралась ошибка. Дон Хуан и его воины считали, что правило не делает ошибок. Они пытались решить этот вопрос в своих сновидениях и в своем видении. Они думали и над тем, что, возможно, они были слишком торопливы и просто не видели, что эти трое женщин и трое мужчин были непригодными.

Дон Хуан признался мне, что он видел тут два взаимосвязанных вопроса. Первый — прагматическая проблема нашего присутствия среди них, второй касался надежности правила. Его бенефактор привел их к уверенности, что правило охватывает все, с чем может столкнуться воин. Он не подготовил их к такому случаю, когда правило может оказаться неприменимым.

Горда сказала, что у женщин из партии дона Хуана никогда не было проблем со мной, только мужчины были в растерянности: для мужчин было непонятным и неприемлемым, что правило могло быть неприменимым в моем случае.

Женщины, однако, были уверены, что раньше или позже причина моего появления среди них станет ясной. Я наблюдал, как женщины держались в стороне от эмоционального замешательства и, кажется, были полностью безразличны к тому, чем все кончится. Они, казалось, знали без всяких разумных оснований, что и мой случай каким-то образом входит в правило. В конце концов я определенно помог им тем, что принял свою роль. Благодаря женщине-нагвалю и мне, дон Хуан и его партия завершили свой цикл и были почти свободны.

Ответ пришел к ним, наконец, через Сильвио Мануэля. Его видение открыло, что 3 сестренки и Хенарос не были непригодными, скорее я был не тем нагвалем, который был им нужен. Я был неспособен вести их, потому что имел никем не заподозренную конфигурацию, которая не укладывалась в схему, данную правилом, конфигурацию, которую дон Хуан, как видящий, проглядел. Мое светящееся тело давало видимость четырех отделов, тогда как в действительности их было только 3. Существовало другое правило для того, что называлось «трехзубчатым нагвалем». Я подпадал под это правило. Сильвио Мануэль сказал, что я подобен птице, которую вывели теплом и заботой птицы другого вида. Все они, все же, должны были помочь мне так же, как и я был обязан сделать все возможное для них, хотя я и не подходил им.

Дон Хуан взял ответственность за меня на себя, поскольку это он ввел меня в их среду, но мое присутствие среди них вынудило их максимально выкладываться в поисках двух ответов: объяснение того, что я делаю среди них, и решения проблемы, что им в связи с этим нужно делать.

Сильвио Мануэль очень быстро нашел решение, как вывести меня из их среды. Он взял на себя задачу руководить планом, но поскольку у него не было ни терпения, ни энергии, чтобы иметь дело со мной лично, он поручил дону Хуану действовать вместо него.

Целью Сильвио Мануэля было подготовить меня к тому моменту, когда курьер, несущий правило, применимое к «трехзубчатому нагвалю», будет у меня. Он сказал, что в его задачу не

входит раскрывать эту часть правила. Я должен ждать, как должны ждать и все остальные, пока не придет нужное время.

Существовала еще одна серьезнейшая проблема, которая усиливала путаницу. Она касалась Горды и в конечном счете — меня. Горда была принята в мою партию как южная женщина. Дон Хуан и его видящие подтверждали это. Она, казалось, относится к той же категории, что Сесилия, Делия и другие женщины-курьеры. Сходство было неоспоримым. Затем Горда потеряла весь свой излишний вес и как бы вдвое уменьшилась. Перемена была столь радикальной и глубокой, что она превратилась уже во что-то иное.

Она долгое время оставалась незамеченной, просто потому, что все другие воины были заняты моими трудностями,

Однако ее перемена была настолько разительной, что они были вынуждены сфокусироваться на ней, и тут они увидели, что она вовсе не является южной женщиной. Объемы ее тела обманули их предыдущее видение. Они припомнили тогда, что уже с первого момента, как она появилась у них, она не могла близко сойтись с Сесилией, Делией и другими южными женщинами.

С другой стороны, она была прямо таки очарована и на короткой ноге с Нелидой и Флориндой, потому что она в действительности всегда была подобна им. Это означало, что в моей группе имеются две северные сновидящие — Горда и Роза, а это грубое нарушение правила.

Дон Хуан и его воины были более, чем озадачены. Они поняли все случившееся как знак, как указание на то, что весь ход событий принял какой-то непредвиденный оборот. Поскольку они не могли принять идею того, что человеческая ошибка способна пересилить правило, они решили, что были вынуждены ошибиться в результате высшей команды, по причинам, которые были трудны для понимания, но тем не менее реальны.

Они рассматривали вопрос о том, что же делать дальше, но прежде, чем кто-либо из них наткнулся на ответ, истинно южная женщина, донья Соледад, вышла на сцену с такой силой, что для них оказалось совершенно невозможно отказаться от нее. Она подходила под правило. Она была сталкером.

Ее присутствие на какое-то время сбilo нас с толку, потому что некоторое время казалось, что она собирается вытолкнуть нас на другую платформу. Флоринда взяла ее под свое крыло, чтобы проинструктировать в искусстве сталкинга, но какую бы пользу это ни приносило, этого было недостаточно, чтобы остановить ту странную потерю энергии, которую я чувствовал, — опустошенность, которая, казалось, увеличилась.

Затем, однажды, Сильвио Мануэль сказал, что в своих сновидениях он получил великолепный план. Он был оживленным и отправился обсудить его детали с доном Хуаном и другими воинами. Женщина-нагваль была включена в их обсуждение, а я нет, это заставило меня заподозрить, что они не хотят, чтобы я узнал о том, что же Сильвио Мануэль открыл относительно меня.

Я выложил каждому из них свои подозрения. Все они смеялись надо мной, кроме женщины-нагваль, которая сказала мне, что я прав.

Сновидения Сильвио Мануэля открыли причину моего присутствия среди них, но мне придется покориться своей судьбе, а это значит — не знать природы моей задачи до тех пор, пока я не буду готов к этому.

В ее тоне была такая бесповоротность, что я мог только безоговорочно принять все, что она сказала. Я думаю, что если бы дон Хуан или Сильвио Мануэль сказали мне то же самое, я не принял бы это так легко. Она сказала также, что не соглашалась с доном Хуаном и остальными, она считала, что меня следовало проинформировать об общей цели их действий, хотя бы только для того, чтобы избежать ненужных трений и сопротивления.

Сильвио Мануэль намеревался подготовить меня к моей задаче, введя непосредственно во второе внимание. Он планировал ряд смелых действий, которые должны были стимулировать мое осознание.

В присутствии всех остальных он сказал, что берет на себя руководство мною и что он перемещает меня в свою область силы — в ночь. Объяснения, которые он дал, заключались в том, что в его сновидении ему предстал ряд неделаний. Эти неделания предназначались для меня и Горды как исполнителей и женщины-нагваль в качестве наблюдателя.

Сильвио Мануэль испытывал благоговейный страх перед женщиной-нагваль, и у него были о ней только слова восхищения. Он сказал, что она обучается сама собой. Она могла во всем действовать на равных с ним самим или с любым из членов партии воинов.

У нее не было опыта, но она могла манипулировать своим вниманием любым образом, как ей было нужно. Он признавался, что ее совершенство было для него не меньшей загадкой, чем мое присутствие среди них, и что ее чувство цели и ее убежденность были настолько остры, что я был ей не пара.

Он, фактически, попросил Горду оказывать мне особую поддержку, чтобы я мог выдержать контакт с женщиной-нагваль.

Для нашего первого неделания Сильвио Мануэль сконструировал деревянную клетку, достаточно большую, чтобы вместить Горду и меня, если мы сядем спиной к спине с прижатыми к груди коленями. Клетка имела решетчатую крышку, чтобы обеспечить приток воздуха. Мы с Гордой должны были забраться внутрь и сидеть в полной темноте и в полном молчании, не засыпая. Он начал с того, что отправлял нас в ящик на короткое время; затем, когда мы привыкли к процедуре, он стал увеличивать время, пока не смогли проводить в ней целую ночь, не двигаясь и не засыпая.

Женщина-нагваль оставалась около нас, чтобы следить за тем, как бы мы не сменили уровень осознания от усталости. Сильвио Мануэль сказал, что нашей обычной тенденцией в необычных стрессовых условиях является смена состояния повышенного сознания на нормальное или же наоборот.

Общим эффектом этого неделания каждый раз, как мы его выполняли, было ни с чем не сравнимое чувство отдыха, что было полной загадкой для меня, поскольку мы ни минуты не спали в течение всего нашего ночного бдения.

Я связал это чувство отдыха с тем фактом, что мы находились в состоянии повышенного сознания, но Сильвио Мануэль сказал, что одно с другим никак не связано, что чувство отдыха возникает от сидения с поднятыми коленями.

Второе неделание состояло в том, что надо было лечь на землю, свернувшись по-собачьи почти в утробную позу, лежа на левом боку и лбом упираясь в сложенные руки. Сильвио Мануэль настаивал, чтобы мы держали глаза закрытыми как можно дольше, открывая их только тогда, когда он командовал нам сменить позу, и лечь на правый бок. Он говорил нам, что цель этого неделания состоит в том, чтобы позволить нашему слуху отделиться от зрения. Как и раньше, он постепенно увеличивал продолжительность такого лежания, пока мы не смогли проводить так целую ночь в слуховом бодрствовании.

После этого Сильвио Мануэль был готов перевести нас в другое поле деятельности. Он объяснил, что в первых двух неделаниях мы сломали некие барьеры в восприятии, пока были прикованы к земле. По аналогии он сравнил человеческие чувства с деревьями.

Мы подобны подвижным деревьям. Мы определенным образом укоренились в земле. Наши корни транспортабельны, но это не освобождает нас от грунта. Он сказал, что для установления равновесия мы должны выполнить третье неделание, вися в воздухе. Если мы добьемся успеха в том, чтобы направлять свое намерение, пока будем свисать с дерева в кожаных корсетах, то сформируем своим намерением треугольник, основание которого будет на земле, а вершина в воздухе. Сильвио Мануэль считал, что мы до такой степени собрали свое внимание первыми двумя неделаниями, что сможем в совершенстве выполнять третье с самого начала.

Однажды ночью он подвесил меня и Горду в двух отдельных корсетах, подобных плетеным стульям.

Мы сели в них, и он поднял нас через блок к самым высоким толстым ветвям высокого дерева. Он хотел, чтобы мы обратили внимание на осознание дерева, которое, как он сказал, будет давать нам сигналы, поскольку мы его гости. Он оставил женщину-нагваль на земле, чтобы она время от времени окликала нас по имени в течение всей ночи.

Будучи подвешенными к дереву бесчисленное количество раз, пока мы занимались этим неделанием, мы испытали могучий поток физических ощущений, подобных слабым уколам электрического импульса.

В течение первых 3-4 попыток дерево, казалось, противилось нашему вторжению. Затем, когда это прошло, импульсы стали сигналами мира и равновесия. Сильвио Мануэль рассказал нам, что осознание дерева берет свое питание из глубин земли, а осознание подвижных существ берет его с поверхности.

В дереве отсутствует чувство конфликта, тогда как движущиеся существа наполнены им до краев.

Он исходил из того, что восприятие испытывает глубокое потрясение, когда мы оказываемся в состоянии покоя в темноте. Наш слух при этом занимает ведущее положение и сигналы от всех живых и существующих тварей могут быть замечены не только при помощи нашего слуха, но и при помощи комбинации слуховых и зрительных чувств, расположенных в этом порядке. Он сказал, что в темноте, особенно, когда ты подвешен, глаза занимают подчиненное положение по отношению к ушам.

Как мы с Гордой убедились, он был абсолютно прав. При помощи третьего неделания он дал нашему восприятию окружающего мира третье измерение.

Затем он сказал нам с горой, что следующий комплекс из трех упражнений неделания будет существенно иным и более сложным. Они будут иметь отношение к поведению в другом мире. Обязательным требованием здесь было доводить до максимума эффект этих упражнений

перемещением времени действия на вечерние или предрассветные сумерки. Он сказал нам, что первое неделание второго комплекса состоит из двух стадий. На первой стадии мы должны провести себя в самое обостренное из наших состояний повышенного сознания, чтобы можно было заметить стену тумана, когда это будет достигнуто, наступит вторая стадия, на которой мы должны заставить стену тумана перестать вращаться для того, чтобы проникнуть в мир между параллельными линиями. Параллельными линиями.

Он предупредил нас, что его целью в конце концов является поместить нас прямо во второе внимание без всякой интеллектуальной подготовки. Он хотел, чтобы мы учились его тонкостям без разумного понимания того, что мы делаем. Он исходил из того, что магический олень или магический койот управляются вторым вниманием вообще без интеллекта. Благодаря вынужденной практике путешествий через стену тумана мы подвергаемся рано или поздно стойкому изменению всего нашего существа, — изменению, которое заставит нас принять как должное то, что мир между параллельными линиями реален, ибо он является частью общего мира, как наше светящееся тело является частью всего нашего существа.

Сильвио Мануэль сказал тоже, что он использует Горду и меня, чтобы проверить возможность того, что мы сможем когда-нибудь помочь другим ученикам, сопровождая их в другой мир; тогда они смогли бы сопровождать нагваля Хуана Матуса и его партию в их последнем путешествии. Он говорил, что поскольку женщина-нагваль должна покинуть этот мир с нагвалем Хуаном Матусом и его воинами, ученики должны последовать за ней, так как она остается их единственным лидером в отсутствии нагваля-мужчины. Он сказал нам, что она рассчитывает на нас и что именно в этом причина того, что она наблюдает всю нашу работу.

Сильвио Мануэль усадил Горду и меня на пол в задней половине его дома — там, где мы выполняли все неделание. Нам не понадобилась помощь дон Хуана для того, чтобы войти в наше самое обостренное состояние сознания.

Почти сразу я увидел стену тумана, Горда тоже, однако как мы ни пытались, мы не могли остановить ее вращения. Каждый раз, когда я двигал головой, стена двигалась тоже.

Женщина-нагваль могла остановить ее и пройти на ту сторону, но как бы она ни старалась, она не могла тащить за собой и нас двоих. В конце концов дон Хуан и Сильвио Мануэль были вынуждены остановить стену для нас и физически толкнуть нас через нее. Ощущение, которое я испытал, входя в эту стену, сравнимо с тем, как если бы мое тело скручивали, словно волокна веревки.

На другой стороне находилась ужасная пустынная равнина с небольшими круглыми песчаными дюнами. Вокруг нас были очень низкие желтые облака, но ни неба, ни горизонта не было видно. Ключья бледно-желтого тумана мешали видимости. Очень трудно было ходить. Давление, казалось, было намного больше того, к которому привыкло мое тело. Мы с Гордой шли бесцельно, но женщина-нагваль, казалось, знала куда она идет. Чем дальше мы уходили от стены тумана, тем темнее становилось и тем труднее было двигаться. Мы с Гордой не могли больше идти выпрямившись; мы были вынуждены ползти. Я потерял всю силу, и так же Горда. Женщине-нагваль пришлось тащить нас волоком обратно к стене и вытаскивать затем оттуда.

Мы повторяли это путешествие бесчисленное число раз. На первых порах дон Хуан и Сильвио Мануэль помогали нам, останавливая стену тумана, но затем я и Горда сами добились в этом чуть ли не такого же мастерства, как женщина-нагваль.

Мы научились останавливать вращение этой стены. Произошло это для нас совершенно естественно. Например, я однажды вообразил, что ключом является мое намерение — особый аспект моего намерения, потому что это не было моим волевым действием, несколько я его знаю. Это было интенсивное желание, которое фокусировалось в центре моего тела. Была непонятная нервозность, от которой по мне пробегала дрожь, а затем она превратилась в силу, которая в действительности не остановила стену, а заставила какую-то часть моего тела произвольно повернуться вправо на 90 градусов.

Результатом было то, что на секунду у меня было два поля зрения: я смотрел на мир, разделенный на две половины и в тоже время я смотрел прямо на гущу желтоватого испарения. Последнее поле зрения взяло верх и что-то толкнуло меня в туман и за него.

Другое, чему мы научились, это смотреть на ту местность, как на реальность. Наши путешествия приобрели для нас такую же материальность, как экскурсия в горы или морская поездка на яхте. Пустынная равнина с подобными песчаным дюнам буграми стала столь же реальна для нас, как и любая другая часть мира.

У нас с Гордой было такое чувство, будто мы вдвоем провели уже целую вечность между параллельными линиями. Однако мы не могли припомнить, что же в действительности там испарялось. Мы могли только вспоминать ужасающие моменты, когда нам надо было покидать эту местность. Это всегда бывал момент страшной тревоги и неуверенности.

Дон Хуан и все его воины с большим любопытством следили за всеми нашими попытками; единственным, кто никак не соприкасался с нашей деятельностью, был Элихио.

Хотя он и сам был безупречным воином, сравнимым с воинами дона Хуана, он не принимал участия в нашей борьбе и никак не помогал нам. Горда сказала, что Элихио удалось прилепиться к Эмилито и этим прямо к партии дона Хуана. Он никогда не был частью нашей проблемы, потому что ему войти во второе внимание и путешествовать там было все равно, что глазом моргнуть.

Горда напомнила мне тот день, когда необычайные таланты Элихио позволили ему обнаружить, что я — не их человек, Задолго до того, как кто-либо еще хотя бы заподозрил истину.

Я сидел на заднем крыльце дома Висенте, когда внезапно появились Эмилито и Элихио. Все принимали за должное, что Эмилито должен был исчезать на долгие периоды времени, когда же он вновь появлялся, то каждый опять-таки считал само собой разумеющимся, что он вернулся из путешествия. Никто не задавал ему никаких вопросов. Он докладывал о своих находках сначала дону Хуану, а затем любому, кто хотел его слушать.

В тот день все выглядело так, будто Эмилито и Элихио только что вошли через заднюю дверь. Эмилито, как всегда, кипел. Элихио, как обычно, был спокойным и бесстрастным. Я всегда думал, когда видел их вместе, что утонченность личности Эмилито подавляла Элихио и делала его еще более замкнутым.

Эмилито вошел внутрь, разыскивая дона Хуана, а Элихио приветствовал меня. Он улыбнулся и сел рядом со мной. Он положил руку мне на плечи и шепотом сказал, что сломал печать параллельных линий и может теперь ходить в такое место, которое Эмилито назвал великолепным.

Элихио стал объяснять мне что-то насчет этого великолепия, чего я не мог понять. Казалось, мой ум способен фокусироваться только на периферии этого события. Кончив объяснять мне, Элихио взял меня за руку и поставил среди двора так, что чтобы я смотрел на небо со слегка поднятым подбородком. Он стоял справа от меня в той же позе. Он велел мне отбросить контроль и падать назад под тяжестью своей макушки. Что-то схватило меня сзади и потянуло вниз. Позади меня была пропасть. Я упал в нее, а затем внезапно оказался на пустынной равнине с дюноподобными холмиками.

Элихио хотел, чтобы я следовал за ним. Он сказал мне, что край великолепия находится за холмами. Я шел с ним, пока не устал так, что не мог больше идти. Он бежал впереди меня совсем без усилий, будто был воздушным. Остановившись на вершине большого холма, он указал на него. Он сбегал обратно ко мне и попросил меня поползти на этот холм, который и был краем великолепия. Он был не дальше 30 м от меня, но я не мог двинуться дальше и на сантиметр. Он попытался затащить меня на холм, но не мог меня сдвинуть. Мой вес увеличился в сотни раз. В конце концов Элихио пришлось позвать дона Хуана и его партию.

Сесилия подняла меня к себе на плечи и вынесла оттуда.

Горда говорила, что это Эмилито подтолкнул Элихио на такие действия со мной. Эмилито действовал в согласии с правилом. Мой курьер путешествовал в великолепие. Правило требовало, чтобы он показал мне его.

Я мог припомнить, с каким нетерпением и страстью на лице Элихио делал последнее усилие, чтобы помочь мне стать свидетелем великолепия. Я мог припомнить также его печаль и разочарование, когда мне это не удалось. После этого он никогда со мной не заговаривал.

Мы с Гордой так увлеклись путешествиями на стену тумана, что совсем забыли о следующей серии неделаний Сильвио Мануэля. Он сказал нам, что это неделание может быть опустошительным, и что оно состоит из пересечения параллельных линий с тремя сестренками и тремя Хенарос прямо ко входу в мир полного осознания.

Сильвио Мануэль добавил, что ждет от нас, чтобы мы познакомились с третьим вниманием после того, как он будет помещать нас вновь и вновь у подножия орла. Он подготовил нас к потрясению. Он объяснил, что путешествия воина в пустынную долину с дюнами являются подготовительным шагом для действительного пересечения границ. Чтобы проходить через стену тумана, требуется очень небольшая часть нашего полного осознания, тогда как чтобы телесно перейти в другой мир нужно все наше существо полностью.

Сильвио Мануэль решил использовать мост как символ настоящего пересечения. Он говорил, что мост находится рядом с местом силы, а места силы являются расщелинами, проходами в другой мир. Он считал возможным, что мы с Гордой получили достаточно силы, чтобы выдержать взгляд орла.

Он заявил, что моим личным долгом является собрать этих 3 женщин и 3 мужчин и помочь им войти в их самое обостренное состояние сознания. Это самое малое, что я мог сделать для них, поскольку я, возможно, был тем инструментом, который разрушает их шансы на свободу.

Он перенес наше время действия на предрассветный час, или утренние сумерки. Я старательно пытался заставить их сменить уровни осознания, как это делал со мной дон Хуан. Поскольку я не имел представления о том, как управлять их телами или о том, что я должен

делать с ними, то я кончил тем, что стал бить их по спине. После нескольких убийственных попыток с моей стороны, дон Хуан, наконец, вмешался.

Он подготовил их настолько, насколько это вообще было возможно с ними, и передал их мне, чтобы я загонял их, как коров, на мост. Место силы было с юга от нас — очень благоприятный знак. Сильвио Мануэль планировал перейти первым, подождать, пока я передам их ему, а затем толкнуть нас всей группой в неведомое.

Сильвио Мануэль прошел на мост в сопровождении Элихио, который даже не взглянул на меня. Я удерживал шестерых учеников тесной группой на северной стороне моста. Они были перепуганы. Они вырвались из моей хватки и бросились бежать в разные стороны.

Мне удалось одну за другой поймать троих женщин и передать их Сильвио Мануэлю. Он держал их у входа в трещину между мирами. Троих мужчин мне поймать не удалось. Я слишком устал, гоняясь за ними. Я посмотрел на дону Хуана через мост, ища совета. Вся остальная его партия и женщина-нагваль стояли тесной группой, глядя на меня. Она подбадривала меня жестами, чтобы я дальше гонялся за мужчинами, смеясь над моими попытками.

Дон Хуан сделал мне знак головой, чтобы я не обращал внимания на мужчин и переходил к Сильвио Мануэлю с Гордой.

Мы перешли. Сильвио Мануэль и Элихио удерживали стороны вертикальных щелей в рост человека. Женщины побежали и спрятались позади Горды. Сильвио Мануэль велел нам всем шагнуть в отверстие.

Я повиновался, женщины нет. Позади входа не было ничего и тем не менее все там было до краев заполнено тем, что было ничем. Мои глаза были открыты, все чувства обострены. Я напрягся, пытаюсь видеть перед собой, но передо мной не было ничего. Мои чувства не имели деления на отделы, которые я научился рассматривать как имеющие значение. Все пришло ко мне сразу или же это ничто пришло ко мне в такой степени, какой я не испытывал никогда раньше. Я чувствовал, что мое тело разрывается на части.

Сила из середины меня рвалась наружу. Я разрывался — не в переносном смысле. Внезапно я почувствовал, как человеческая рука выхватила меня оттуда, прежде чем я распался.

Женщина-нагваль прошла туда и спасла меня. Элихио не мог двинуться, потому что он удерживал створки входа. Я полагал, что все событие должно было занять четверть часа, но в то время мне ни разу не пришлось в голову подумать о людях на мосту. Время, казалось, каким-то образом остановилось, точно так же, как оно остановилось, когда мы вернулись на этот мост по пути в город мехико.

Сильвио Мануэль сказал, что хотя попытка и казалась неудачной, она была полным успехом: 4 женщины увидели отверстие и через него увидели другой мир, а то, что испытал я, было истинным чувством смерти.

— Нет ничего ужасного или спокойного в смерти, — сказал он, — потому что настоящий ужас начинается после умирания. С той же неизмеримой силой, которую ты испытал там, орел вытянет из тебя каждую искру сознания, которую ты когда-либо имел.

Сильвио Мануэль подготовил Горду и меня к другой попытке. Об объяснил, что места силы были в действительности дырами в покрове, который не дает миру потерять свою форму. Место силы может быть использовано так долго, пока хватит силы, собранной во втором внимании. Он сказал нам, что ключом к тому, чтобы выстоять в присутствии орла, является сила собственного намерения. Без намерения ничего нет. Он сказал мне, что меня там чуть не убила моя неспособность изменить свое намерение. Но он был уверен, что путем усиленной практики все мы придем к тому, что сможем удлинить свое намерение. Он пошутил, что только нагваль Хуан Матус мог бы объяснить это, но его-то и нет поблизости.

К сожалению, наша следующая попытка не состоялась, потому что я оказался без энергии. Это было быстрой и опустошительной потерей сил. Внезапно я так ослабел, что потерял сознание.

Я спросил у Горды, знает ли она, что произошло потом, и Горда сказала, что Сильвио Мануэль рассказал всем присутствующим о том, что орел отделил меня от их группы и что я, наконец, готов к тому, чтобы они подготовили меня к выполнению предназначенного мне судьбой. Его планом было взять меня в мир между двумя параллельными линиями, пока я нахожусь без сознания, и позволить тому миру вытащить из моего тела всю оставшуюся и бесполезную энергию. Его идея имела смысл, по мнению всех его компаньонов, потому что туда можно входить только с осознанием. Войти туда без него означает смерть, поскольку при отсутствии осознания жизненная сила растрачивается из-за воздействия давления того мира.

Горда добавила, что они не брали ее со мной вместе, однако нагваль Хуан Матус рассказывал ей, что после того, как я остался совсем без жизненной энергии, практически мертвым, все они по очереди вдули в меня новую энергию. В том мире любой, кто обладает жизненной силой, может отдавать ее другим, дую на них. Они вливали свое дыхание во все те точки, где находятся хранилища энергии.

После того, как они вдули в меня свою энергию, женщина-нагваль принесла меня из тумана в дом Сильвио Мануэля. Она положила меня на землю головой к юго-востоку. Горда сказала, что я выглядел мертвецом.

Женщина-нагваль объяснила, что я заболел, но что когда-нибудь я вернусь, чтобы помочь им найти свободу, потому что я не буду свободен сам, пока не сделаю этого. Потом Сильвио Мануэль дал мне свое дыхание и вернул меня к жизни, вот почему она запомнила, что он — мой хозяин. Он отнес меня в постель и оставил спать, будто ничего не случилось.

После того, как я проснулся, я уехал и не вернулся. Дальше она забыла, потому что никто больше не переводил ее на левую сторону. Она уехала жить в тот город, где я нашел ее вместе с другими. Нагваль Хуан Матус и Хенаро образовали два равных дома: Хенаро заботился о мужчинах, а Хуан — о женщинах.

Я отправился спать, чувствуя себя подавленным, слабым. Когда я проснулся, то отлично контролировал себя, был оживленным, полным необычайной и незнакомой мне энергии. Мое прекрасное самочувствие было омрачено только словами дон Хуана о том, что я должен покинуть Горду и стремиться в одиночестве совершенствовать свое второе внимание вплоть до того дня, когда я смогу вернуться, чтобы помочь ей. Он сказал мне также, чтобы я не боялся и не отчаивался, потому что носитель правила со временем покажется мне, чтобы раскрыть мне мою истинную задачу.

После этого я не видел дон Хуана долгое время. Когда я вернулся, он продолжал перемещать меня из правой стороны сознания в левую ради двух целей: во-первых, чтобы я мог продолжать свои отношения с его воинами и женщиной-нагваль, а во-вторых, чтобы он мог поставить меня под непосредственное наблюдение Зулейки, с которой у меня были постоянные взаимодействия в течение всех оставшихся лет моей связи с доном Хуаном.

Он говорил мне, что причина, по которой он вручает меня Зулейке, состоит в том, что согласно мастерскому плану Сильвио Мануэля, я должен был получить два рода инструкций: один для правой стороны, другой — для левой. Инструкции для правой стороны относились к состоянию нормального сознания и были направлены на то, чтобы привести меня к интеллектуальному убеждению, что в человеческих существах существует другой, скрытый тип сознания. Ответственным за этот инструктаж был дон Хуан. Инструктаж для левой стороны был поручен Зулейке. Он был связан с состоянием повышенного сознания и касался исключительно обращения со вторым вниманием. Так каждый раз, когда я приезжал в Мексику, половину моего времени я проводил с Зулейкой, а другую половину с доном Хуаном.

13. ТОНКОСТИ ИСКУССТВА СНОВИДЕНИЯ

Задачу введения меня во второе внимание дон Хуан начал с того, что говорил мне так, будто я уже имею большой опыт по вхождению в него. Сильвио Мануэль подводил меня к самому входу. Упущением тогда было то, что мне не были даны соответствующие разумные обоснования.

Мужским воинам необходимо предъявить серьезные причины прежде, чем они рискнут отправиться в неизвестное.

Женские воины не подвержены этому и могут идти без всяких колебаний, при том условии, что они полностью доверяют тому, кто их ведет.

Он сказал мне, что начать я должен с того, что научусь тонкостям искусства сновидения; после этого он поместит меня под наблюдение Зулейки. Он предупреждал меня следить за тем, чтобы быть безупречным и обязательно практиковать все, чему я научусь, но главное — быть осторожным и сознательным в своих поступках, чтобы не растратить свою жизненную силу понапрасну.

Он сказал, что предварительным требованием для входа в любую из 3 стадий внимания является обладание жизненной силой, потому что без нее воин не может иметь ни направления, ни цели. Он объяснил, что сразу после смерти наше сознание тоже входит в третье внимание, но только на мгновение — в виде процесса очистки перед тем, как орел проглотит его.

Горда сказала, что нагваль Хуан Матус заставил каждого из учеников научиться сновидениям. Она считала, что всем им была дана эта задача одновременно со мной. Их инструктаж тоже делился на левый и правый. Она сказала далее, что инструкции для состояния нормального сознания давали нагваль и Хенаро. Когда они решили, что ученики готовы, нагваль заставил их изменить сознание на повышенное и оставил каждого с соответствующим напарником.

Висенте учил Нестора, Сильвио Мануэль — бениньо, Хенаро — Паблито, Лидию — Гермелинда, а Розу — Нелида.

Горда добавила, что Жозефина и она сама были доверены заботам Зулейки, чтобы они вместе научились более тонким моментам сновидения, чтобы когда-нибудь они смогли прийти мне на помощь.

Более того, Горда сделала собственное заключение, что мужчин отдавали также на обучение Флоринде, чтобы они изучали искусство stalking. Доказательством этого была поразительная перемена в их поведении. Она сказала, что знала еще прежде, чем что-либо вспомнила, что и ее обучали принципам искусства stalking, но очень поверхностным образом — ее не готовили для практики, в то время как мужчинам давалось практическое знание и задачи. Изменение в их поведении было доказательством. Они стали беззаботными и веселыми. Они наслаждались своей жизнью в то время, как она и другие женщины становились из-за своих занятий сновидениями все более мрачными и замкнутыми.

Горда считала, что мужчины не могли вспомнить своих инструкций, когда я просил их рассказать мне о том, что они знают об искусстве stalking, потому что они, применяя его, не знали, что именно делают. Их тренировка, однако, была заметна, когда они общались с людьми. Они были прекрасными артистами, когда нужно было склонить людей к своему желанию. Благодаря своей политике искусства stalking мужчины даже научились контролируемой глупости. Например, они вели себя так, как если бы Соледад была матерью Паблито. Для любого наблюдателя они показались бы матерью и сыном, очень жалеющими друг друга, тогда как в действительности они играли свои роли. Они убедили всех. Иногда Паблито давал такие представления, что мог бы убедить даже самого себя.

Горда призналась, что все они были более, чем озадачены, моим поведением. Они не знали, то ли я сошел с ума, то ли являюсь мастером контролируемой глупости. Внешне по всему моему поведению, было видно, что я верил в их маскарад. Соледад сказала, чтобы они не поддавались на эту удочку, потому что я действительно сумасшедший. Внешне кажется, что я контролирую себя, но на самом деле я настолько идиот, что не могу вести себя как нагваль. Она уговорила каждую из женщин, чтобы та нанесла мне смертельный удар. Она сказала им, что я сам просил об этом однажды, когда был в своем уме.

Горда сказала, что ей потребовалось несколько лет, чтобы под руководством Зулейки научиться сновидению. Когда нагваль Хуан Матус решил, что она добилась мастерства, он свел ее, наконец, с ее настоящей напарницей — Нелидой. Именно Нелида показала ей, как вести себя в мире людей. Она заботилась не столько о том, чтобы Горда чувствовала себя легко в западной одежде, но и прививала ей хороший вкус, потому что когда она надела свою одежду в оасаке и изумила меня своим очарованием и грацией, она была уже опытна в таких превращениях.

Как мой гид, Зулейка была мне очень полезна, проводя меня во второе внимание. Она настояла на том, чтобы наши взаимодействия имели место ночью в полной темноте. Для меня Зулейка была только голосом в темноте, голосом, который начинал каждый контакт из всех, которые у нас были, с того, что велел мне сфокусировать внимание на ее словах и ни на чем больше. Ее голос был тем женским голосом, который, как думала Горда, она слышала в сновидениях.

Зулейка говорила мне, что если сновидение должно состояться в закрытом помещении, то лучше всего проводить его в полной темноте, лежа или сидя на узкой кровати или еще лучше сидя внутри гробоподобного ящика.

Она считала, что сновидение вне помещений должно проводиться под защитой пещеры в песчаных районах, у бухт или сидя у скалы в горах, но никогда на плоских равнинах рядом с реками, озерами, морем, потому что плоские районы, точно так же, как и вода, противоположны второму вниманию.

Каждая из моих сессий была полна мистических обертонов.

Она говорила, что самый прямой ход ко второму вниманию лежит через ритуальные действия, монотонное пение, сложные повторяющиеся движения.

Ее учение не касалось предварительных ступеней сновидения, которым меня уже обучил дон Хуан. Она исходила из того, что любой, кто к ней приходит, уже знает, как делать сновидения, поэтому она касалась исключительно эзотерических моментов левостороннего сознания.

Инструкции Зулейки начались в тот день, когда дон Хуан привел меня в ее дом. Мы приехали туда в конце дня. Дом казался пустым, хотя передняя дверь открылась, когда мы приблизились. Я ожидал появления Зойлы или Марты, но в дверях никого не было. У меня было такое ощущение, что открывший нам дверь сразу же убрался с нашего пути. Дон Хуан провел меня в крытую веранду и посадил на ящик, к которому была приделана спинка, превратившая его в скамейку. Сидеть на ящике было очень жестко и неудобно. Я запустил руку под тонкое покрывало, и обнаружил там острые камни. Дон Хуан сказал, что мое положение неудобно потому, что я должен изучить тонкости сновидения, совершаемого в спешке. Сидение на жесткой поверхности должно было напоминать моему телу, что оно находится в ненормальной ситуации. За несколько минут до прибытия к этому дому дон Хуан изменил мне уровень

сознания. Он сказал, что инструкции Зулейки должны проводиться в таком состоянии для того, чтобы я имел ту скорость, которая мне нужна. Он предупредил меня, чтобы я забыл себя и полностью доверился Зулейке.

Затем он приказал, чтобы я сфокусировал взгляд со всей концентрацией, на какую способен, и запомнил каждую деталь веранды, находящуюся в поле моего зрения. Он настаивал, чтобы я запомнил и такую деталь, как ощущение моего сидения здесь.

Чтобы удостовериться, что я все понял, он еще раз повторил свои инструкции и затем ушел.

Быстро стало очень темно, и сидя там, я начал сильно дрожать. У меня было достаточно времени, чтобы сконцентрироваться на деталях веранды. Я услышал какой-то шуршащий звук позади себя, а затем голос Зулейки заставил меня вздрогнуть. Громким шепотом она сказала, чтобы я поднялся и следовал за ней. Я автоматически повиновался. Лица ее я не мог видеть, она была только темной фигурой, идущей в двух шагах передо мной. Она привела меня к алькову в самом темном зале ее дома. Хотя мои глаза привыкли к темноте, я все еще не мог ничего видеть. Я споткнулся обо что-то и она приказала мне сесть на узкую детскую кровать и опереться спиной на что-то, что я принял за жесткую подушку.

Вслед за тем я ощутил, как она отошла на несколько шагов сзади меня, что меня крайне озадачило, потому что я думал, что моя спина находится лишь в нескольких сантиметрах от стены. Находясь позади меня, она мягким голосом приказала мне сфокусировать внимание на ее словах и позволить им вести меня. Она сказала, чтобы я держал глаза открытыми и фиксированными на точке, находящейся прямо передо мной на уровне глаз, и что эта точка превратится в яркий и приятный оранжевый свет.

Зулейка говорила очень мягко и монотонно. Я слышал каждое сказанное ею слово.

Темнота вокруг меня, казалось, эффективно подавляла любые отвлекающие внешние стимулы. Я слышал слова Зулейки в пустоте, а затем до меня дошло, что внутри меня царит такая тишина, как и в зале.

Зулейка объяснила, что сновидящий должен начинать с цвета, ибо интенсивный свет или ничем ненарушенная темнота бесполезны для сновидящего на первых порах.

Такие цвета, как пурпурный, или светло-зеленый, или насыщенно-желтый являются прекрасными стартовыми точками. Сама она предпочитала, однако, оранжево-красный цвет, потому что, согласно большому опыту, он является таким цветом, который давал ей самое большое ощущение отдыха. Она заверила меня, что как только мне удастся войти в оранжево-красный цвет, я смогу постоянно вызывать свое второе внимание при условии, что смогу осознавать последовательность физических событий.

Мне потребовалось несколько сеансов с голосом Зулейки, чтобы понять своим телом, чего она от меня хочет. Преимущество пребывания в состоянии повышенного сознания состояло в том, что я мог следить за своим переходом из состояния бодрствования в состояние сновидения. В нормальных условиях этот переход расплывчат, но в этих особых обстоятельствах я действительно ощутил во время одной из сессий, как берет контроль мое второе внимание.

Первым шагом была необычайная трудность дыхания; не так, чтобы было трудно вдыхать и выдыхать и не так, чтобы мне не хватало воздуха, просто мое дыхание внезапно изменило ритм. Моя диафрагма начала сокращаться и вынудила среднюю часть моего живота двигаться с большой скоростью. В результате получилось самое быстрое дыхание, какое я когда-нибудь знал. Я дышал нижней частью легких и ощущал сильное давление на кишечник. Я попытался безуспешно прервать судорожные движения моей диафрагмы. Чем усиленней я пытался, тем бесполезней это становилось. Зулейка приказала мне позволить телу делать все, что нужно, и даже не думать о том, чтобы направлять или контролировать его. Я хотел послушаться ее, но не знал как. Спазмы, которые длились, наверно, от 10 до 15 минут, утихли так же быстро, как и появились, сменившись внезапно другим странным и потрясающим ощущением. Я ощутил его вначале как очень странную щекотку, как физическое чувство, которое нельзя было назвать приятным или неприятным, — это было что-то, похожее на нервную дрожь. Она стала настолько интенсивна, что это заставило меня сфокусировать свое внимание на ней, чтобы определить, в какой части тела она имеет место. Я был поражен, когда понял, что она отсутствует в моем физическом теле, а находится снаружи его, но тем не менее, я все же ее чувствую.

Не слушая приказа Зулейки войти в окрашенное пятно, которое образовалось прямо на уровне моих глаз, я полностью отдался исследованию этого странного ощущения, находящегося вне моего тела.

Зулейка, видимо, увидела, что со мной происходит. Она внезапно начала мне объяснять, что второе внимание принадлежит светящемуся телу так же, как первое внимание принадлежит телу физическому. Та точка, где собирается второе внимание, расположена как раз там, где указывал Хуан Тума при нашей первой встрече, приблизительно в полутора футах перед серединной точкой между желудком и пупком и в 10 См вправо.

Зулейка приказала мне массировать это место, двигая пальцами обеих рук по этой точке, как будто я играю на лютне. Она заверила меня, что рано или поздно я почувствую, как мои пальцы проходят через что-то густое, подобное воде, и что в конце концов я нащупаю свою светящуюся оболочку.

Продолжая двигать пальцами, я ощутил, как воздух становится все гуще до тех пор, пока не стал какой-то густой массой.

Неопределенное физическое наслаждение распространилось по мне; я подумал, что прикасаюсь к нерву своего тела, и тут же понял глупость такой мысли и абсурдность всего этого. Я остановился.

Зулейка предупредила меня, что если я не буду двигать пальцами, она ударит меня по голове. Чем дольше я продолжал волнообразные движения, тем ближе к телу я чувствовал почесывание. В конце концов оно оказалось в 20-15 см от моего тела. Во мне как будто что-то осело. Я действительно считал, что могу чувствовать впадину. Затем последовало еще одно неземное ощущение. Я засыпал и тем не менее был в полном сознании. В ушах у меня звенело, а затем я почувствовал, как какая-то сила опрокинула меня на левый бок, не разбудив. Эта же сила меня скатала, очень туго, как сигару, и вмяла внутрь щекочущего углубления. Мое осознание осталось там, неспособное проснуться, но в то же время так туго накрученное на само себя, что уснуть я тоже не мог.

Я услышал, как голос Зулейки велит мне осмотреться. Я не мог открыть глаза, но чувство осязания говорило мне, что я нахожусь во впадине, лежа на спине. Я чувствовал себя удобно и в безопасности. В моем теле была такая плотность, такая компактность, что мне совсем не хотелось вставать. Голос Зулейки приказал мне подняться и открыть глаза. Я не мог этого сделать. Она сказала, что я должен пожелать, чтобы мои движения совершались, и что для того, чтобы подняться, мне не нужно больше сокращать мышцы.

Я подумал, что она сердится за мою медлительность. Тут я понял, что нахожусь в полном сознании, пожалуй, в более ясном сознании, чем у меня когда-нибудь было. Я мог разумно думать и в то же время я крепко спал. У меня мелькнула мысль, что Зулейка привела меня в состояние глубокого гипноза. Секунду это меня заботило, затем перестало иметь значение. Я весь отдался чувству свободного плавания в подвешенном состоянии.

Больше я не слышал ничего из того, что она говорила. То ли она перестала говорить со мной, то ли я отключил звуки ее голоса. Я не хотел покидать это место. Я никогда не чувствовал себя так спокойно и целно и продолжал лежать, не желая ни подниматься, ни что-нибудь менять. Я мог чувствовать ритм своего дыхания. Внезапно я проснулся.

Во время моей следующей сессии с Зулейкой, она сказала, что мне удалось сделать впадину в моей светимости самостоятельно, а это означает приближение отделенной точки моей светящейся оболочки ближе к физическому телу, а значит и ближе к контролю. Она несколько раз повторила, что с того момента, как тело научилось делать эту впадину, легче входить в сновидение. Я с ней согласился. У меня был странный импульс или ощущение, что мое физическое тело внезапно научилось раздваиваться. Это была смесь ощущений легкости, безопасности, сна, подвешенности, без чувства осязания и в то же время полное бодрствование и осознание всего.

Горда сказала, что нагваль Хуан Матус несколько лет старался создать эту впадину у нее, у всех трех сестричек, а также у Хенарос и дать им постоянную способность фокусировать свое второе внимание. Он говорил им, что обычно такая впадина создается сновидящим под влиянием момента, когда он в этом нуждается, а затем светящаяся оболочка принимает свою первоначальную форму.

Но в случае с этими учениками из-за того, что они не имели лидера-нагваля, впадина была образована снаружи и была постоянной чертой их светящихся тел — большая помощь, но и слабое место.

Она сделала их всех уязвимыми в этой точке и влияла на перемены настроения.

Я вспомнил, что однажды я увидел и пнул углубление в светящейся оболочке Лидии и Розы. Я думал, что впадина была на высоте верхней наружной части их правого бедра. Горда объяснила, что я тогда пнул в углубление их второго внимания и чуть не убил их.

По словам Горды, она с Жозефиной жила в доме Зулейки в течение нескольких месяцев.

Нагваль Хуан Матус передал их ей однажды после того, как сместил им уровни осознания. Он не говорил им, что они будут там делать и чего им ожидать; он просто оставил их одних в зале ее дома и ушел. Они сидели там, пока не стемнело. Тогда к ним пришла Зулейка. Они никогда не видели ее, а только слышали ее голос.

Зулейка была очень требовательна с того момента, как приняла руководство. Она приказала им раздеться и залезть в толстые пушистые ватные мешки. Эти мешки покрыли их от шеи до кончиков пальцев ног. Затем она приказала им сесть на циновки спиной к спине в том же алькове, где обычно сидел я. Она сказала им, что их задача — глядеть в темноту, пока та не начнет окрашиваться. После многих сессий они действительно начали видеть цвета в темноте.

С этого момента Зулейка заставила их сидеть бок-о-бок и смотреть в одну и ту же точку.

Горда сказала, что Жозефина училась очень быстро и однажды ночью она эффектно вошла в оранжево-красное пятно. Горда думала, что или Жозефина дотянулась до цветного пятна, или оно дотянулось до нее.

Результатом было то, что Жозефина мгновенно исчезла, с этого момента Зулейка разделила их и Горда начала свое медленное одинокое обучение.

Рассказ Горды напомнил мне, что Зулейка и меня заставляла залезать в пушистое одеяние.

Те команды, которые она применяла, чтобы приказать мне забраться внутрь, открыли мне разумность использования такого мешка. Она говорила, чтобы я почувствовал его пушистость своей обнаженной кожей, особенно кожей икр.

Если кожу в этом месте заставить расслабиться, то объем нашего восприятия увеличится такими путями, которые невозможно исследовать рассудком. Мешок был очень мягким и теплым и производил необычайные ощущения приятного расслабления в ногах. Деятельность нервов моих икр очень повысилась.

Горда рассказывала о таких же ощущениях физического удовольствия. Она даже сказала, что именно сила такого мешка помогла ей найти пятно оранжево-красного цвета. Это одеяние произвело на нее такое впечатление, что она даже сшила такой же мешок, копию с оригинала, но его эффект не был таким же, хотя он давал ей все же блаженное спокойствие и хорошее самочувствие. Она сказала, что они с Жозефиной проводили все свободное время в своих мешках, которые она сшила им обоим.

Лидию и Розу тоже помещали в такое одеяние, но оно им никогда не нравилось, точно также как и мне.

Горда объясняла, что привязанность к таким мешкам ее и Жозефины была прямым следствием того, что они нашли свой цвет сновидений, находясь внутри мешков. Она сказала, что причиной моего безразличия к нему было то, что я вообще не входил в окраску, скорее окраска приходила ко мне. Она была права. Что-то еще, помимо голоса Зулейки диктовало исход этой подготовительной фазы. По всем показателям, Зулейка вела меня по тому пути, что и Горду с Жозефиной.

В течение многих сессий я смотрел на темноту и был готов визуализировать пятно окрашивания.

Я даже был свидетелем всей метаморфозы от однородной темноты до четко очерченного пятна интенсивной яркости, а затем меня уносило в сторону появления щекотки, на которой я фокусировал свое внимание до тех пор, пока не входил в состояние спокойного бодрствования. Именно тогда я впервые погрузился в оранжево-красное состояние.

После того, как я научился оставаться подвешенным между сном и бодрствованием, Зулейка, казалось, ослабила свой контроль. Я даже решил, что она не торопится выводить меня из этого состояния. Она оставляя меня в нем, не вмешиваясь и никогда не спрашивая меня о нем потому, что ее голос был только для команд, а не для вопросов.

Мы действительно никогда не разговаривали.

Находясь в состоянии спокойного бодрствования, я понял однажды, что мне нет пользы оставаться там, потому что независимо от того, насколько это приятно, ограничения были очевидны. Затем я почувствовал дрожь в теле и открыл глаза или мои глаза сами открылись. На меня смотрела Зулейка. Я испытал момент замешательства. Я думал, что я проснулся, и совсем не ожидал увидеть Зулейку во плоти. Я привык слушать только ее голос. Меня удивило также то, что ночь прошла. Я оглянулся вокруг. Мы не были в доме Зулейки. Тут я внезапно сообразил, что я был в сновидении и в нем же проснулся.

После этого Зулейка взялась за другой отдел своего учения. Она стала учить меня двигаться. Она начала свой инструктаж, скомандовав, чтобы я поместил свое осознание в среднюю точку тела. В моем случае средняя точка находится ниже среднего края пупка. Она сказала, чтобы я подметал ею пол, т.е. делала качающиеся движения животом. В течение бесчисленных сессий я пытался выполнить то, что приказывал мне голос. Она не позволяла мне уходить в состояние спокойного бодрствования, ее намерением было привести меня к ясному восприятию подметания пола своей средней точкой, пока я нахожусь в пробужденном состоянии. Она сказала, что находиться в левой стороне сознания — достаточное преимущество для того, чтобы хорошо выполнять упражнение.

Однажды по непонятной для меня причине мне удалось почувствовать странные ощущения в этой области своего живота. Это не было чем-то определенным, а когда я сфокусировал в нем свое внимание, то понял, что это мягкое покалывание внутри полости моего тела — не точно в моем животе, а чуть повыше него. Чем внимательнее я его исследовал, тем больше деталей замечал. Расплывчатость ощущения вскоре перешла в определенность. Странная связь существовала между нервозностью или покалыванием в моем солнечном сплетении и моей правой икрой.

Когда это ощущение стало более острым, я непроизвольно прижал правое бедро к груди, таким образом эти две точки сблизилась одна с другой настолько, насколько это позволяла анатомия. Секунду меня трясло от необычайной нервозности, а затем я ясно почувствовал, что мету пол своей серединой точкой. Это было осязательное ощущение, которое возвращалось вновь и вновь, как только я принимал то же сидячее положение.

Во время моего следующего сеанса Зулейка позволила мне войти в состояние спокойного бодрствования, на этот раз это состояние было не совсем таким, как всегда. Во мне присутствовал своего рода контроль, который мешал мне свободно наслаждаться этим состоянием, как я делал это прежде. Контроль заставил меня также сфокусироваться на тех шагах, которые я предпринял, чтобы в это состояние войти. Сначала я заметил щеку в точке второго внимания на моей светящейся оболочке; я помассировал эту точку, двигая пальцами так, будто я играл на лютне, и точка опустилась к моему животу.

Я ощущал ее почти на своей коже. Я ощутил мягкое покалывание на наружной части моей правой икры. Это была смесь удовольствия и боли. Ощущение распространилось по всей ноге, а затем по нижней части спины. Я чувствовал, что мои ягодицы трясутся. Все тело было охвачено нервной дрожью. Я подумал, что тело было поймано в сеть вверх ногами. Мой лоб и носки ног соприкасались. Я был похож на подкову со сведенными вместе концами, затем я почувствовал, что меня как бы сложили вдвое и закатали в простыню. Мои нервные спазмы заставляли простыню скатываться в рулон со мной в центре этого рулона. Когда скатывание окончилось, я уже больше не мог ощущать своего тела. Я был просто аморфным осознанием, нервным спазмом, обернутым вокруг самого себя.

Я понял тогда невозможность описать то, что происходит в сновидении. Зулейка сказала, что правая и левая стороны сознания сворачиваются вместе. И обе успокаиваются единым клубком во впадине, вдавленном центре второго внимания. Чтобы делать сновидение, нужно манипулировать как светящимся, так и физическим телом.

Во первых, центр сбора второго внимания должен быть сделан доступным благодаря тому, что он будет вдавлен кем-нибудь снаружи, или втянут самим сновидящим. Во-вторых, чтобы отделить первое внимание, центры физического тела, которые расположены в серединой точке и в икрах, особенно в правой, должны быть стимулированы и сдвинуты как можно ближе один к другому. Тогда получается ощущение скатанности в клубок, и верх берет автоматически второе внимание.

Объяснение Зулейки, которое давалось в виде команд, было наиболее подходящим для описания происходящего, потому что ни одно из сенсорных ощущений, имеющих место в сновидении, не является частью нашего нормального опыта сенсорных ощущений. Все они приводили меня в замешательство. Источник щекощущего, покалывающего ощущения был локализован, поэтому беспокойство от того, что мое тело чувствует его, было минимальным. С другой стороны, ощущение, что накручиваешься сам на себя, было куда более беспокоящим. Сюда входил целый ряд ощущений, которые приводили мое тело в шоковое состояние.

Я был убежден, что в один из моментов носки моих ног касались лба, поза, принять которую я не способен. В то же время я знал совершенно несомненно, что находился внутри сетки, виса вниз головой с носками у лба. На физическом плане я сидел, прижав бедра к груди.

Зулейка сказала также, что ощущение скатанности подобно сигаре и то, что я помещен во впадину второго внимания было результатом соединения воедино моего левого и правого внимания, при котором переключается порядок доминирования и ведущее положение занимает левая сторона. Она призывала меня быть достаточно внимательным, чтобы заметить обратный переход, когда оба внимания занимают свои старые места, и где правое вновь берет верх.

Я ни разу не уловил того чувства, о котором она говорила, но ее призыв настолько меня захватил, что я застрял в своих попытках наблюдать за всем вообще.

Она была вынуждена отменить свое распоряжение, приказав мне прекратить эту скрупулезность, так как у меня еще много других дел.

Зулейка сказала, что прежде всего я должен добиться совершенства в движениях посредством воли. Свои инструкции она начала с того, что вновь и вновь приказывала мне открывать глаза в то время, пока я находился на стадии спокойного бодрствования. Мне потребовались большие усилия, чтобы добиться этого. Однажды мои глаза внезапно открылись и я увидел склонившуюся надо мной Зулейку. Я лежал, но не мог определить, где именно. Свет был исключительно ярким, будто я находился прямо под электролампой, но свет не бил мне прямо в глаза. Я без всяких усилий мог смотреть на Зулейку.

Она приказала мне встать, применив для движений желание двигаться волей. Она сказала, что я должен толкнуть себя вверх своей средней частью тела, потому что у меня там имеются три толстых щупальца, которые я могу использовать как костыли, чтобы поднять свое тело.

Я пытался подняться всеми способами. Ощущение отчаяния и физической тревоги напоминало о ночных кошмарах детства, в которых я не мог проснуться и в то же время был полностью бодрствующим.

В конце концов, Зулейка заговорила со мной. Она сказала, что я должен соблюдать известную последовательность и что совершенно бессмысленно и глупо робеть и приходить в возбуждение, как будто я имею дело с повседневным миром.

Робость уместна только в первом внимании; второе внимание является самым спокойствием. Она хотела, чтобы я повторил ощущение, которое у меня было, когда я подметал пол средней частью тела. Я подумал, что для того, чтобы я мог повторить его, мне надо сидеть. Без всяких размышлений со своей стороны я принял ту позу, в которой мое тело впервые получило это ощущение. Что-то во мне перекатилось — и я уже стоял. Я не мог себе представить, что именно я сделал, чтобы двинуться. Я подумал, что если начну все заново, то смогу уловить последовательность.

Как только у меня мелькнула об этом мысль, я опять лежал на земле. Встав вторично, я сообразил, что никакие процессы сюда не входят, и чтобы двигаться, я должен иметь желание двигаться на очень глубоком уровне. Иными словами, мне для этого надо быть совершенно убежденным, что я хочу двигаться или более точно будет сказать, что я должен быть убежден в том, что мне нужно двинуться.

Как только я понял этот принцип, Зулейка заставила меня изучать на практике все воображимые аспекты волевых передвижений. Чем больше я практиковал их, тем яснее мне становилось, что фактически сновидение — это разумное состояние. Зулейка объяснила это так: во время сновидения правая сторона — разумное сознание — завернута внутрь левостороннего сознания для того, чтобы дать сновидящему возможность чувствовать трезвую рациональность, но воздействие рациональности должно быть минимальным и использоваться лишь как сдерживающий механизм, чтобы защитить сновидящего от эксцессов и путаницы в понимании.

Следующим шагом было научиться управлять телом сновидения. Еще в самый первый раз, когда я пришел к Зулейке, дон Хуан предложил, чтобы я глядел на детали веранды, пока сижу на ящике. Я послушно глядел на веранду иногда целыми часами. В доме Зулейки я всегда был один. Казалось, в те дни, когда я был там, все куда-то уезжали или прятались. Тишина и одиночество помогали мне и я добился того, что отчетливо помнил все детали веранды.

Зулейка дала мне, соответственно, задачу открывать глаза, когда я нахожусь в состоянии спокойного бодрствования, и видеть веранду. Чтобы выполнить это, потребовалось немало сеансов. Сначала я открывал глаза и видел Зулейку: тогда она рывком своего тела отбрасывала меня обратно, как если бы я был мячиком, в состояние спокойного бодрствования. При одном из таких возвратов я ощутил интенсивную дрожь. Что-то из моих ног будто пробивалось в грудь, и я выкашлянул это. Вся веранда появилась внезапно передо мной, будто вылетев из моих бронхов, в сопровождении звука, подобного рычанию зверя.

Я услышал, как голос Зулейки долетел до меня, подобно слабому шепоту. Я не мог понять, что она говорит. Мельком я заметил, что сижу на ящике. Я хотел встать, но почувствовал, что во мне нет плотности, как будто ветер мог вот-вот меня унести. Затем я очень ясно услышал, как Зулейка велит мне не двигаться. Я попытался оставаться неподвижным, но какая-то сила толкнула меня и я проснулся в своем алькове. На меня смотрел Сильвио Мануэль.

После каждого сеанса с Зулейкой дон Хуан ожидал меня в совершенно темном холле. Он выводил меня из дома и менял у меня уровень сознания. Но на этот раз тут был Сильвио Мануэль. Не говоря ни слова, он поместил меня в корсет и поднял к притолоке. Он продержал меня там до полудня, пока дон Хуан не пришел спустить меня на пол. Он сказал, что нахождение в подвешенном состоянии без соприкосновения с полом настраивает тело и что это необходимо перед опасными путешествиями вроде того, которое ждет меня.

Мне потребовалось еще много сеансов сновидения, чтобы, открывая глаза, видеть или Зулейку, или неосвещенную веранду. Я понял к этому времени, что и сама она бывала только в сновидении. Она никогда не была лично позади меня в алькове. В ту первую ночь я был прав, когда считал, что моя спина опирается на стену. Зулейка была просто голосом из сновидения.

Во время одного из сеансов сновидения, когда я открыл глаза с намерением увидеть Зулейку, я был потрясен, увидев рядом с ней Горду и Жозефину. Затем началась последняя грань ее обучения. Зулейка учила нас всех троих путешествовать вместе с ней. Она сказала, что наше первое внимание привязано к эманациям земли, а второе внимание — к эманациям вселенной. При этом она имела в виду, что сновидящий уже по своей природе находится вне границ всего, что касается повседневной жизни. Последней задачей Зулейки было так настроить второе внимание Горды, Жозефины и мое, чтобы мы могли следовать за ней в ее путешествиях в неизвестное.

Во время следующих сеансов голос Зулейки сказал мне, что ее «одержимость» приведет меня на встречу с ней, потому что когда дело касается второго внимания, одержимость сновидящего служит проводником и что ее мысль фиксирована на определенном месте за пределами этой земли. Оттуда она и собирается позвать меня, а я должен использовать ее голос, как путеводную нить, которая потянет меня.

В течение двух сеансов ничего не произошло. Голос Зулейки становился все слабее и слабее, пока она говорила, и я горевал, что я не могу за ней последовать. Она не сказала мне, что надо делать. Я испытывал также необычайную тяжесть. Я не мог разорвать силу вокруг меня, которая связывала и мешала мне выйти из состояния спокойного бодрствования.

Во время третьего сеанса я внезапно открыл глаза, даже не сделав к этому никакой попытки. На меня смотрели Зулейка, Горда и Жозефина. Я стоял рядом с ними. Я тут же понял, что мы находимся в каком-то совершенно неизвестном мне месте. Первое, что бросалось в глаза, это очень яркий не прямой свет. Все вокруг было залито белым, мощным «неоновым» светом. Зулейка улыбалась, как бы приглашая нас оглядеться. Горда и Жозефина были в такой же нерешительности, как и я. Они украдкой бросали взгляды на меня и на Зулейку.

Зулейка дала нам знак двигаться. Мы находились на открытом месте, стоя в середине полыхающего светом круга. Грунт казался твердым, темным камнем, однако он отражал очень много слепящего белого света, который лился сверху. Станным было то, что я, понимая, что свет слишком интенсивен для моих глаз, не был ослеплен, когда поднял голову и посмотрел на его источник. Это было солнце. Я смотрел прямо на солнце, которое по причине того, что я был в сновидении, выглядело интенсивно белым.

Горда с Жозефиной тоже смотрели на солнце без всякого для себя вреда. Внезапно я ощутил испуг. Свет был чужим для меня. Это был безжалостный свет, он падал на нас, создавая ветер, который я мог ощущать, однако жары я не чувствовал. Я считал этот свет вредным. Одновременно Горда, Жозефина и я бросились к Зулейке и сбились вокруг нее кучкой, как испуганные дети. Она придержала нас, а затем белый палящий свет стал постепенно терять свою интенсивность, пока не исчез совсем. Вместо него теперь все оказалось залитым очень приятным желтоватым светом.

Тут я осознал, что мы находимся уже в другом мире. Грунт был цвета мокрой терракорты. Гор не было, но та местность, где мы находились, нельзя было назвать и равниной. Все кругом казалось бурным застывшим терракортовым морем. Повсюду вокруг себя я мог видеть одно и то же, как если бы находился в центре океана. Я взглянул вверх. Небо не было безумно палящим. Оно было темным, но не синим. Яркая лучистая звезда висела у горизонта. Тут мне стало ясно, что мы находимся в мире с двумя солнцами — двумя звездами: одна была огромной и только что скрылась за горизонтом, вторая меньше и, вероятно, более отдаленная. Я хотел задавать вопросы, пройтись по окрестностям, посмотреть, что тут есть еще. Зулейка сделала нам знак расслабиться и терпеливо ждать, но что-то, казалось, толкало нас. Внезапно Горда с Жозефиной исчезли, а потом я проснулся.

С этого времени я больше не ездил в дом Зулейки. Дон Хуан смещал мне уровни сознания у себя дома или в том месте, где мы были, и я входил в сновидение. Зулейка, Горда и Жозефина всегда поджидали меня. Мы вновь и вновь отправлялись на то неземное место, пока не познакомились с ним хорошенько. Мы всегда старались попасть туда не во время слепящего сияния, не днем, а ночью, чтобы следить за восходом над горизонтом колоссального небесного тела, столь величественного, что когда оно прорезало зубчатый горизонт, то покрывало около половины обзора в 180 град. Перед нами. Небесное тело было очень красиво, а его подъем над горизонтом был столь захватывающим, что я мог бы оставаться там целую вечность, чтобы только наблюдать это зрелище. Это небесное тело в зените занимало почти весь небесный свод. Мы всегда ложились на спину, чтобы следить за ним. Оно имело последовательные конфигурации, которые Зулейка научила нас узнавать. Я понял, что это не звезда. Его свет был отраженным; видимо, оно было матовым, так как отраженный от него свет был очень мягким при таких колоссальных размерах. На его оранжево-желтой поверхности были громадные не меняющиеся коричневые пятна.

Зулейка постоянно брала нас с собой в неопишуемые путешествия. Горда сказала, что Зулейка брала Жозефину еще дальше и глубже в неизвестное, потому что Жозефина была, как и сама Зулейка, немного безумна: ни одна из них не имела того ядра рассудительности, которое дает сновидящему трезвость, поэтому у них не было барьеров и не было интереса находить разумные причины чего бы то ни было.

Единственное, что мне сказала о наших путешествиях Зулейка и что звучало как объяснения, это что сила сновидящих превращала их в живые гарпуны. Чем сильнее и чем безупречнее сновидящий, тем дальше он может проецировать свое второе внимание в неизвестное и тем дольше длится его проекция сновидения.

Дон Хуан сказал, что мои путешествия с Зулейкой не были иллюзией и что все, что я делал с ней, являлось шагом к контролю второго внимания; другими словами, Зулейка обучала меня тонкостям восприятия того другого царства. Он, однако, не мог объяснить точную природу этих путешествий, а может быть, не хотел. Он сказал, что если попытается объяснить детали восприятия второго внимания в терминах деталей восприятия первого внимания, то лишь безнадежно запутается в словах. Он хотел, чтобы я сам сделал свое заключение, и чем больше я обо всем этом думал, тем яснее мне становилось, что он был совершенно прав.

Под руководством Зулейки во время ее инструктажа по второму вниманию я совершал фактические посещения загадок, которые были явно за пределами моего разума, но явно в пределах возможностей моего полного осознания. Я научился путешествовать во что-то непонятное и закончил тем, что мог сам, как Эмилито и Хуан Тума, рассказывать собственные сказки вечности.

14. ФЛОРИНДА

Мы с Гордой были в полном согласии относительно того, что к тому времени, когда Зулейка обучила нас точностям сновидения, мы приняли как безоговорочный факт, что правило — это карта, что в нас скрыто другое сознание и что есть возможность входить в это сознание.

Дон Хуан выполнил то, что предписывалось правилом. По правилу полагалось, чтобы следующим шагом было мое знакомство с Флориндой, единственным из воинов, кого я не встречал. Дон Хуан сказал, что я должен войти в ее дом сам, без него, потому что все, что будет между Флориндой и мной, не касается никого другого. Он сказал, что Флоринда будет моим личным гидом, как если бы я был таким же нагвалем, как он. У него были такие же отношения с воином из партии его бенефактора, который соответствовал Флоринде.

Однажды дон Хуан оставил меня у двери дома Нелиды. Он велел мне войти, сказав, что Флоринда ждет меня внутри.

— Имею честь с вами познакомиться, — сказал я женщине, которая встретила меня в холле.

— Я Флоринда, — сказала она. Мы молча смотрели друг на друга. Я был поражен. Мое осознание было острым, как никогда. Никогда больше я не испытывал подобного чувства.

— Красивое имя, — ухитрился я сказать, желая сказать больше.

Мягкое и длинное произношение испанских гласных делало ее имя текучим и звучным, особенно «и» после «р». Имя не было редким, просто я никогда не встречал никого, вплоть до этого дня, кто бы был самой сущностью этого имени. Женщина передо мной подходила к нему, будто это имя было сделано для нее или как если бы она сама подогнала свою личность под это имя. Физически она выглядела в точности как Нелида, разве что казалась более уверенной в себе, более могущественной. Она была довольно высокой и худощавой; кожа у нее была оливковой, как у людей средиземноморья: испанка или, возможно, француженка. Она была старой, но не дряхлой и даже не начала дряхлеть. Ее тело казалось гибким и собранным. Длинные ноги, угловатые черты лица, маленький рот, красиво очерченный нос, темные глаза и светлые волосы, заплетенные в косу. Никаких складок, никаких морщинок ни на лице, ни на шее. Она была старой так, будто притворялась старой.

Вспоминая задним числом первую встречу с ней, мне пришло на ум нечто совершенно не связанное, но уместное здесь. Однажды я видел в газете двадцатилетней давности фотографию молодой в то время голливудской актрисы, которая была снята с роли, где она должна была выглядеть на 20 лет старше. Рядом в газете с той фотографией был напечатан современный снимок той же самой актрисы, как она стала выглядеть через 20 лет тяжелой жизни. Флоринда, по моему субъективному суждению, была как первая фотография той актрисы — молодая девушка, играющая старую.

— Ну, и что мы имеем? — сказала она, осматривая меня. — судя по твоему виду, не много. Мягкий. Индульгирующий до мозга костей, без всякого сомнения.

Ее прямота напомнила мне дону Хуана, так же как внутренняя жизнь ее глаз. Оглядываясь на мою жизнь с доном Хуаном, мне приходит в голову, что его глаза всегда были расслабленными. Никакого напряжения в них увидеть было нельзя. Это не значит, что глаза дона Хуана были красивы на взгляд. Я видел и очень красивые глаза, но никогда не находил слов, чтобы что-нибудь сказать о них. Глаза Флоринды, так же как глаза дона Хуана, давали мне ощущение, что они были свидетелями всего, чему только можно быть свидетелем, они были спокойными, но не безразличными. Возбуждение было направлено внутрь и превратилось во что-то такое, я могу описать как внутреннюю жизнь.

Флоринда провела меня через жилую комнату дальше, на крытую веранду. Мы сели в удобные мягкие кресла. Ее глаза, казалось, что-то искали на моем лице.

— Ты знаешь, кто я такая и что я должна для тебя сделать? — спросила она.

Я сказал, что все, что я знаю о ней и о ее отношении ко мне, это лишь то, что набросал мне дон Хуан. В ходе объяснений я называл ее доньей Флориндой.

— Не называй меня доньей Флориндой, — сказала она с детским жестом недовольства и раздражения, — я еще не настолько стара и даже не настолько респектабельна.

Я спросил ее, как же мне к ней обращаться.

— Подойдет просто Флоринда, — сказала она, — а относительно того, кто я такая, могу рассказать тебе прямо сейчас, что я — женский воин, знающий искусства сталкинга. А относительно того, что я для тебя должна сделать, я могу тебе сказать, что собираюсь обучить

тебя первым 7 принципам stalking, первым 5 принципам правила для stalkеров и первым 3 маневрам искусства stalking.

Она добавила, что для каждого воина является нормальным все забывать, когда взаимодействия происходят на левой стороне, и что мне потребуются годы, чтобы потом вернуться к тому, чему она собирается меня учить. Она сказала, что ее инструктаж — только начало и что когда-нибудь она закончит мое обучение, но при других обстоятельствах.

Я спросил, не будет ли она против того, чтобы я задавал вопросы.

— Делай, что хочешь, — сказала она. — все, что мне от тебя требуется, — это согласие на практику. В конце концов, ты знаешь обо всем, что мы собираемся обсуждать. Твоим недостатком является твоя неуверенность в себе и то, что ты не хочешь признать свое знание силой. Нагваль, будучи мужчиной, загипнотизировал тебя. Ты не можешь действовать самостоятельно. Только женщина может освободить тебя от этого. Я начну с того, что расскажу тебе историю своей жизни и по ходу этого многое станет тебе ясно. Мне придется рассказывать ее тебе по частям, поэтому ты будешь приходить сюда довольно часто.

Ее явное желание рассказать мне о своей жизни поразило меня, как несоответствующее сдержанности всех остальных относительно их личной жизни. После многих лет общения с ними я перенял у них безоговорочно это правило, и теперь ее добровольное желание раскрыть свою личную жизнь было совершенно непонятно мне. Ее заявление сразу же насторожило меня.

— Извините, пожалуйста, — сказал я, — вы говорите, что собираетесь раскрыть мне свою личную жизнь?

— А почему бы и нет? — сказала она.

Я ответил ей длинными объяснениями о том, что дон Хуан говорил мне об обволакивающей силе личной истории и о том, как каждому воину необходимо стереть ее. Я закончил, сказав ей, что он запретил мне когда-либо говорить о моей жизни. Она рассмеялась высоким фальцетом. Казалось, она была довольна.

— Это относится только к мужчинам, — сказала она. — неделание твоей личной жизни состоит в рассказывании бесконечных историй, в которых нет ни единого слова о тебе реальном. Видишь ли, быть мужчиной означает иметь позади себя солидную историю. У тебя есть семья, друзья, знакомые и у каждого из них есть своя определенная идея о тебе. Быть мужчиной означает, что ты должен отчитываться — ты не можешь исчезнуть так просто; чтобы стереть самого себя, тебе потребовалась масса работы. Мой случай другой. Я женщина, а это дает мне великолепное преимущество. Мне не надо отчитываться. Знаешь ли ты, что женщинам не надо отчитываться?

— Я не знаю, что вы имеете в виду под необходимостью отчитываться, — сказал я.

— Я хочу сказать, что женщина может легко исчезнуть, — сказала она, — во всяком случае, женщина может выйти замуж, женщина принадлежит мужу. В семье, где много детей, дочерей очень рано сбрасывают со счетов — никто не рассчитывает на них, и есть шансы, что какая-нибудь исчезнет, не оставив следа. Их исчезновение принимается легко. Сын, с другой стороны, — это некто, на кого делается ставка. Сыну не так легко ускользнуть или исчезнуть. И если даже он сделает это, то оставит позади себя следы. Сын чувствует вину за свое исчезновение, дочь — нет. Когда нагваль учил тебя держать язык за зубами относительно твоей личной жизни, он хотел помочь тебе преодолеть чувство того, что ты поступил плохо по отношению к своей семье и друзьям, которые так или иначе рассчитывали на тебя. После целой жизни борьбы мужчина-воин кончает, конечно, тем, что стирает себя, но эта борьба оставляет свои следы на мужчине. Он становится скрытым, всегда на страже против самого себя. Женщине не приходится преодолевать эти трудности, женщина уже готова раствориться в воздухе; фактически, это от нее и ожидается. Будучи женщиной, я не склонна к скрытности, мне нет до нее дела. Скрытность — это та цена, которую вам, мужчинам, приходится платить за то, что вы важны для общества. Эта борьба только для мужчин, потому что они не хотят стирать самих себя и найдут разные смешные способы, чтобы когда-нибудь и где-нибудь высунуться. Возьми, например, самого себя: ты едешь повсюду и читаешь лекции.

Флоринда заставила меня нервничать очень интересным образом. В ее присутствии я чувствовал странное беспокойство. Я бы без колебаний признал, что дон Хуан и Сильвио Мануэль заставляют меня нервничать и тревожиться, но там чувство совсем другое. Фактически, я боялся их, особенно Сильвио Мануэля. Он ужасал меня, и все же я научился уживаться со своим ужасом. Флоринда меня не пугала. Моя нервозность скорее была результатом того, что я был раздражен, опасаясь ее духовной живости. Она не смотрела на меня пристально, как это делали дон Хуан и Мануэль. Они всегда фиксировали на мне свой взгляд, пока я не отводил свое лицо с жестом покорности. Флоринда только поглядывала на меня. Ее глаза постоянно переходили с одного на другое. Она, казалось, рассматривала не только мои глаза, но каждый сантиметр моего тела. Разговаривая, она бросала быстрые взгляды то на мое лицо, то на мои руки, то на свои ноги, то на крышу.

— Я вызываю у тебя чувство неловкости, не так ли? — спросила она.

Ее вопрос застал меня врасплох. Я засмеялся. Ее тон не был угрожающим.

— Да, — сказал я.

— О, это совершенно понятно, — сказала она, — ты привык быть мужчиной, женщина для тебя — это нечто созданное для твоей выгоды. Женщина для тебя глупа, а тот факт, что ты мужчина и нагваль, еще более все усложняет.

Я почувствовал необходимость защититься. Я думал, что она слишком скорая на мнения дама, и хотел ей это сказать. Я начал длинную фразу, но сорвался почти немедленно, услышав ее смех. Это был веселый, молодой смех. Дон Хуан и дон Хенаро все время смеялись надо мной, и смех их тоже был молодой, но у Флоринды была другая вибрация. В ее смехе не было спешки и не было давления.

— Я думаю, нам лучше войти внутрь, — сказала она, — там не будет никаких отвлечений. Дон Хуан уже водил тебя повсюду, показывая тебе мир; это было важно для того, что он должен был тебе говорить. Я должна говорить о других вещах, которые требуют другой обстановки.

Мы сели на кожаную кушетку в нише у веранды. В помещении я почувствовал себя лучше. Она сразу начала рассказывать свою жизнь.

Она сказала, что родилась в довольно большом мексиканском городе в богатой семье. Поскольку она была единственным ребенком, родители портили ее с самого рождения. Без малейшей ложной скромности Флоринда признала, что она всегда сознавала свою красоту. Она сказала, что красота — это демон, который множится и процветает при наличии поклонения. Она заверила меня, что может сказать без тени сомнения, что побороть этого демона труднее всего и если я посмотрю вокруг на тех, кто красив, то обнаружу самые изуродованные существа, которых только можно вообразить.

Я не хотел с ней спорить, но имел очень сильное желание сказать ей, что она все же догматична. Видимо, уловив мое чувство, она подмигнула мне.

— Они изуродованы, лучше проверь их, — продолжала она, — испытай их. Не соглашайся с их идеей, что они красивы и из-за этого важны, — и ты сразу увидишь, что я имею в виду.

Она сказала, что вряд ли может винить своих родителей или саму себя за свое поведение. Все вокруг нее, будто сговорившись, с самого младенчества давали ей возможность чувствовать себя важной и уникальной.

— Когда мне было 15, — продолжала она, — я считала, что являюсь величайшим, что когда-либо было на земле. Все так говорили, особенно мужчины.

Она призналась, что в отроческие годы она наслаждалась вниманием и связями с несколькими любовниками. В 18 лет она обстоятельно выбрала наилучшего мужа из не менее чем 11 серьезных ухажеров. Она вышла замуж за Селестино — человека с большими средствами и старше ее на 15 лет.

Флоринда описывала свою замужнюю жизнь как рай на Земле. К тому огромному кругу друзей, которых она имела, она добавила друзей Селестино, и в результате получился большой и непрекращающийся праздник.

Блаженство ее продолжалось, однако, всего 6 месяцев, которые пролетели незаметно. Все пришло к внезапному и жестокому концу, когда она заразилась загадочной и уродующей болезнью. Ее левая стопа, колено и икра начали раздуваться. Очертание ее прекрасной ноги исчезло. Опухоль стала такой сильной, что воспаленные кожные ткани разрывались. Вся ее нога от колена и вниз покрылась болячками и гнойными выделениями. Кожа отвердела, заболевание было диагностировано как слоновая болезнь. Доктор пытался облегчить ее состояние, но его попытки были неуклюжи и болезненны и в конце концов было решено, что только Европа, где медицинские центры более развиты, может излечить ее. За каких-то 3 месяца рай Флоринды превратился в ад. В отчаянии, искренне страдая, она хотела лучше умереть, чем так продолжать. Ее страдания были так трогательны, что однажды девушкa-служанка, будучи не в силах их больше выносить, призналась ей, что была подкуплена прежней любовницей Селестино, чтобы добавить определенный состав в пищу — яд, приготовленный магами. Служанка для искупления своей вины пообещала отвести ее к знахарке, которая по слухам является единственным человеком, способным обезвредить яд.

Флоринда усмехнулась, вспомнив свои затруднения. Она была воспитана набожной католичкой. Она не верила ни в колдовство, ни в индейских знахарей. Боль ее была, однако, столь интенсивной, а положение столь серьезным, что она была готова идти на все. Селестино был категорически против. Он хотел передать служанку властям. Флоринда вмешалась не столько из жалости, сколько из опасения, что сама не найдет знахарку.

Внезапно Флоринда встала. Она сказала, что мне пора уезжать. Она взяла меня за руку и проводила до двери, как если бы я был старым и дорогим другом. Она объяснила, что я выдохся, потому что находиться в левостороннем сознании, это значит быть в особом и неустойчивом состоянии, пользоваться которым нужно с перерывами. Это, конечно, не

состояние силы. Доказательством этого было хотя бы то, что я чуть не умер, когда Сильвио Мануэль попытался подстегнуть мое второе внимание, заставляя меня смело входить в него. Она сказала, что нет такого способа на земле, путем которого мы могли бы приказывать кому бы то ни было или самим себе набирать знания. Это дело медленное, и тело в должное время и в должных обстоятельствах безупречности само ускоряет накопление знаний, без вмешательства желания.

Некоторое время мы стояли у входной двери, обмениваясь приятными замечаниями и тривиальностями. Внезапно она сказала, что причина, по которой нагваль Хуан Матус привел меня к ней, в том, что он знает, что его время на земле подходит к концу. Две формы инструктажа, которые я должен был получить, согласно мастерскому плану Сильвио Мануэля, были уже завершены. Все, что осталось еще не сделанным, — это то, что она собирается сказать мне.

Она подчеркнула, что это в действительности не совсем инструктаж, а скорее установленные связи между ею и мной.

В следующий раз дон Хуан привел меня к Флоринде и прежде, чем оставить меня у двери, он повторил мне то, что я уже слышал от нее, — что приближается то время, когда он и его партия войдут в третье внимание. Прежде, чем я успел задать ему вопрос, он толкнул меня внутрь дома. Его толчок перенес меня не только в дом, но также и в мое самое острое состояние сознания. Я увидел стену тумана.

Флоринда стояла в холле, как бы ожидая, когда дон Хуан втолкнет меня. Она взяла меня за руку и спокойно провела в жилую комнату. Мы сели. Я хотел начать разговор, но не мог говорить. Она объяснила, что толчок безупречного воина, подобного нагвалю Хуану Матусу, может вызвать перемещение в другую область сознания. Она сказала, что моей ошибкой было считать, что важна сама эта процедура. Процедура вталкивания воина в другое состояние сознания применима только лишь тогда, когда оба воина, в особенности тот, кто толкает, безупречны и обладают личной силой.

Тот факт, что я видел стену тумана, заставлял меня нервничать на физическом плане. Мое тело неудержимо дрожало. Флоринда сказала, что мое тело дрожит потому, что оно привыкло к активности во время нахождения в этом состоянии сознания, но что мое тело может также научиться фокусировать свое самое острое внимание на все, что говорится, а не на то что делается.

Она сказала мне, что быть помещенным в левостороннее сознание является своего рода ставкой на будущее. Заставляя меня входить в состояние повышенного сознания и позволяя мне взаимодействовать со своими воинами только тогда, когда я нахожусь в этом состоянии, нагваль Хуан Матус получает уверенность, что в будущем у меня будет ступенька, на которую я смогу встать. Она сказала, что его стратегией было вырастить небольшую часть другого меня, намеренно наполняя ее воспоминаниями о взаимодействии. Воспоминания забудутся, чтобы потом пробиться когда-нибудь на поверхность и послужить рациональной исходной точкой, откуда можно отправиться в неизмеримую безбрежность другого «я».

Из-за того, что я так нервничал, она предложила успокоить меня тем, что продолжит рассказ о своей жизни, который, пояснила она, в действительности не является рассказом о ее жизни, как светской женщины, но рассказом о том, как избалованной, богатой никчемности помогли стать воином.

Она сказала, что как только решила навестить знахарку, остановить ее было уже нельзя. Она отправилась на носилках, которые несли служанка и 4 мужчины, в двухдневное путешествие, которое изменило ход ее жизни. Дороги не было. Это были горы, и иногда мужчинам приходилось нести ее на спине.

В дом знахарки они прибыли в сумерках. Место было хорошо освещено и в доме было много людей. Флоринда сказала, что какой-то вежливый старик рассказал ей, что знахарка поехала лечить пациента и вернется через день. Этот человек, казалось, много знал о деятельности знахарки, и Флоринде было легко с ним разговаривать. Он был заботлив и признался ей, что он сам пациент. Он описал свою болезнь как неизлечимое состояние, которое заставляет его забыть весь мир.

Они дружески болтали допоздна. Старик был так заботлив, что даже уступил Флоринде свою постель, чтобы она могла отдохнуть и подождать до следующего дня, пока вернется знахарка.

Утром Флоринда пробудилась внезапно от острой боли в ноге. Какая-то женщина двигала ей ногу, нажимая на нее кусочком полированного дерева.

— Знахарка была очень симпатичной женщиной, — говорила Флоринда, — она взглянула на мою ногу и покачала головой.

— Я знаю, кто это сделал, — сказала она. — ему, видимо, очень хорошо заплатили или же он был убежден, что ты — совсем бесполезное человеческое существо. Как ты думаешь, что из двух?

Флоринда засмеялась. Она сказала, что приняла тогда знахарку за сумасшедшую или грубую невоспитанную бабу. Она представить себе не могла, что хоть кто-нибудь в мире мог поверить, что она — бесполезное существо. Несмотря на то, что она испытывала жуткую боль, она многословно дала понять этой женщине, что является богатой и значительной персоной, над которой никому не придет в голову посмеяться.

Флоринда вспомнила, что знахарка сразу же изменила свое отношение к ней. Она, казалось, испугалась и начала уважительно говорить ей «миссис», встала со стула и всех выпроводила из комнаты. Когда они остались одни, знахарка уселась ей на грудь и перегнула ее голову через край кровати. Флоринда отбивалась. Она думала, что ее собираются убить. Она пыталась закричать, чтобы услышали слуги, но знахарка быстро накинула ей на голову одеяло и заткнула ей нос. Чтобы не задохнуться, Флоринде пришлось дышать открытым ртом. Чем больше знахарка нажимала ей на грудь и чем сильнее зажимала ей нос, тем шире Флоринда открывала рот. Когда она поняла, что знахарка делает в действительности, она уже выпила гадко пахнущую жидкость, содержащуюся в большой бутылке, которую знахарка сунула в ее открытый рот. Флоринда заметила, что знахарка так хорошо маневрировала ею, что она даже не захлебнулась, несмотря на то, что голова ее свисала с края кровати.

— Я выпила так много жидкости, что мне чуть не стало плохо, — продолжала Флоринда. — она усадила меня и, не мигая, посмотрела мне в глаза. Я хотела сунуть пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту, но она отхлестала меня по щекам, пока у меня губы не начали кровоточить. Индеанка бьет меня по щекам! Разбивает до крови мои губы! Ни отец, ни мать никогда пальцем не тронули меня. Мое удивление было настолько велико, что я забыла о неудобстве в желудке. Она позвала моих людей и сказала, чтобы они унесли меня домой, затем она склонилась надо мной к самому моему уху, чтобы никто не услышал.

— Если ты не вернешься назад через 9 дней, ты, ишачья дыра, то раздуешься, как жаба, и будешь просить смерти у бога.

Флоринда сказала, что жидкость вызвала раздражение в ее горле и гортани. Она не могла сказать ни слова, однако это было наименьшим из ее огорчений. Когда она прибыла домой, Селестино уже был вне себя, ожидая ее. Не имея возможности говорить, Флоринда могла наблюдать за ним. Она заметила, что его злость никак не связана с огорчениями из-за ее здоровья, а связана с тем высоким положением, которое он занимал в обществе. Он не мог перенести того, что его влиятельные друзья узнают, что он обращался к индейским знахарям. Он был в ярости. Он кричал, что собирается подать жалобу армейскому начальству, взять солдат, поймать эту знахарку и привести в город, чтобы ее отхлестали кнутом и бросили в тюрьму. Это не было пустой угрозой: он действительно надавил на военное начальство, чтобы за знахаркой выслали наряд. Несколько дней спустя солдаты вернулись, сказав, что женщина сбежала.

Служанка успокоила Флоринду, сказав, что знахарка будет ее ждать, если она захочет вернуться назад.

Воспаление в горле было столь сильным, что она не могла есть твердой пищи и едва дождалась того дня, когда ей нужно было навестить знахарку. Лекарство облегчило боль в ее ноге.

Когда она дала знать Селестино о своих намерениях, он настолько разъярился, что нанял себе помощников, чтобы самому положить конец всей этой чепухе. Он и трое его людей отправились на лошадях впереди нее. Флоринда сказала, что когда она прибыла к дому знахарки, то ожидала найти ее мертвой, но вместо этого обнаружила Селестино, который сидел в одиночестве. Он послал своих людей в три разных ближайших местечка, приказав привести знахарку назад силой. Флоринда увидела того же самого старика, которого она встречала в прошлый раз; он пытался успокоить ее мужа, уверял его, что кто-нибудь из посланных вот-вот вернется вместе с женщиной.

Как только Флоринду положили на крыльцо в переднем дворике, знахарка сразу же вышла из дома. Она начала оскорблять Селестино, обзывая его, выкрикивая ему всякие обидные вещи, пока он не пришел в такую ярость, что бросился, чтобы избить ее. Старик стал удерживать его и упрашивать не бить ее. Он встал на колени, указывая, что это старуха, но Селестино ничто не трогало. Он сказал, что собирается отхлестать ее нагайкой, несмотря на ее возраст. Он подошел, чтобы схватить ее, но внезапно застыл на месте: 6 страшного вида мужчин вышли из кустов, размахивая мачете. Флоринда сказала, что страх приковал Селестино к месту. Он посерел. Знахарка подошла к нему и сказала, что или он добровольно позволит ей отстегать его по ягодцам нагайкой, или ее помощники разрубят его на мелкие кусочки. Несмотря на свою Гордость, он покорно склонился, чтобы его наказали. За несколько секунд знахарка превратила его в беспомощного человека. Она смеялась ему в лицо, так как знала, что он на крючке, и позволяла ему тонуть. Он зашел в ее ловушку, как беззаботный дурак, каким он и был, пьяный от собственных раздутых идей о своей значимости.

Флоринда взглянула на меня и улыбнулась. Она немного помолчала.

— Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы, он никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки. Знахарка показала мне своей битвой с Селестино первый принцип сталкинга. Затем она подошла туда, где я лежала. Я плакала. Это было единственное, что я могла делать. Она, казалось, сочувствовала мне. Она подоткнула одеяло вокруг моих плеч, улыбнулась и подмигнула мне.

— Дело еще не окончено, ишачья дырка, — сказала она, — возвращайся так быстро, как только сможешь, если хочешь жить, но не приводи с собой своего хозяина, ты, маленькая потаскушка. Приходи только с теми, кто абсолютно необходим.

Флоринда на несколько секунд остановила глаза на мне. По ее молчанию я понял, что она ждет моих замечаний.

— Отбросить все, что не является необходимым, — второй принцип сталкинга, — сказала она, не дав мне времени открыть рта.

Ее рассказ так сильно захватил меня, что я не заметил, когда исчезла стена тумана. Я просто осознавал, что ее больше нет.

Флоринда поднялась со стула и провела меня к двери; некоторое время мы еще постояли, так же как после нашей первой встречи. Флоринда сказала, что злость Селестино позволила знахарке указать также не ее рассудку, а ее телу, первые 3 принципа правила для сталкеров. Несмотря на то, что ее ум был полностью сфокусирован на ней самой, поскольку для нее не существовало ничего, кроме ее физической боли и страха потерять свою красоту, ее тело все же запомнило все, что произошло, и в дальнейшем нуждалось лишь в напоминании для того, чтобы расставить все по местам.

— Для воинов мир не является подушкой, чтобы смягчать толчки, поэтому они должны иметь правила, — продолжала она, — однако правило сталкингов приложимо ко всем. Раздражение Селестино было его развенчиванием и началом моего обучения и освобождения. Его собственная важность, которая была в той же мере и моей, заставляла нас обоих верить в то, что мы находимся выше практически всех и всего. Знахарка свела нас вниз к тому, чем мы были в действительности — к нулю.

Первый принцип правила состоит в том, что все, что окружает нас, является неизмеримой загадкой.

Второй принцип правила в том, что мы должны пытаться раскрыть эту загадку, но даже не надеясь выполнить это.

Третий принцип в том, что воин, зная о неизмеримой загадке, окружающей его, и зная о своем долге раскрыть ее, занимает свое законное место среди загадок и сам себя рассматривает как одну из них, следовательно, для воина нет конца загадке бытия, будь то загадка бытия камешка, муравья или его самого. В этом смирение воина. Каждый равен всему остальному.

Последовало длинное вынужденное молчание. Флоринда улыбнулась, играя концом своей длинной косы. Она сказала, что с меня довольно.

Когда я в третий раз приехал к Флоринде, дон Хуан не оставил меня у дверей, а вошел вместе со мной. Все члены его партии были собраны в этом доме и приветствовали меня, будто я вернулся из долгого путешествия. Это было исключительное событие. Оно соединило Флоринду со всеми ними в моих чувствах, поскольку первый раз она была вместе с ними в моем присутствии.

Когда я в следующий раз пришел к дому Флоринды, дон Хуан неожиданно толкнул меня, как он это делал раньше. Мое потрясение было огромным. Флоринда ожидала меня в холле. Я мгновенно вошел в то состояние, в котором была видна стена тумана.

— Я рассказывала тебе, как мне были показаны принципы искусства сталкинга, — сказала она, как только мы уселись на кушетке в ее жилой комнате. — теперь ты должен сделать то же самое для меня. Как их показывал тебе нагваль Хуан Матус?

Я сказал ей, что так сразу вспомнить не могу; мне нужно подумать об этом, а думать я не могу — мое тело испугано.

— Не усложняй, — сказала она голосом приказа, — стремись к тому, чтобы быть простым. Приложи всю концентрацию, которая у тебя есть, чтобы решить: вступать или не вступать в битву, потому что любая битва — это битва за собственную жизнь. Это третий принцип искусства сталкинга: воин должен хотеть и быть готовым стоять до конца здесь и сейчас, но не спуская рукава.

Я просто не мог собрать свои мысли. Я вытянул ноги и прилег на кушетку. Я глубоко вздохнул, чтобы расслабить середину тела, которая, казалось, была связана в узлы.

— Хорошо, — сказала Флоринда, — я вижу, что ты применяешь четвертый принцип искусства сталкинга. Расслабься, отступись от себя, ничего не бойся, только тогда силы, которые ведут нас, откроют нам дорогу и помогут нам. Только тогда.

Я попытался вспомнить, как дон Хуан показывал мне принципы искусства stalking. По каким-то необъяснимым причинам моя мысль отказывалась фокусироваться на образе прошлого. Дон Хуан был очень смутным воспоминанием.

Я поднялся и стал смотреть вокруг себя. Комната, в которой мы находились, была хорошо обставлена, пол был покрыт желтыми изразцами. В их расположении было заметно изумительное мастерство. Я собирался осмотреть мебель и пошел в направлении красивого темно-коричневого стола. Флоринда подбежала и сильно встряхнула меня.

— Ты правильно применил пятый принцип искусства stalking, — сказала она, — не давай себе уйти в сторону.

— Что это за пятый принцип? — спросил я.

— Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, — сказала она. Он позволяет своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-нибудь другим. Подойти может все, что угодно. Ты сделал как раз это, а теперь, когда ты это выполнил, ты можешь применить шестой принцип: воин сжимает время — даже мгновение идет в счет. В битве за собственную жизнь секунда — это вечность; вечность, которая может решить исход битвы. Воин нацелен на успех, поэтому он сжимает время. Воин не теряет ни мгновения.

Внезапно шквал воспоминаний ворвался в мое сознание. Я возбужденно сказал Флоринде, что могу вспомнить, когда дон Хуан впервые познакомил меня с этими принципами. Она приложила пальцы к губам с жестом, требующим молчания. Она сказала, что была заинтересована только свести меня лицом к лицу с принципами, но она не хочет, чтобы я рассказывал свои воспоминания.

Флоринда продолжила свой рассказ. Она сказала, что знахарка велела ей вернуться опять без Селестино и дала ей выпить состав, который уменьшил ее боль почти мгновенно, а затем она прошептала ей на ухо, что Флоринда должна сама принять мгновенное решение, что она должна успокоить свой ум, делая что угодно, но как только решение будет принято, она не должна терять ни секунды. Дома она заявила о своем желании вернуться назад. Селестино ничего не мог ей возразить, потому что ее решение было непоколебимо.

— Почти сразу я отправилась к знахарке, — продолжала Флоринда. На этот раз мы ехали на лошадях. Я взяла с собой самых доверенных слуг: девушку, которая дала мне яд, и мужчину, чтобы присматривать за лошадьми. Нам трудно пришлось при переходе через эти горы. Лошади нервничали из-за запаха моей ноги, но мы кое-как добрались. Сама не сознавая, я применила третий принцип искусства stalking. Я подвела свою жизнь или то, что от нее осталось, к новому рубежу. Я хотела и была готова умереть. Для меня это не было таким уж трудным решением, поскольку я все равно умирала. Верным является то, что когда умираешь и уже наполовину мертв, как в моем случае, и когда в этом больше неудобства, чем боли, появляется склонность к лени и слабости, когда невозможно никакое усилие.

— Я оставалась в доме знахарки в течение 6 дней. На второй день я уже чувствовала себя лучше. Опухоль начала спадать. Выделения из ноги прекратились, боль прошла. Я была лишь немного слабой в коленях, когда пыталась ходить.

— На шестой день знахарка взяла меня в свою комнату. Она была очень заботлива ко мне и, оказывая всяческое внимание, усадила на постель и дала кофе. Она уселась на полу у моих ног лицом ко мне. Я могу вспомнить ее точные слова: «ты очень и очень больна и только я могу тебя вылечить; если я этого не сделаю, ты умрешь такой смертью, которую и вообразить невозможно. Поскольку ты глупая, ты предпочтешь горький конец. С другой стороны, я могу вылечить тебя в один день, но не сделаю этого. Ты будешь приходить сюда до тех пор, пока не поймешь, что я показываю тебе, только тогда я вылечу тебя полностью; если я сделаю иначе, ты, будучи глупой, никогда сюда не придешь».

Флоринда сказала, что знахарка с огромным терпением объяснила ей очень тонкие моменты своего решения помочь ей. Она не поняла ни одного слова. Это объяснение заставило ее еще больше увериться в том, что знахарка несколько ненормальна.

Когда знахарка сообразила, что до Флоринды ничего не доходит, она стала более суровой и заставляла Флоринду, как ребенка, повторять вновь и вновь, что без помощи знахарки ее жизнь кончена и что знахарка может решить прекратить лечение и заставить ее умирать. В конце концов женщина потеряла терпение, когда Флоринда стала просить, чтобы та кончила ее лечить и отослала домой к ее семье; она подняла бутылку, содержащую лекарство, разбила ее о землю и сказала Флоринде, что больше ее знать не хочет.

Флоринда сказала, что тогда она заплакала — единственные настоящие слезы в ее жизни. Она сказала знахарке, что хочет одного — быть здоровой и что она более чем согласна платить за это. Женщина сказала, что для денежной платы слишком поздно и что от Флоринды она хочет ее внимания, а не ее денег.

Флоринда призналась мне, что за свою жизнь она научилась добиваться всего, чего захочет. Она знала, что значит быть упрямой, поэтому она заговорила о том, что к знахарке приходили

тысячи пациентов, таких же полумертвых, как она, и что знахарка брала их деньги. Почему же ее случай другой? Флоринде ничего не объяснил ответ знахарки, что, будучи видящей, она видела светящееся тело Флоринды и это тело точно такое же, как у знахарки. Флоринда решила, что женщина сошла с ума, если не понимает, что между ними целый мир различий: знахарка была грубой индеанкой, необразованной и примитивной, в то время как Флоринда была богатой, красивой и белой. Флоринда спросила женщину, что она собирается с ней делать. Знахарка сказала, что ей поручено вылечить ее, а затем обучить чему-то очень важному. Флоринда хотела знать, кто ей поручил. Женщина ответила, что поручил орел — ответ, который убедил Флоринду, что женщина абсолютно безумна. И все же Флоринда не видела никакого способа противиться требованиям женщины. Она сказала ей, что согласна делать все, что угодно.

Женщина мгновенно изменила свое враждебное отношение; она дала Флоринде с собой лекарства и велела ей возвращаться, как только она сможет.

— Как ты знаешь сам, — продолжала она, — учитель должен использовать трюк с учеником; знахарка использовала трюк с моей болезнью. Она была права. Я была такой идиоткой, что если бы она сразу меня вылечила, то я вернулась бы обратно к своей глупой жизни, будто со мной никогда ничего не случилось. Разве все мы не делаем так же?

Флоринда вернулась на следующей неделе. Когда она подъехала, ее приветствовал старик, которого она встречала раньше. Он разговаривал с ней так, будто они были старыми друзьями. Он сказал, что знахарка на несколько дней уехала и что она оставила ему лекарство для нее, если она появится. Он сказал Флоринде очень дружески, но с командой в голосе, что отсутствие знахарки оставляет ей лишь две альтернативы: она может или вернуться домой, возможно, в худшем физическом состоянии, чем раньше, из-за утомительного путешествия, или она может следовать тщательно разработанным инструкциям знахарки. Он добавил, что если она решит остаться и начать свое лечение прямо сейчас, то через 3-4 месяца она будет совершенно здорова. Здесь, однако, было одно затруднение: если она решит остаться, ей придется пробыть в доме знахарки 8 следующих дней и поэтому отправить своих слуг домой. Флоринда сказала, что решать тут нечего — ей приходится остаться. Старик немедленно дал ей настой трав, который знахарка, очевидно, оставила для нее. Он просидел с ней большую часть ночи. Он поддерживал ее беседой и его легкий разговор зажигал во Флоринде оптимизм и доверие.

Ее двое слуг уехали на следующее утро после завтрака. Флоринда совсем не боялась. Она глубоко доверяла старику. Он сказал ей, что должен построить ящик для ее лечения в соответствии с инструкциями знахарки. Он усадил ее на низкий стулик, который был установлен в центре голого места без растительности. Пока она там сидела, старик познакомил ее с тремя молодыми людьми, которые, как он сказал, были его помощниками. Двое были индейцами, а один белый. Им четверым потребовалось меньше часа, чтобы соорудить ящик вокруг стула, на котором сидела Флоринда. Когда они закончили, Флоринда оказалась замурованной в ящик, крышка которого имела решетку для вентиляции. Одна из его сторон была на петлях и служила дверью. Старик открыл дверь и помог Флоринде выйти оттуда. Он провел ее в дом и попросил помочь приготовить для нее лекарство, чтобы иметь его под рукой к тому времени, когда вернется знахарка.

Флоринда была поражена тем, как он работал. Он сделал отвар из растений с затхлым запахом и приготовил ведро горячей жидкости. Он предложил, чтобы она для удобства погрузила ногу в ведро и, если она пожелает, то ей лучше, может быть, выпить лекарство, которое он приготовил, прежде, чем оно потеряет свою силу. Флоринда повиновалась ему без всяких расспросов. Облегчение, которое она почувствовала, было значительным.

Затем старик выделил ей комнату и велел молодым людям поставить ящик внутрь комнаты. Он сказал ей, что пройдет несколько дней, прежде чем вернется знахарка, а тем временем ей следует тщательно выполнять оставленные ею инструкции.

Она согласилась с ним, и он вытащил список заданий. Туда входило очень много ходьбы, чтобы собирать лекарственные растения, необходимые для ее снадобья, и ее помощь в их практическом приготовлении.

Флоринда сказала, что провела 12 дней вместо 8, потому что ее слуги задерживались из-за проливных дождей. Только на 10-й день она обнаружила, что женщина никуда не уезжала и что старик фактически и был настоящим знахарем. Флоринда смеялась, описывая свое потрясение. Старик заманил ее в активное участие в лечении самой себя. Более того, под тем предлогом, что этого требует знахарка, он держал ее в ящике ежедневно по крайней мере 6 часов для того, чтобы выполнить особое задание, которое он называл «перепросмотром».

В этом месте своего рассказа Флоринда внимательно осмотрела меня и заключила, что мне достаточно и время уходить.

При нашей следующей встрече она объяснила, что старик был ее бенефактором и что она была первым сталкером, которого женщины из партии ее бенефактора нашли для нагваля

Хуана Матуса, но тогда ничего этого ей не было известно. Хотя ее бенефактор сместил ей уровень сознания и открыл ей это, все было бесполезно. Она была выращена, чтобы быть красивой, и это создавало вокруг нее такой непроницаемый щит, что она не поддавалась перемене.

Ее бенефактор заключил, что ей нужно время. Он разработал план, чтобы вывести Селестино на поле битвы Флоринды. Он дал ей возможность увидеть в личности Селестино такие вещи, о которых она сама знала наверняка, но не имела мужества открыто посмотреть на них. У Селестино было сильное чувство собственности, относящееся ко всему, чем он владел. Среди его владений его богатство и Флоринда занимали очень высокие места. Его заставили проглотить свою Гордость, когда он попался в руки знахарки; из-за того, что знахарка была нужной, а Флоринда действительно поправлялась, он ждал времени, ждал той минуты, когда лечение будет закончено, чтобы отомстить. Флоринда сказала, что по словам ее бенефактора, в случае ее быстрого и полного выздоровления была опасность, что Селестино решит, поскольку он принимал все решения в доме, что Флоринде больше не нужно видеть своего лекаря. Ее бенефактор дал ей тогда особый настой, чтобы мазать им другую ногу. Настой был очень терпким и вызывал раздражение на коже, которое напоминало распространение болезни. Ее бенефактор посоветовал ей пользоваться раствором каждый раз, когда она захочет приехать вновь повидать его, даже если ей не надо будет никакого лечения. По словам Флоринды, на излечение потребовался год. За это время ее бенефактор познакомил ее с правилом и муштровал ее, словно солдата, в искусстве stalking. Он заставил ее применять принципы stalking ко всему, что она делала ежедневно, начиная с малого и вплоть до всего в ее жизни. За этот год ее бенефактор познакомил ее также с нагвалем Хуаном Матусом, которого она описала как очень умного и вдумчивого, но все еще самого ненадежного и ужасающего молодого человека, какого она когда-либо встречала.

Она сказала, что именно нагваль Хуан Матус помог ей бежать от Селестино. Он и Сильвио Мануэль контрабандой вывели ее из города через полицейские и военные кордоны. Селестино подал жалобу в суд из-за ее побега и, будучи влиятельным человеком, использовал все свои возможности для того, чтобы помешать ей покинуть его. Из-за этого ее бенефактор должен был переехать в другую часть мексики, а она должна была оставаться, спрятавшись в его доме, в течении нескольких лет. Такое положение устраивало Флоринду, поскольку она должна была выполнить задачу перепросмотра, а для этого она нуждалась в абсолютной тишине и одиночестве. Она объяснила, что пересмотр является основной силой stalkеров, так же как тело сновидения является силой сновидящих. Он состоит из пересмотра собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей.

Ее бенефактор дал ей ящик как средство и символ, которое должно было помочь ей научиться концентрации, потому что ей пришлось сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не прошла перед ее глазами, и в то же время это был символ узости границ нашей личности. Ее бенефактор сказал ей, что когда она закончит свой перепросмотр, она разломает ящик, символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности.

Она сказала, что stalkеры пользуются ящиками или земляными гробами, чтобы закрываться в них, пока они вновь переживают, а не просто пересматривают каждый момент своей жизни. Причина, по которой stalkеры должны пересматривать свою жизнь таким подробным образом состоит в том, что дар орла человеку включает в себя его согласие принять вместо настоящего сознания суррогат, если этот суррогат будет совершенной копией.

Флоринда объяснила, что поскольку сознание является пищей орла, он может удовлетвориться в совершенстве выполненным пересмотром вместо сознания.

Затем Флоринда дала мне основу пересмотра. Она сказала, что первая стадия — это краткий учет всех случаев нашей жизни, которые явным образом подлежат пересмотру. Вторая стадия — это более полный пересмотр, который начинается систематически с точки, когда стalker сел в ящик и теоретически может простирается вплоть до момента рождения. Она заверила меня, что совершенный пересмотр может изменить воина настолько же, если не больше, как и полный контроль над телом сновидения. В этом смысле как искусство сновидения, так и искусство stalking вели к одному и тому же концу — входу в третье внимание. Для воина важно, однако, знать и практиковать как то, так и другое. Она сказала, что женщинам требуются разные конфигурации светящегося тела, чтобы добиться мастерства в одном или в другом. Мужчины, с другой стороны, могут делать и то и другое довольно легко, но они никогда не способны достичь такого уровня мастерства, которого достигают женщины в каждом искусстве.

Флоринда объяснила, что ключевым моментом пересмотра было дыхание. Для нее дыхание было магическим, потому что это была функция, дающая жизнь. Она сказала, что пересматривать легко, если сможешь уменьшить область возбуждения вокруг тела. В этом и был смысл ящика. Затем дыхание будет выносить все более и более глубокие воспоминания.

Теоретически сталкеры должны вспомнить каждое чувство, которое было у них в жизни, а этот процесс начинается у них с дыхания.

Она предупредила меня, что те вещи, которым она меня учит, являются лишь предварительными и что в другое время и в другой обстановке она обучит меня тонкостям. Она сказала, что ее бенефактор велел ей написать список тех событий, которые ей надо пережить. Он сказал ей, что процесс начинается с первоначального дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге в 180 град. Вдох заканчивается на левом плече. После того, как закончен вдох, голова возвращается обратно в расслабленное положение. Выдыхает сталкер, глядя прямо перед собой. Затем сталкер берет событие, которое у него стоит первым по списку и остается с ним до тех пор, пока не будут учтены все чувства, затраченные в этом событии. Когда сталкер вспомнит все чувства, которые он испытал в том, что он вспоминает, он медленно вдыхает, двигая голову с правого плеча на левое. Смысл этого вдоха — восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создает паутиновидные нити, которые выходят из светящейся массы под действием разных эмоций, поэтому каждая ситуация взаимодействия или любая ситуация, где участвует чувство, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при воспоминании чувства, сталкер, используя магию дыхания, подбирает те нити, которые он оставил позади. За этим сразу следует выдох слева направо. При его помощи сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в том событии, которое вспоминается.

Она сказала, что это обязательная предварительная ступень искусства сталкинга, через которую прошли все члены ее партии как через введение в более сложные упражнения этого искусства. Если сталкеры не прошли этой предварительной ступени, чтобы вернуть те нити, которые они оставили в мире, а в особенности чтобы выбросить нити, оставленные в них другими, нет никакой возможности практиковать контролируемую глупость, потому что эти чужие нити являются основой для безграничной возможности роста самосознания. Чтобы практиковать контролируемую глупость, поскольку это не является способом дурачить людей или чувствовать превосходство над ними, нужно быть способным смеяться над самим собой. Она сказала, что одним из результатов детального пересмотра является искренний смех при столкновении лицом к лицу с надоевшим повторением самовлюбленности, которая является сущностью всех человеческих взаимодействий.

Флоринда подчеркнула, что правило определило искусство сталкинга и искусство сновидения именно как виды искусства, поэтому они являются чем-то таким, что люди исполняют. Она сказала, что дающая жизнь природа дыхания является тем, что дает в то же время способность очищаться. Именно эта способность превращает пересмотр в практическое дело.

При нашей следующей встрече Флоринда подвела итог тому, что она назвала последними указаниями. Она сказала, что поскольку общее заключение нагваля Хуана Матуса и его воинов было то, что мне не придется иметь дело с миром повседневной жизни, они обучили меня искусству сновидения вместо искусства сталкинга. Она объяснила, что это заключение было радикально изменено и что они оказались в неудобном положении. У них больше нет времени обучить меня искусству сталкинга. Ей придется отстать, задержавшись на периферии третьего внимания для того, чтобы выполнить свою задачу позднее, когда я буду готов. С другой стороны, если я покину мир вместе с ними, эта обязанность будет с нее снята.

Флоринда сказала, что ее бенефактор считал три основные техники сталкинга — ящик, список событий для пересмотра и дыхание сталкера — пожалуй, самыми важными задачами, которые может выполнить воин. Он считал, что глубокий пересмотр является самым действенным средством, чтобы потерять человеческую форму. Поэтому сталкерам легче после пересмотра своей жизни использовать все неделания самого себя, такие, как стирание личной истории, потеря самомнения, ломка ритуалов и т.п.

Флоринда сказала, что ее бенефактор дал им всем пример того, о чем он говорил, сначала действуя, исходя из собственных предпосылок, а затем дав им разумные основания воина относительно своих поступков. В ее собственном случае он, будучи мастером искусства сталкинга, разыграл представление с ее болезнью и излечением, которое не только совпадало с путем воина, но было мастерским введением в 7 основных принципов искусства сталкинга. Сначала он затащил Флоринду на свое поле битвы, где она была в его руках; он заставил ее отбросить то, что не было существенным; он научил ее, как поставить ее жизнь на новый рубеж при помощи решения; он научил ее, как расслабиться; для того, чтобы помочь ей заново собрать свои ресурсы, он заставил ее войти в совершенно новое настроение оптимизма и уверенности в себе; он научил ее сжимать время; и наконец, он показал ей, что сталкер никогда не выставляет себя вперед. На Флоринду большое впечатление оказал последний принцип. По ее мнению, он сводил вместе все, что она хотела сказать мне в своих последних указаниях.

— Мой бенефактор был вождем, — сказала Флоринда, — и в то же время, глядя на него, никто бы этому не поверил. Он всегда выдвигал вперед кого-нибудь из своих женщин-воинов, в то время как сам свободно смешивался с пациентами, притворяясь одним из них или изображая дурака, который постоянно подметает сухие листья самодельной метлой.

Флоринда объяснила, что для того, чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо применять остальные 6. Таким образом ее бенефактор всегда смотрел из-за кулис. Благодаря этому он мог избегать конфликтов или отражать их. Если имел место какой-нибудь нажим, он всегда был направлен не на него, а на его переднюю линию — на женщину-воина.

— Я надеюсь, теперь ты понял, — продолжала она, — что только мастер-сталкер может быть мастером контролируемой глупости. Она не означает дурачить людей. Это означает, как объяснял мой бенефактор, что воин применяет 7 основных принципов искусства сталкинга ко всему, что он делает, начиная с самых тривиальных поступков до ситуаций жизни и смерти. Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый тот, что сталкер выучивается никогда не принимать самого себя всерьез. Он выучивается смеяться над самим собой. Если он не боится быть дураком, он может одурачить другого. Второй тот, что сталкер выучивается иметь бесконечное терпение, он никогда не спешит, никогда не дрожит. И третий тот, что сталкер выучивается иметь бесконечные способности к импровизации.

Флоринда поднялась. Мы сидели, как обычно, в ее жилой комнате. Я немедленно заключил, что наш разговор окончен. Она сказала, что у нее есть еще одна тема, с которой она хочет меня познакомить прежде, чем попрощаться. Она провела меня на другую веранду ее дома. Я никогда раньше не был в этой части ее дома. Она мягко позвала кого-то и из комнаты вышла женщина. Сначала я не узнал ее. Женщина назвала меня по имени и только тут я сообразил, что это была донья Соледад. Ее перемена была потрясающей. Она стала намного моложе и сильнее. Флоринда сказала, что Соледад провела в ящике пересмотра 5 лет и что орел, приняв ее пересмотр вместо ее осознания, отпустил ее на свободу. Соледад подтвердила это движением головы. Флоринда резко прервала нашу встречу, сказав, что мне пора уходить, потому что у меня не осталось больше энергии.

После этого много раз бывая в доме Флоринды, я каждый раз видел ее лишь несколько секунд. Она сказала мне, что решила не учить меня больше, потому что мне выгоднее иметь дело только с доньей Соледад.

Мы с доньей Соледад встречались несколько раз, но то, что происходило между нами во время этих встреч, осталось чем-то абсолютно непонятным для меня. Каждый раз, когда мы были вместе, она усаживала меня у двери ее комнаты лицом на восток. Сама она садилась справа, касаясь меня. Затем мы останавливали вращение стены тумана и оставались оба в ее комнате лицом к югу.

Я уже научился с Гордой останавливать вращение стены. Донья Соледад, казалось, помогала мне понять другой аспект этой способности восприятия я правильно заметил с Гордой, что лишь какая-то часть останавливает стену, как-будто я внезапно делился надвое. Часть всего меня смотрела вперед и видела неподвижную стену справа, тогда как другая, более крупная часть более цельного меня, поворачивалась на 90° вправо и смотрела на стену. Каждый раз, когда мы с доньей Соледад останавливали стену, мы оставались смотреть на нее, но никогда не входили в пространство между параллельными линиями, как я делал множество раз с женщиной-нагваль и Гордой. Донья Соледад заставляла меня каждый раз вглядываться в туман, как если бы он был отражающим стеклом. Каждый раз я при этом испытывал крайне необычное нарушение ассоциаций. Это было так, как если бы несясь на головокружительной скорости, я мог видеть осколки ландшафта, формирующиеся в тумане, и внезапно оказывался в другой физической реальности. Это был горный район, каменистый и неприветливый. Там всегда была донья Соледад в компании с милой женщиной, которая громко смеялась мне.

Моя неспособность запомнить, что мы делали после этого момента, была еще более острой, чем моя неспособность помнить, что женщина-нагваль, Горда и я делали в районе между параллельными линиями. Казалось, что мы с доньей Соледад входили в другую область сознания, неизвестную мне. Я уже был в том состоянии, которое считал самым острым, однако было что-то еще более острое.

Этот аспект второго внимания, который донья Соледад, очевидно, показывала мне, был более сложным и недоступным, чем все, с чем я встречался до сих пор. Все, что я мог вспомнить, это чувство большого количества движений — физическое ощущение, подобное тому, когда пройдешь пешком несколько миль или вернешься с горной прогулки. У меня также была ясная телесная уверенность, хотя я и не мог сказать, почему, что донья Соледад, эта женщина и я обменивались словами, мыслями, чувствами, но я не мог вспомнить их.

После каждой встречи с доньей Соледад, Флоринда немедленно выпроваживала меня. Словами донья Соледад передавала минимальную часть информации. Мне показалось, что нахождение в состоянии такого повышенного сознания оказало на нее столь глубокое воздействие, что она едва могла говорить. Было что-то такое, что мы видели в этой горной

местности, помимо той милой женщины, или что-то такое, что мы делали там вместе, что оставляло нас буквально бездыханными. Она не могла ничего вспомнить, хотя и пыталась.

Я попросил Флоринду разъяснить природу моих путешествий с доньей Соледад. Она сказала, что часть ее последних занятий состояла в том, чтобы заставить меня войти во второе внимание так, как это делают сталкеры, и что донья Соледад была более способна, чем она сама, вталкивать меня в пространство сталкеров.

На той встрече, которая должна была быть нашей последней, Флоринда, так же как она делала в начале наших занятий, ожидала меня в холле. Она взяла меня за руку и провела в жилую комнату. Мы сели. Она предупредила меня, чтобы я пока не пытался осмысливать свои путешествия с доньей Соледад. Она объяснила, что сталкеры в своей основе отличаются от сновидящих в том, как они используют мир вокруг себя, и что донья Соледад занималась тем, что пыталась помочь мне повернуть голову.

Когда дон Хуан описывал концепцию поворота головы воина для того, чтобы увидеть новое измерение, я понял это как метафору, под которой подразумевал изменение установки. Флоринда сказала, что описание верно, но это не метафора. Сталкеры действительно поворачивают головы, но делают это не для того, чтобы видеть новое направление, а для того, чтобы по-другому взглянуть на время. Сталкеры повернуты навстречу наступающему времени. Обычно мы смотрим на время, уходящее от нас. Только сталкеры могут менять направление и поворачиваться лицом к набегающему времени. Флоринда объяснила, что поворачивание головы не означает, что смотришь в будущее; это означает, что видишь время как нечто конкретное, хоть и непонятное, поэтому для меня было излишне пытаться обдумывать то, что мы делали с доньей Соледад. Все это будет иметь смысл, если я смогу воспринять целостность самого себя и буду иметь в таком случае энергию, необходимую для того, чтобы разрешить загадку. Флоринда сказала мне тоном человека, вручающего награду, что донья Соледад является сталкером экстра-класса; она назвала ее величайшей из всех них. Она сказала, что донья Соледад может пересекать параллельные линии в любое время. Более того, никто из воинов партии Хуана Матуса не был способен сделать то, что сделала она. Она благодаря своей безупречной технике сталкинга нашла свое параллельное существо.

Флоринда объяснила, что все, что я испытал с нагвалем Хуаном Матусом, или Сильвио Мануэлем, или Зулейкой, или Хенаро, было лишь мельчайшей долей второго внимания; то, что помогала испытать мне донья Соледад, было еще одной мельчайшей, но совсем другой долей. Донья Соледад не только заставила меня повернуться к набегающему времени, но она привела меня к своему параллельному существу. Флоринда определила существо как противовес, который имеют все живые твари благодаря тому факту, что они являются светящимися существами, наполненными необъяснимой энергией. Параллельное существо любой личности — это другая личность того же пола, которая тесно и нераздельно соединена с первой. Они существуют в мире в одно и то же время. Два параллельных существа являются как бы концами одной и той же палки. Воину почти невозможно найти свое параллельное существо, потому что в его жизни слишком много отвлекающих факторов и других первостепенных вещей, но тот, кто способен выполнить эту задачу, найдет в своем параллельном существе, как это сделала донья Соледад, бесконечный источник молодости и энергии.

Флоринда резко поднялась и отвела меня в комнату доньи Соледад. Возможно потому, что я знал, что это наша последняя встреча, я был охвачен странной тревогой. Донья Соледад улыбнулась мне, когда я сказал ей, что мне только что рассказала Флоринда. Она сказала с истинным, по-моему, смирением воина, что она не учит меня ничему, что все, что она надеялась сделать, так это показать мне свое параллельное существо, потому что именно туда она отступит, когда нагваль Хуан Матус и его воины покинут этот мир. Однако случилось что-то еще, что было вне ее внимания. Флоринда объяснила ей что мы увеличивали энергию друг друга, а это заставило нас встретить наступающее время не в малых дозах, как планировала для нас Флоринда, а невосприимлемыми глотками, как того хотела моя беспорядочная натура.

Результат нашей последней встречи был еще более ошеломляющий. Донья Соледад, ее параллельное существо и я оставались вместе в течение необычно долгого времени. Я видел каждую черту лица параллельного существа. Я чувствовал, что она пытается сказать мне, кто она такая. Она, казалось, тоже знала, что это наша последняя встреча. В ее глазах было всепобеждающее чувство слабости, затем сила, подобная ветру, унесла нас прочь во что-то такое, что не имело для меня значения.

Внезапно Флоринда помогла мне встать. Она взяла меня за руку и повела меня к двери. Донья Соледад пошла с нами. Флоринда сказала, что мне трудно придется, вспоминая все, что произошло, потому что я потакал своей рассудительности — состояние, которое может только ухудшиться, потому что они скоро уйдут и не останется никого, кто помог бы мне сместить уровни сознания. Она добавила, что мы с доньей Соледад еще встретимся опять в мире повседневной жизни. Тогда я повернулся к донье Соледад и попросил вывести меня из моего

потворства себе. Я сказал ей, что если это ей не удастся, то пусть она убьет меня. Я не хочу жить в путах своей рассудительности.

— Неправильно так говорить, — сказала Флоринда. — мы — воины, а у воинов в уме только одна мысль — их свобода. Умереть и быть съеденным орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо орла и стать свободным — исключительная доблесть.

15. ОПЕРЕННЫЙ ЗМЕЙ

Закончив все, что было определено правилом, дон Хуан со своей партией воинов были готовы к своей конечной задаче — покинуть мир повседневной жизни. Все, что оставалось Горде, другим ученикам и мне — это быть свидетелями их ухода. Оставалась только одна проблема — что делать с учениками. Дон Хуан сказал, что они должны были бы уйти вместе с ним, влившись в их группу, но они не были готовы. Те реакции, которые они проявили, пытаясь пересечь мост, продемонстрировали ему, в чем были их слабости.

Дон Хуан сказал, что выбор его бенефактора ожидать годами, прежде чем собрать партию воинов, был мудрым выбором и дал положительные результаты, тогда как его собственное решение быстро свести меня с женщиной-нагваль и моей группой чуть не оказалось для нас фатальным. Я понял, что он говорит это не как выражение сожаления, а как подтверждение свободы воина выбирать и принимать свой выбор. Более того, он сказал, что серьезно думал, не последовать ли примеру своего бенефактора и что если бы он так сделал, то довольно скоро обнаружил бы, что я не такой же нагваль, как он сам, и никто другой, кроме меня, не продвинулся бы дальше этой точки. Пока же Лидия, Роза, бениньо, Нестор и Паблито имеют серьезные недостатки; Горде и Жозефине нужно время, чтобы усовершенствовать себя; только с Соледад и Элихио все было в порядке, поскольку они пожалуй, были даже лучше подготовлены, чем воины его собственной группы. Дон Хуан добавил, что теперь девяти из них придется принять свои счастливые или несчастливые обстоятельства и без сожалений и отчаивания или похлопывания друг друга по спине превратить свое проклятие или благословение в живой вызов.

Дон Хуан указал, что не все у нас является неудачей, — та небольшая роль, которую мы играли среди его воинов, была полным триумфом, поскольку правило подходило к каждому из моей партии, кроме меня. Я полностью согласился с ним. Начиная с женщины-нагваль, все было таким, как предписывало правило. Она имела выдержку и контроль; она была на войне и в то же время в покое; без всякой внешней подготовки она справлялась и вела всех одаренных воинов дона Хуана, даже несмотря на то, что они были вдвое старше. Эти мужчины и женщины признавали, что она была копией другой женщины-нагваль, которую они знали. Она в совершенстве воспроизводила каждую из женщин-воинов, а следовательно, она могла воспроизводить также тех пятерых женщин, которых дон Хуан нашел для моей партии, потому что они были копией старших женщин. Лидия была как Гермелинда, Жозефина — как Зулейка, Роза и Горда — как Нелида, а Соледад — как Делия. Мужчины тоже были копиями воинов дона Хуана: Нестор был копией висенте, Паблито — Хенаро, Бениньо — Сильвио Мануэля, а Элихио был подобен Хуану Туме. Правило действительно было голосом всеохватывающей силы, которая спланировала этих людей в однородное целое. Лишь благодаря странному повороту судьбы они были оставлены беспризорными, без вожака, который нашел бы для них проход в другое сознание. Дон Хуан сказал, что всем членам моей партии придется войти в другое сознание самостоятельно и что он не знает, каковы их шансы, потому что это зависит от каждого из них в отдельности. Он безупречно помог каждому, поэтому его дух свободен от огорчений и заботы, а его ум свободен от пустых рассуждений. Все, что ему осталось сделать, так это показать нам прагматически, что это значит — пересечь параллельные линии внутри самого себя.

Дон Хуан сказал мне, что в лучшем случае я смогу помочь только одному из учеников и что он выбрал Горду из-за ее восприимчивости и из-за того, что я уже знаком с ней. Он сказал, что у меня не хватит энергии для остальных, поскольку я должен буду выполнить другие обязанности, пройти по другим тропам действия, которые соответствуют моей истинной задаче. Дон Хуан объяснил мне, что каждый из его собственных воинов знал, в чем состоит эта задача, но не открыл ее мне, потому что мне еще предстояло доказать, что я ее достоин. Тот факт, что они находились в конце своего пути, а также то, что я точно следовал всем инструкциям, сделали необходимым открыть мне эту задачу, хотя бы только частично.

Когда дону Хуану пришло время уходить, он дал мне об этом знать, пока я находился в состоянии нормального сознания. Я не понял важности того, что он сказал. Дон Хуан до самого конца пытался научить меня соединять оба моих состояния сознания. Все это было бы очень просто, если бы я оказался способен сделать это. Поскольку и я не оказался способным и был лишь интеллектуально затронут его откровением, он заставил меня сместить уровень сознания для того, чтобы дать мне возможность воспринять события более полно. Он многократно предупреждал меня, что находиться в левостороннем сознании является преимуществом только

в том смысле, что там мы быстрее все схватываем. В то же время это невыгодно, потому что позволяет нам с невероятной ясностью фокусироваться каждый раз только на одном предмете; это делает нас зависимыми и уязвимыми. Мы не можем быть сами собой, пока находимся в левостороннем сознании и поэтому нас должны оберегать воины, которые достигли целостности самих себя и знают, как управлять собой в этом состоянии.

Горда сказала, что однажды нагваль Хуан Матус и Хенаро собрали всех учеников в ее доме. Нагваль сместил им уровень сознания и сказал им, что его время на земле пришло к концу. Сначала она не поверила ему. Она решила, что он пытается напугать их, чтобы они действовали, как воины, но затем до нее дошло, что в глазах его было такое сияние, которого она не видела раньше. Изменив им уровни сознания, он разговаривал с каждым по отдельности и заставил их вспомнить и суммировать все концепции и процедуры, с которыми он их познакомил.

То же самое он проделал со мной. Моя встреча состоялась за день до того, как я видел его в последний раз. В моем случае он продолжал такой обзор в обоих состояниях сознания. Фактически, он перемещал меня туда и обратно несколько раз, как бы желая убедиться, что в обоих случаях я получил все полностью.

Сначала я не мог вспомнить, что происходило после этого обзора. Однажды Горде в конце концов удалось сломать барьеры моей памяти. Она сказала, что находилась внутри моего ума, как если бы читала меня. Она утверждала, что мою память держит взаперти страх вспомнить свою боль. То, что произошло в доме Сильвио Мануэля вечером перед тем, как они ушли, было нераздельно переплетено с моим страхом. Она сказала, что у нее абсолютно ясное ощущение, что я боюсь, но что она не знает причины этого страха. Она также не могла вспомнить, что в точности происходило в том доме, а в особенности в той комнате, где мы сидели. Пока Горда говорила, я почувствовал, что как бы падаю в бездну. Я сообразил, что что-то во мне пытается создать связь между двумя отдельными событиями, свидетелем которых я был в двух своих состояниях сознания. На левой стороне находились закрытые воспоминания о доне Хуане и его партии воинов в их последний день на земле, на правой стороне у меня была память о том, как я прыгнул в тот день в бездну. Пытаясь объединить эти две своих стороны, я испытывал общее чувство физического падения. Колени мои подогнулись и я упал на пол. Когда я описал свой опыт и свою интерпретацию его, Горда сказала, что в мое правостороннее сознание пробивается, без сомнения, воспоминание, которое всплыло у нее, пока я говорил. Она только что вспомнила, что мы сделали еще одну попытку пересечь параллельные линии вместе с нагвалем Хуаном Матусом и его партией. Она сказала, что мы оба вместе с остальными учениками попытались еще один раз перейти мост.

Я не мог сосредоточиться на этом воспоминании. Существовала, казалось, какая-то ограничивающая сила, которая мешала мне собрать свои мысли и чувства относительно этого события. Горда сказала, что Сильвио Мануэль велел нагвалю Хуану Матусу приготовить меня и всех учеников к переходу. Он не хотел оставлять меня в мире, потому что считал, что у меня нет ни одного шанса выполнить свою задачу. Нагваль был с ним не согласен, но провел нашу подготовку независимо от своих чувств.

Горда сказала мне, что помнит, как я подъехал к ее дому, чтобы отвести ее и других учеников к дому Сильвио Мануэля. Они остались там, а я вернулся назад к нагвалю Хуану Матусу и Хенаро, чтобы подготовиться к переходу. Я не помнил этого совершенно. Она настаивала, чтобы я использовал ее как проводника, поскольку мы были так тесно связаны. Она уверяла меня, что я могу читать у нее в уме и найти там что-нибудь, что разбудит у меня полное воспоминание.

Мой ум был в состоянии хаоса. Чувство тревоги мешало мне сфокусироваться даже на том, что она говорит. Она продолжала говорить, описывая то, что она вспоминала о нашей второй попытке перейти мост. Она сказала, что Сильвио Мануэль обратился к ним с речью. Он говорил, что они имеют достаточную подготовку, чтобы попытаться перейти еще раз; чтобы полностью войти в другое «я», им необходимо только отбросить намерение своего первого внимания. Как только они окажутся в осознании другого «я», сила нагваля Хуана Матуса и его партии возьмет их и подымет с большой легкостью в третье внимание, чего они не смогут сделать, если ученики будут находиться в своем нормальном сознании.

В какой-то момент я перестал слушать Горду; звук ее голоса был для меня действительно помощью. Внезапно память о всем событии всплыла у меня в уме. Я согнулся под грузом воспоминаний. Горда перестала говорить. Когда я рассказал ей о том, что вспомнил, она тоже вспомнила все. Мы сложили вместе последние кусочки отдельных воспоминаний из наших двух состояний сознания.

Я вспомнил, что дон Хуан и дон Хенаро подготовили меня к переходу, пока я находился в состоянии нормального сознания. Я разумно считал, что они готовят меня к прыжку в бездну.

Горда вспомнила, что Сильвио Мануэль, чтобы подготовить их к переходу, подвешивал каждого к потолочной балке в кожаном корсете. В каждой комнате его дома висело по ученику.

Они провисели так почти целый день. Горда заметила, что иметь такой корсет в комнате отлично. Хенарос, не зная в действительности, что они делают, наткнулись на квазивоспоминания о тех корсетах, в которых их подвешивали, и создали свою игру.

Эта игра соединяла в себе лечебные и очищающие эффекты, так как удерживала от соприкосновения с землей при возможности упражняться еще в координации, которая необходима для перемещения из правой в левую сторону сознания. Их игра была действительно средством, которое помогало им вспомнить.

Горда сказала, что после того, как она и все ученики провисели целый день, Сильвио Мануэль опустил их в сумерках на землю. Все они пошли вместе с ним на мост и ждали там с основной партией, пока не показались нагваль Хуан Матус, Хенаро и я. Нагваль Хуан Матус объяснил всем, что на мою подготовку ему понадобилось больше времени, чем он рассчитывал.

Я вспомнил, что дон Хуан и его воины пересекли мост прежде нас. Донья Соледад и Элихио автоматически пошли с ними. Женщина-нагваль перешла последней. С другой стороны моста Сильвио Мануэль сделал нам знак начинать переход. Не говоря ни слова, все мы пошли сразу. На середине моста Лидия, Роза и Паблито, казалось, не способны были сделать больше ни шагу. Бениньо и Нестор дошли почти до конца и там остановились. Туда, где стоял дон Хуан, прибыли только я, Горда и Жозефина.

То, что произошло потом, очень походило на то, что происходило при нашей первой попытке перехода. Сильвио Мануэль и Элихио держали что-то открытым, что показалось мне действительно щелью. У меня было достаточно энергии, чтобы фокусировать на ней свое внимание. Это не было отверстием в стене тумана, хотя я мог различить туманоподобные испарения вокруг щели. Это было таинственное отверстие, стоявшее само по себе вне остального мира. Оно было размером в рост человека, но узкое. Дон Хенаро пошутил, назвав его «космическим влагалищем»; замечание, которое вызвало хохот у его друзей. Горда и Жозефина держались за меня и мы вошли туда.

Я тут же почувствовал себя раздавленным. Та же неизмеримая сила, что чуть не взорвала меня в первый раз, охватила меня вновь. Я ощущал, как Горда и Жозефина сливаются со мной. Я, казалось, был шире, чем они, и эта сила расплющивала меня поверх их обеих.

Затем помню, что я лежал на земле, а Жозефина и Горда на мне. Сильвио Мануэль помог нам встать. Он сказал мне, что мы не имеем возможности на этот раз присоединиться к ним в их путешествии, но что, возможно, позднее, когда мы доведем себя до совершенства, орел позволит нам пройти.

Пока мы возвращались к его дому, Сильвио Мануэль рассказал мне почти шепотом, что этой ночью моя и их тропы разошлись. Он сказал, что наши тропы никогда не сольются вновь и что я остаюсь в одиночестве. Он убеждал меня быть экономным и использовать каждую крошку энергии, ничего не теряя зря. Он заверил меня, что если я смогу достичь целостности самого себя без чрезмерной утечки энергии, то у меня ее останется достаточно, чтобы выполнить свою задачу. Если я чрезмерно опустошу себя, прежде чем потеряю свою человеческую форму, то на мне можно поставить крест. Я спросил его, есть ли способ избежать утечки энергии. Он покачал головой. Он заметил, что такой способ есть, но он не для меня. То, добьюсь я успеха или нет, никак не связано с моими волевыми усилиями. Затем он рассказал мне о моей задаче, но он не сказал мне, как выполнить ее. Он сказал, что когданибудь орел поставит на мою тропу кого-нибудь, кто расскажет, как это сделать, и до тех пор, пока я не добьюсь в этом успеха, я не буду свободен.

Когда мы вернулись в дом, все собрались в большой комнате. Дон Хуан сидел в центре комнаты лицом к юго-востоку, 8 женщин-воинов окружали его. Они сели парами по сторонам света. Затем трое мужчин воинов создали треугольник снаружи этого круга, где Сильвио Мануэль был вершиной треугольника, указывающего на юго-восток.

Две женщины-курьера сели по бокам от него, а два мужчины-курьера сели перед ним прямо у стены.

Женщина-нагваль усадила учеников мужчин против восточной стены, женщин против западной стены, затем она провела меня к месту сразу позади дона Хуана. Мы сели там вместе.

Мы просидели, как мне показалось, только мгновение, однако я ощущал в своем теле прилив необычной энергии. Я считал, что мы сели и сразу же поднялись. Когда я спросил у женщины-нагваль, почему мы встали так быстро, она ответила, что мы просидели там несколько часов и что когда-нибудь, прежде чем я войду в третье внимание, все это вернется ко мне.

Горда подтвердила, что у нее тоже было ощущение, что мы сидели в той комнате лишь секунду, и ей никто не сказал, что все было иначе. Нагваль Хуан Матус сказал ей после этого, что на ней лежит обязанность помогать всем ученикам, особенно Жозефине, и что когда-нибудь я вернусь, чтобы полностью перейти в другое «я». Она была связана со мной и Жозефиной.

Во время наших совместных сновидений под наблюдением Зулейки мы обменялись огромным количеством нашей светимости, именно поэтому мы смогли выстоять вместе давлением другого

«я», когда входили в него телесно. Он сказал ей также, что только сила воинов его партии сделала переход на этот раз таким легким и что когда ей придется переходить самостоятельно, она должна быть готова сделать это в сновидении.

После того, как мы поднялись, ко мне подошла Флоринда. Она взяла меня за руку и прошла со мной по комнате, пока дон Хуан и его воины разговаривали с учениками.

Она сказала, что я не должен позволять событиям этой ночи на мосту смущать меня. Я не должен считать, как считал когда-то нагваль Хуан Матус, что существует какой-то действительный физический проход в другое «я». Цель, которую я видел, была просто тем воплощением их намерения, которое было смесью одержимости нагваля Хуана Матуса относительно проходов и странного чувства юмора Сильвио Мануэля; смесь того и другого создала «космическое влагалище». Насколько она знает, проход из одного «я» в другое не имеет физической материальности. «Космическое влагалище» было физическим выражением власти двух людей над «колесом времени».

Флоринда объяснила, что когда она или ее друзья говорят о времени, они не имеют в виду чего-то такого, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания; эманации орла состоят из времени, и по существу, когдаходишь в любой аспект другого «я», то знакомишься со временем.

Флоринда заверила меня, что той самой ночью, пока мы сидели в комнате, у них был последний шанс помочь мне и ученикам повернуться к колесу времени. Она сказала, что колесо времени подобно состоянию повышенного сознания, которое является частью другого «я», так же как левостороннее сознание является частью нашего повседневного «я» и что его физически можно описать как туннель бесконечной длины и ширины — туннель с соответствующими разветвлениями. Каждое ответвление бесконечно и бесконечно число этих ответвлений. Живые твари созданы силой жизни так, что смотрят только в одно ответвление; смотреть в него означает быть пойманным им и жить им, этим ответвлением.

Она сказала, что то, что воин называет волей, относится к колесу времени. Это похоже на усик виноградной лозы или на неосозаемые щупальца, которыми мы все обладаем. Она сказала, что конечная цель воина — научиться фокусировать волю на колесе времени для того, чтобы повернуть его. Воины, которые сумели повернуть колесо времени, могут смотреть в любое ответвление и извлекать оттуда все, что пожелают, вроде этого «космического влагалища».

Быть пойманным в ответвление времени означает видеть картины этого ответвления только по мере того, как они уходят. Быть свободным от зачаровывающей силы этих желобов означает, что можешь смотреть в любом направлении на то, как картины уходят, или на то, как они приближаются.

Флоринда перестала разговаривать и обняла меня, потом прошептала мне на ухо, что вернется назад когда-нибудь, когда я достигну целостности самого себя, чтобы закончить свой инструктаж.

Дон Хуан подозвал всех ко мне. Меня окружили. Сначала дон Хуан обратился ко мне. Он сказал, что я не могу идти с ними в их путешествие, потому что меня невозможно оторвать от моей задачи. В подобных обстоятельствах единственное, что можно сделать, так это пожелать мне всего хорошего. Он добавил, что воины не имеют своей собственной жизни. С того момента, как они поймут природу сознания, они перестают быть личностями и человеческие условия больше не являются частью их взглядов. У меня есть мой долг как у воина, и ничто другое не является важным, потому что я остаюсь позади для того, чтобы выполнить крайне неясную задачу. Поскольку я уже освободился от своей жизни, им нечего больше сказать мне, разве что пожелать действовать так хорошо, как только могу. Мне тоже было нечего сказать им кроме того, что я понял и принял мою судьбу.

Висенте подошел ко мне следующим. Он заговорил очень мягко. Он сказал, что вызовом для воина является прийти к очень тонкому равновесию между положительными и отрицательными силами. Этот вызов не означает, что воин стремится все взять под контроль. Это означает, что воин должен стремиться встретить любую вообразимую ситуацию, ожидаемую и неожиданную, с одинаковой эффективностью. Быть совершенным в совершенных обстоятельствах значит — быть бумажным воином. Мой вызов состоял в том, что я остаюсь позади; их вызов — в том, чтобы идти в неизвестное. Оба вызова были захватывающими. Для воинов восхищение от того, что остаешься, равно восхищению отправления в путешествие. Оба равны, потому что оба состоят из выполнения святого долга.

Сильвио Мануэль подошел ко мне следующим; он заботился о практических моментах. Он дал мне формулу, заклинание на те случаи, когда моя задача будет выше моих сил. Это был тот напев, который пришел мне на ум, когда я в первый раз вспомнил женщину-наваль:

Я уже отдан силе,
Что правит моей судьбой.
Я ни за что не цепляюсь,

Значит, мне нечего защищать.
У меня нет мыслей,
Поэтому я буду видеть.
Я ничего не боюсь,
Значит, я запомню себя.
Отрешенный и с легким сердцем
Я проскользну мимо орла,
Чтобы стать свободным.

Он сказал мне, что собирается показать практическое маневрирование вторым вниманием и тут же превратился в светящееся яйцо. Он вернул себе нормальную внешность опять, а затем повторил такие превращения 3 или 4 раза. Я отлично понял, что он делает; ему не понадобилось объяснять мне это, но тем не менее я не мог выразить словами то, что я узнал.

Сильвио Мануэль улыбнулся, понимая мою проблему. Он сказал, что требуется огромная сила для того, чтобы освободиться от намерения повседневной жизни. Тот секрет, который он только что открыл мне, состоял в том, как отходить от такого намерения. Чтобы выполнить то, что он сделал, нужно перенести свое внимание на светящуюся оболочку.

Он еще раз превратился в светящееся яйцо, и тогда мне стало ясно все, что я знал и так. Глаза Сильвио Мануэля на какую-то секунду фокусировались на точке второго внимания. Голова его была повернута прямо, будто он смотрел прямо перед собой; только глаза его смотрели косо. Он сказал, что воин должен вызвать намерение, а взгляд является секретом. Глаза выманивают намерение.

На меня нашла эйфория. В конце концов я теперь имел способность думать о чем-то таком, что я знал, в действительности не зная. Причина того. Что видение является зрительным, состоит в том, что глаза нам нужны, чтобы фокусироваться на намерении. Дон Хуан и его партия воинов знали, как использовать свои глаза для того, чтобы поймать другой аспект намерения. Они называли это действие видением. То, что показал мне Сильвио Мануэль, являлось истинной функцией глаз, ловцов намерения.

Затем я применил свои глаза, чтобы приманить намерение. Я сфокусировал их на точке второго внимания. Внезапно дон Хуан, его воины, донья Соледад и Элихио стали светящимися яйцами, но это не относилось к Горде, трем сестричкам и троим Хенарос. Я продолжал перемещать глаза туда и обратно между парами света и людьми, пока не услышал щелчок в основании шеи, и тогда все в комнате стали светящимися яйцами. Секунду я думал, что не смогу их различать, но затем мои глаза, казалось, привыкли и я удержал два аспекта намерения, две картины сразу. Я мог видеть их физические тела, а также их светимости. Две сцены не были наложены одна на другую, они были отдельны и все же я мог понять, каким образом. У меня определенно было два канала зрения, где видение совершалось моими глазами и в то же время было независимо от них. Закрывая глаза, я продолжал видеть светящиеся яйца, но уже не видел физических тел.

В какой-то момент у меня было острейшее чувство, что я знаю, как перемещать свое внимание на собственную светимость. Я знал также, что стоит мне сфокусировать глаза на моем теле, как я возвращусь на физический уровень.

Дон Хенаро подошел ко мне следующим и сказал, что нагваль Хуан Матус дал мне долг как прощальный подарок, Висенте подарил мне вызов, Сильвио Мануэль подарил мне магию, а он хочет подарить мне юмор. Он осмотрел меня снизу доверху и заметил, что с виду я самый наипечальнейший нагваль из всех, каких он когда-нибудь видел. Он оглядел учеников и заключил, что нам ничего не остается, как быть оптимистами и смотреть на положительные стороны вещей. Он рассказал нам анекдот о деревенской девушке, которая была соблазнена и покинута городским ухажером. Когда в день ее свадьбы ей сказали, что жених удрал, она взяла себя в руки благодаря той трезвой мысли, что еще не все потеряно. Она потеряла свою девственность, но еще не зарезала поросенка для свадебного пира.

Дон Хенаро сказал нам, что единственное, что может помочь нам выбраться из нашей ситуации, которая похожа на ситуацию брошенной невесты, так это держаться за своих поросят, чем бы они ни были, и глупо хохотать. Только путем смеха сможем мы изменить свое положение.

Жестами головы и рук он приглашал нас сказать ему сердечное ха-ха. Зрелище учеников, пытающихся смеяться, было таким же смешным, как и мои собственные попытки. Внезапно я рассмеялся с доном Хуаном и его воинами.

Дон Хенаро, который всегда сочинял анекдоты о моих поэтических дарованиях, попросил меня громко прочитать мои произведения. Он сказал, что хочет суммировать свои сантименты и свои рекомендации стихотворением, которое прославляет жизнь, смерть и смех. Он имел в виду отрывок из поэмы Хосе Горотиса «Смерть без конца».

Женщина-нагваль вручила мне книгу и я прочел тот отрывок, который всегда нравился дону Хуану и дону Хенаро.

О, какая слепая радость,
Какое огромное желание
Пользоваться воздухом, которым мы дышим,
Ртом, глазом, рукой.
Какое горячее нетерпение
Потратить абсолютно всего себя
В одном единственном взрыве смеха.
О, эта оскорбительная выскочка смерть,
Которая убивает нас издалека,
Дотянувшись к нам через удовольствие,
Которое мы находим
В ничтожной ласке
В чашке чая...

Обстановка для стихотворения была захватывающей. Я ощутил озноб. Ко мне подошли Эмилито и курьер Хуан Тума. Они не сказали ни слова. Их глаза сияли, как черный мрамор. Все их чувства, казалось, были сфокусированы в их глазах. Курьер Хуан Тума очень мягко сказал, что когда-то в своем доме он ввел меня в мистику мескалито и что это было предшественником другого случая в колесе времени, когда он хотел бы ввести меня в полную и окончательную тайну.

Эмилито сказал, как если бы его голос был эхом Хуана Тумы, что они оба уверены, что я выполню свою задачу. Они будут ждать, потому что когда-нибудь я присоединюсь к ним. Курьер Хуан Тума добавил, что орел свел меня с партией нагваля Хуана Матуса как со спасительной командой. Они обняли меня еще раз и оба прошептали, что я должен верить в самого себя. После курьеров ко мне подошли женщины-воины. Каждая обнимала меня и шептала мне на ухо свои лучшие пожелания. Женщина-нагваль подошла ко мне последней. Она села и держала меня между колен, будто я был ребенок. Она излучала привязанность и чистоту. У меня перехватило дыхание.

Мы поднялись и обошли комнату. Мы разговаривали относительно нашей судьбы. Силы, которые невозможно измерить, привели нас к этому кульминационному моменту. Преклонение, которое я чувствовал, было неизмеримым, и такова же была моя печаль. Затем она открыла мне частичку правила, которое относится к трехзубчатому нагвалю. Она была в состоянии крайнего возбуждения и в то же время она была спокойна. Ее интеллект был безупречен и в то же время она не пыталась рассуждать о чем бы то ни было. Ее последний день на земле поглощал ее. Она наполнила меня своим настроением. Казалось, что вплоть до этого момента я не вполне понимал финальность нашей ситуации. Пребывание на левой стороне обуславливало так, что непосредственный текущий момент заслонял все остальное, и это делало практически невозможным для меня предвидеть дальше этого момента, однако воздействие ее настроения захватило значительную часть и моего правостороннего сознания вместе с его способностью предчувствовать те ощущения, которые придут потом. Я сообразил, что больше не увижу ее никогда. Это было невыносимо.

Дон Хуан говорил мне, что на левой стороне нет слез и воин не может больше плакать и единственным выражением боли является дрожь, которая приходит откуда-то из самых глубин вселенной, как если бы одна из эманаций орла была болью. Дрожь воина бесконечна. Пока женщина-нагваль разговаривала со мной и держала меня, я ощутил эту дрожь. Она обняла меня руками за шею и прижала свою голову к моей. Я думал, что она выкручивает меня, как тряпку. Я почувствовал, как что-то выходит из моего тела или из ее тела в мое. Моя боль была столь интенсивной и затопила меня так быстро, что я взбесился. Я упал на пол вместе с женщиной-нагваль, все еще обнимавшей меня. Я подумал, как во сне, что, видимо, ушиб ей лоб при нашем падении. Наши лица были покрыты кровью. Кровь залила ей глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро быстро подняли меня. Они держали меня. По мне проходили неудержимые судороги, подобные схваткам. Женщины-воины окружили женщину-нагваль; они выстроились в один ряд посередине комнаты; к ним присоединились мужчины. Через мгновение между ними образовалась явная энергетическая цепь. Этот ряд проходил передо мной. Каждый из них подходил на секунду и останавливался передо мной, не разрывая ряда при этом, будто они находились на конвейере, который нес их и останавливал каждого на секунду передо мной.

Мужчины-курьеры ушли первыми. Затем женщины-курьеры, затем воины-мужчины, сновидящие, сталкеры и, наконец, женщина-нагваль. Они проходили мимо меня и останавливались в полной видимости на 1-2 секунды — достаточно долго, чтобы сказать «прощай», а затем исчезали в темноте таинственной щели, которая появилась в комнате. Дон Хуан нажал мне на спину и снял часть моей невыносимой боли. Он сказал, что понимает мою боль и что та близость, которая связывает нагваля-мужчину с нагвалем-женщиной является чем-то таким, что нельзя сформулировать. Она существует как результат эманаций орла. После

того, как эти двое людей сведены вместе, а затем разъединены, нет никакого способа заполнить пустоту, потому что это не социальная пустота, а движение этих эманаций. Дон Хуан сказал мне, что он собирается переместить меня в мое крайнее правое сознание. Он сказал, что маневр этот милосердный, хотя и временный: он позволит мне на некоторое время забыть, но не успокоит меня, когда я вспомню. Дон Хуан также сказал мне, что акт воспоминания является абсолютно непознаваемым. Фактически, это акт воспоминания самого себя, который не прекращается после того, как вспомнишь все взаимодействия, которые имел на своей левой стороне сознания. Напротив, воспоминание самого себя продолжает поднимать на свет каждое воспоминание, которое светящееся тело хранит с момента рождения. Те систематические взаимодействия, через которые воины проходят в состоянии повышенного сознания, являются лишь средством заставить другое «я» раскрыть себя в воспоминаниях. Этот акт воспоминания, хотя он и кажется относящимся только к воинам, касается в действительности каждого человеческого существа: каждый из нас может идти прямо в память нашего светящегося тела, достигая невероятных результатов.

Затем дон Хуан сказал, что в этот день в сумерках они уйдут и единственное, что им осталось сделать для меня, так это создать отверстие, разрыв в континууме моего времени. Они собирались заставить меня прыгнуть в бездну для того, чтобы прервать эманации орла, из-за которых у меня есть ощущение, что я цельный и непрерывный. Прыжок должен быть сделан, пока я буду находиться в состоянии нормального сознания. Идея состояла в том, что мое второе внимание возьмет верх; вместо того, чтобы умереть на дне бездны, я полностью войду в свое другое «я». Дон Хуан сказал, что я через некоторое время выйду из второго «я» после того, как моя энергия будет израсходована, но выйду я не на той же самой вершине, с которой я собираюсь прыгать. Он предсказал, что я материализуюсь на своем любимом месте, где бы оно ни было. Это и будет разрывом в континууме моего времени. Затем он полностью выпихнул меня из моего левостороннего сознания, и я забыл свою боль, свою цель, свою задачу.

В сумерках того же вечера Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Расчет нагвалы был столь точным и столь милосердным, что ничего из события их прощания не проникло через границы другого события, когда мы остались живы после прыжка в верную смерть. Каким бы поразительным ни было это событие, оно бледнело в сравнении с тем, что происходило в другой сфере. Дон Хуан заставил меня прыгнуть как раз в тот момент, когда он и все его воины воспламеняли свое сознание. У меня было подобное сну видение ряда людей, смотрящих на меня. Впоследствии я разумно решил, что это одно из длинной серии видений или галлюцинаций, которые прошли передо мной во время прыжка. Такова была жалкая интерпретация моего правостороннего сознания, подавленного чудовищностью всего этого события. На своей левой стороне я понял, однако, что вошел в свое другое «я» и этот вход не имел никакого отношения к моей рациональности. Воины партии дон Хуана удержали меня на бесконечный момент, прежде чем исчезнуть во всеобщем свете, прежде чем орел пропустил их. Я знал, что они находятся в сфере эманаций орла, которой я не мог достичь. Они ждали дон Хуана и дон Хенаро. Я видел, как Дон Хуан занял место впереди, а затем это была только линия ослепительных огней в небе. Что-то подобное ветру, казалось, заставляло ряд огней сокращаться и сжиматься. В одном месте, там, где находился дон Хуан, появилось сильное сияние. Я подумал об оперенном змее из тольтекской легенды. А затем огни исчезли.